

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ **№6(162)**

МОСКВА 2025

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

2025. № 6 — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев; д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан); д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг; академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора; д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач; д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); А.А. Козлачков; д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора; д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков; академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; к.э.н. Н.П. Недзвецкая; д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета; д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский; д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.с.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула); д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов; д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина; д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филиппенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев; д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция); д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора; д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов, И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, С.С. Нипа, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина, О.Б. Лемешенок, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183

e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phill.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/ljh/jhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2025

Содержание

Цифровизм и гуманитарность (Главный редактор)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства как достояние отечественной и мировой гуманитарной мысли.....	13
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Философско-хозяйственное осмысление дуализма новейшего миропорядка сквозь призму интересов РФ	28
<i>Б.М. Бизенгин, Ж.М. Кучукова, Д.А. Рахаева</i>	
О соразмерности политики, морали, науки и красоты в экономике	43
<i>М.М. Гузев</i>	
Проблемы устойчивого развития в условиях глобальной неустойчивости и их ноосферное решение	66
<i>М.Ю. Павлов</i>	
Проблема супервыравнивания и ограниченность искусственного интеллекта: «живая» математика и «черные лебеди»	83
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Современные аспекты комплементарности человека и ИИ.....	95
Раздел II. Экономическая теория	
<i>А.В. Кузнецов</i>	
О кризисе англосаксонской модели глобального управления	103
<i>О.В. Брижак, А.А. Ермоленко, О.Н. Толстобоков</i>	
Искусственный интеллект в зеркале политической экономии: новые перспективы технологической основы	115
<i>С.Г. Капканчиков</i>	
Санкционный кризис российской экономики и перспективы его преодоления	129
<i>С.М. Аракелян, М.Л. Альпидовская, Д.Н. Бухаров, Д.П. Соколов</i>	
Предсказательное моделирование и прогнозирование социально-экономического развития современной России	156

<i>A.B. Орлов</i> Комплексный анализ состояния отрасли промышленности и рынка реагентов для диагностики <i>in vitro</i> Российской Федерации.....	175
Раздел III. Актуальная философия	
<i>O.P. Чепьюк</i> Техномика против Канта: вызовы «капитализма наблюдения» ХХI века	201
<i>B.B. Белкин</i> Криптовалюты — «проклятая доля» цифровой эпохи: экономика растраты в социальной философии Жоржа Батая.....	212
<i>A.A. Михалкин</i> Влияние экономической и цифровой трансформации на идеологические процессы современного общества: историко-материалистический подход	227
Раздел IV. Актуальный менеджмент	
<i>H.M. Иванов, M.Ф. Фридман, M.T. Хасанов</i> Стратегическое управление талантами: философско-экономическая концепция экологического менеджмента	243
<i>I.B. Конюхов, H.A. Черных, C.B. Крылов</i> О моделях зрелости раздельного учета.....	258
Научная жизнь	
<i>T.C. Сухина</i> Отцы и дети: кто куда? (дискуссия на Орленковских чтениях — 2025).....	273
Анонсы — 2026	285
Наши авторы	287
Содержание за 2025 г.	293

Contents

Digitalism and Humanitarian (Chief Editor).....	7
---	---

Part I. Philosophy of Economy

Yu.M. Osipov

Philosophy of Economy as an Asset of Domestic	
---	--

and World Humanitarian Thought	13
--------------------------------------	----

S.G. Kovalev

Philosophical and Economic Understanding of the Dualism	
---	--

of the Modern World Order through the Prism of the Interests	
--	--

of the Russian Federation.....	28
--------------------------------	----

B.M. Bizengin, J.M. Kuchukova, D.A. Rakhaeva

On the Correlation and Proportionality of Politics,	
---	--

Morality, Science and Beauty in Economics	43
---	----

M.M. Guzev

Problems of Sustainable Development in the Context	
--	--

of Global Instability and Their Noospheric Solution	66
---	----

M.Yu. Pavlov

The Superalignment Problem and the Limitations	
--	--

of Artificial Intelligence: «Living» Mathematics	
--	--

and «Black Swans»	83
-------------------------	----

N.P. Nedzvetskaya

Modern Aspects of Complementarity between Human and AI	95
--	----

Part II. Economic Theory

A.V. Kuznetsov

On the Crisis of the Anglo-Saxon Model	
--	--

of Global Governance	103
----------------------------	-----

O.V. Brizhak, A.A. Ermolenko, O.N. Tolstobokov

Artificial Intelligence in the Mirror of Political Economy:	
---	--

New Prospects of Technological Basis	115
--	-----

S.G. Kapkanshchikov

The Sanctions Crisis in the Russian Economy	
---	--

and How It Might Be Overcome	129
------------------------------------	-----

S.M. Arakelyan, M.L. Alpidovskaya,

D.N. Bukharov, D.P. Sokolov

Predictive Modeling and Forecasting of Socio-Economic	
---	--

Development of Modern Russia	156
------------------------------------	-----

<i>A.V. Orlov</i>	
Comprehensive Analysis of the State of the Industry and the Market of Reagents for In Vitro Diagnostics in the Russian Federation.....	175
Part III. Actual Philosophy	
<i>O.R. Chepyuk</i>	
Technomics vs. Kant: the Challenges of 21st Century	
Surveillance Capitalism	201
<i>V.V. Belkin</i>	
Cryptocurrencies — the «Accursed Share» of the Digital Age: the Economics of Waste in the Social Philosophy	
of Georges Bataille	212
<i>A.A. Mikhalkin</i>	
The Impact of Economic and Digital Transformation on the Ideological Processes of Modern Society: a Historical and Materialistic Approach	227
Part IV. Actual Management	
<i>N.M. Ivanov, M.F. Fridman, M.T. Khasanov</i>	
Strategic talent Management: Philosophical and Economic	
Concept of Environmental Management	243
<i>I.B. Konyukhov, N.A. Chernykh, S.V. Krylov</i>	
On Separate Accounting Maturity Models	258
Scientific Life	
<i>T.S. Sukhina</i>	
Fathers and Sons: Who's Going Where? (Discussion at the Orlenkov Readings — 2025).....	273
Anounce — 2026	285
Our Authors	290
Contents for 2025	293

Цифровизм и гуманитарность

Сам по себе цифровизм — явление не сегодняшнего дня, ибо цифра и оперирование с нею, как, собственно, и слово, буква и оперирование с ними, всегда и повсюду были и есть в бытии человека, однако сегодня, с появлением и широким применением особого рода технологий, в которых цифровой счетно-расчетно-хаосно-порядково-системной динамике принадлежит ведущая роль, а высокое, даже и изящное, использование этих густо оцифренных технологий вызывает нешуточную претензию на замещение вовсе уже не механо-счетно-расчетных способностей и действий человека, а самых что ни на есть человеческих разума, ментала, когнитива и интеллекта, то сегодня цифровизм, он же ультрацифровизм, уже нечто такое, что сравнимо пусть еще и не с Сакралом в лице Господа Бога или в образе Софии, но вполне себе уже сравнимого с феноменом самого человека, аккурат создавшего себе и под себя цифрового-де помощника, но ведь и себя заменителя тоже, как и, не исключено, вполне себе хладнокровного могильщика.

Но мы сейчас всего лишь о гуманитарности,вольно или невольно сожительствующей ныне с такой вот технически развитой квази-проксипсевдо-гуманитарной (или всего лишь гуманитарствующей) ультрацифровизацией. Мне можно с легкостью, достойной лучшего применения, возразить: как были гуманитарии гуманитариями, так ими и остаются, с той лишь разницей, что в их распоряжении теперь куда более масштабные и куда более скоротечно получаемые и ловко техногенейроцифроплатформами обрабатываемые массивы куда более разнообразных данных о том же самом человеке, о социуме, о хозяйстве и экономике, о людских предпочтениях и поведениях, о субъективных и объективных в суммарном человечестве тенденциях.

Что касается сей «разницы», то мы возражать на это особенно и не будем, ибо так уж оно и есть, хотя вопрос об отнесении добытых ультрацифровизмом данных к собственно текущей гуманитарной реальности или же к собственно «воображению» самого платформного ультрацифровизма всегда, так или иначе, остается, как и обычная ж/д платформа, открытым.

Мы вообще-то хотим сказать совсем не об этом, а об уже упорно подвергаемой цифрократическому насилию гуманитарности, причем во все при этом и не таким уж высокотехнически оснащенным, даже вроде бы и не замещающем когнитивно собою самой гуманитарности цифрократизмом.

О чём речь?

Что касается как такового «искусственного интеллекта» (ИИ) с его замечательными «гуманитарными» заключениями типа «убить», разумеется, не кого-нибудь, а самого же породившего его человека (может, право, ИИ по-своему, а то и прямо по-человечьи, при этом и несказанно прав!), так мы не о нем, не об «ИИ», то бишь не о высоком ультрафизионизме, мы хотим здесь замолвить словечко о совсем другом цифровизме, вполне и примитивном, даже и грубом, аки корявое полено, а именно о насильтственном (иначе не скажешь!) подчинении гуманитарности, следственно, и слова, и когнитива, и морали, и правды, а главное для ученого гуманитария — смысла, — СМЫСЛА!, да не кому-нибудь, а как раз бездушной и бездуховной, вообще-то и самой по себе бессмысленной цифре — ЦИФРЕ!

Каким образом?

Нет, конечно, не прямой заменой гуманитарного слова негуманитарной цифрой, чего при всем желании и рвении облаченных административной властью «цифровиков» сделать невозможно, а вот посредством присутствия в гуманитарных текстах где надо и где и не надо чего-нибудь оцифровеньского, да еще и высокоматематически, с формулами и моделями, якобы как раз и воистину научно-достоверного, как и посредством подчинения гуманитарного размыслительства цифро-оформленным нормам вроде разного рода рейтингов, количеств «заработанных» для этого баллов, обязательного числа обязательных-де в публикациях цитирований, обязательного опубликования текстов в ограниченных числом списках высоко-де-рейтинговых и особо-де-научных журналов, обязательного числа скоротечно творимых журнальных публикаций, да не просто ради защиты диссертации или прохождения должностного конкурса на замещение своей собственной «вакансии», как и продолжения «бескорыстной» службы цифре по месту официальной службы, но и для получения вознаграждения, зарплаты, премий, в общем — ради жизни своей и своей профессиональной деятельности!

А ведь ученый гуманитарий не опытник, не яростный охотник за головами, не тот же хирург, как и не исследователь чего-то твердого, незыблемого, вязкого, упругого, жидкого, в общем — материального, а размыслитель над идеальным, метафизическим, на глазах не существующим, никак руками не ощущаемым и никакими приборами не фиксируемым, а ежели он настоящий ученый-мыслитель, а не компилятор, то он хоть и может кого-то из предшественников или смыслителей иной раз

«цитнуть», но вовсе не обязан этого делать по навязываемой ему обязанности, ибо тут цепы не обязательные цитаты, как и не обязательное знание кого-то, кто обычно вовсе и не нужен, а собственная, выходящая за пределы весьма чаще всего условной, ограниченно-горизонтальной фактологии, не лимитирующая себя ближайшим обобщением зачастую неопределенных фактов, а уходящая по вертикали в смысловые глубины и выси, как, собственно, и смысловые горизонтальные дали тоже, ничем не исчислимая, безгранична мысль — МЫСЛЬ!

Сейчас ученая гуманитарность в оцифрованной таким вот образом тугой и тупой опале, если не в резервации, может, всего лишь на паузе, если не, не дай бог, в отмене. А ведь без высокой и свободной ученой гуманитарности несть ни человека, ни нации, ни государства — НИЧЕГО!

Уразуметь бы!

Главный редактор

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА

Ю.М. ОСИПОВ

**Философия хозяйства как достояние отечественной
и мировой гуманитарной мысли***

Аннотация. В публикуемой статье приводятся два дополняющих друг друга новых текста 2025 г. из подготовленного автором 3-томного собрания своих разного — малого и большого — формата и разных лет XXI в. текстов, обращенных к предмету изложения как в дидактическом, так и в размыслительно-откровенческом аспектах: «Иное достояние. От политической экономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии. Собрание превентивных текстов». О содержании статьи в краткой аннотации не рассказать, а вот что читать и над чем думать, — тут уж веский повод для все-еще-гуманитария явно есть.

Ключевые слова: гуманитарная мысль, философия хозяйства, философия, политэкономия, софиология, софиасофия, Иное.

Abstract: The published article contains two complementary new texts of 2025 from the author's prepared 3-volume collection of his texts with different format, small and large, and with different years of the XXI century, addressed to the subject matter in both didactic and thoughtful aspects: «Another property. From political economy to philosophy of economy, from sophiology to sophiasophy. Collection of preventive texts». It can't be revealed the content of the article in a short annotation, but what to read and what to think about, — there is clearly a good reason for a humanitarian.

Keywords: humanitarian thought, philosophy of economy, philosophy, political economy, sophiology, sophiasophy, the Other.

УДК 330
ББК 65в

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Осипов Ю.М. Философия хозяйства как достояние отечественной и мировой гуманитарной мысли // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 13—28. DOI: 10.5281/zenodo.17780402.

Текст первый¹

«Я — ДОСТОЯНИЕ, однако ИНОЕ!»

Согласно уже установившемуся бренду, Я — это *философия хозяйства*, рожденная более столетия назад в России, в Московском университете, затем нарочито на восемь десятков лет забытая, причем прежде всего как раз в России, точнее в СССР, будучи старателюно упрятанной в библиотечных заказниках по воле заправлявших в стране в гуманитарной сфере «правильных научных марксистов», затем внезапно-намеренно переоткрытая, причем все там же, аккурат уже на исходе СССР, в России, во всем том же, хоть уже и заметно ином, Московском университете (МГУ), ну и там же в России и, прежде всего, во все том же МГУ целостно развитая и, хоть и обретшая официальный статус научной школы, но в то же время официально никак не квалифицируемая как значительное гуманитарное, причем российское и мировое, достояние — ДОСТОЯНИЕ!

Однако, ежели признать философию хозяйства за бесспорно выдающееся достояние гуманитарной мысли, то следует при этом подчеркнуть, что это все-таки ИНОЕ в парадигмальном плане достояние, чем это могло быть в гуманитарном размыслительстве эпохи Просвещения до появления на свет философии хозяйства, как и в тот же период ее запретительного забвения, возможно, чем есть даже где-то и сейчас, уже в саморасцвет философии хозяйства.

Ежели *хозяйство* для философии хозяйства есть *отправление жизни*, или *жизнеотправление*, включая при этом и отправление *смерти* (vito наряду и в единении с morto), чего нельзя не признавать при обращении к жизни в аспекте ее извечного отправления в переплетении со смертью — *жертвотоотправления*, то такое жизне-смертное отправление относится в общем-то ко всему на свете из подлежащего субъектному, пусть и сугубо трансцендентному, аттракторно-сингулярно-сингергийному ведению, а для человечества — ведению *осознаненному*, то бишь ведению *сознанием через сознание*, а несколько иначе — *разумом через разум*, с участием гнездящихся в идеальном мире человека таких феноменов, как *знание, слово, язык, идеи, память, навыки, опыт, воображение, фантазии*, что не исключает присутствия и действия в сем иде-

¹ Опубликовано в: Осипов Ю.М. Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии: В 3 т. Т. 1. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. С. 7—12.

альном по преимуществу «управленческом» процессе элементов, прорывов и потоков бессознания, безумия, как и той же инфернальнойпустоты.

Хорошо, пусть так, но что же здесь *иного*?

А *иное* тут, конечно, не так в выше только что сказанном, хоть не мало и в нем, как, во-первых, в принципиальном отличии понятия «хозяйство» от синонимически широко и в общем-то весьма бездумно употребляемого понятия «экономика», ибо то и другое понятия, хоть и бывающие в скоротечном употреблении синонимами, но по сути же это во многом принципиально различные понятия, хотя саму экономику можно посчитать за хозяйство и даже за жизнеотправление человека, однако лишь такое в экономическом образе хозяйство-жизнеотправление, которое, согласно философии хозяйства, опосредовано движением и действием *идеальной субстанции* под уже привычным для экономической (точнее, политэкономической) мысли именованием — *стоимости*, выраженной на практике в идеально-трансцендентном «кварке», состоящем из денег и цен (оцененных денег и оденеженных цен), а во-вторых, иное тут в том важнейшем обстоятельстве, что философия хозяйства, трактуя как вообще хозяйство, так и его частность — экономику, полагает себя ментально (*Sic!*) *за пределами* не только экономической науки в любой ее ипостаси (от «седой» политэкономии до еще молодцеватой эконометрики), но и (*Sic!*) *науки вообще*, то бишь находясь не в жестких и во многом прямо-таки надуманных и упсенно догматизированных матричных рамках *гуманитарной физики*, а в куда более свободной и творческой стихии *гуманитарной метафизики*, как раз заметно более адекватной хозяйственно-экономической, тоже ведь весьма свободной и стихийной, реальности, чем тяготеющая к материальности, порядку и системности любая наука, стремящаяся как-никак, а к точности, пусть всего лишь и квазиточности.

Да, выходя за пределы той же политэкономии, философия хозяйства попала поперек в сферу фундаментальной философии, что заставило в гуманитарной среде полагать, что философия хозяйства есть либо просто применение философии к хозяйству, либо некая отрасль самой философии, однако, развиваясь через самоосмысление в единении с осмыслением хозяйственной реальности, философия хозяйства не преминула выйти и за пределы самой общепринятой тогда и сейчас философии, сосредоточившись на *иной* философии, точнее, на *метафизике*, однако тоже весьма *иной*, причем не так умозрительной, как источаемой непосредственно самой *хозяйственно-экономической реальностью*.

Здесь не было и нет какого-то полного и окончательного отказа от философии как таковой, как и от той же экономической науки, нет,

здесь имело и имеет место лишь смысло-ментальное *преодоление* того и другого, дабы обеспечить свободное смысло-ментальное приближение к тому, что нементально говорила и говорит от себя и за себя, пусть вроде бы и всецело немотствующая, хозяйственная реальность.

Да, хозяйство есть жизнеотправление, однако так или иначе предварительно предусматриваемое ведущим его субъектом, его сознанием и разумом, пусть и не без вмешательства бессознания, и даже безумия, да мало что предусматриваемое, но и моделируемое, проектируемое, планируемое, а иной раз и попросту угадываемое, отчего хозяйство, несмотря на присутствие в нем вполне осознаваемых человеком как так или иначе самостоятельная данность труда, производства и потребления благ, творчества, как раз вроде бы согласно той же экономической науке, не только не отделимых от хозяйства, но его в основе и составляющих, это-то хозяйство, согласно уже философии хозяйства, ничего из перечисленного хозяйственного не отрицающей, как раз и прежде всего наличествует не где-нибудь, а в сфере сознания, в головах людских, будучи исходно и по ходу нечто идеальным, воображаемым, мало того, еще и немало трансцендентным.

Все то же самое можно сказать и об экономике: вся стоимость с ее деньгами и ценами, капиталами, инвестициями, кредитами, доходами, затратами и т. п. вещами-вестями бытует не где-нибудь, а в сфере сознания, если хотите, в ноосфере, аккурат в тех же головах людских, и этих хозяйствующих экономически голов она — стоимость — никогда не покидает, как и не покидает их и вся в целом экономика, которая не есть ни труд как таковой, ни производство и потребление благ, ни как таковое творчество, ни даже сам по себе физический обмен благами, а есть, повторяем, *жизнеотправление человека*, опосредованное, опять повторяем, движением и действием *идеальной субстанции* — *стоимости*, еще и принимающей на себя роль вполне себе трансцендентного хозяйствующего субъекта.

Да, правильнее, наверное, было бы говорить не так о философии хозяйства, как о *метафизике хозяйства*, причем исходящей не только от ведущего хозяйство субъекта, но и от самой по себе хозяйственной реальности, в ней-то как раз в особенности и гнездящейся (метафизика вовсе не только субъектна и субъективна, она и вполне себе объективна и объективна). Да вот что тут поделать: бренд, он и есть бренд, так что приходится мириться с символическим словосочетанием «философия хозяйства», что, правда, не мешает и саму философию в философии хозяйства понимать не совсем как философию, да и вообще любую философию воспринимать весьма не так, как это повсюду принято.

Здесь ведь более всего не философия как таковая, даже и не умозрительная метафизика, а исходящее от (из) идеально-трансцендентного объекта... э-э... *знание*, конечно, вовсе не точное знание, хоть частично и не без оного, а знание, органично сплетенное с *незнанием*, то бишь не просто знание рядом с незнанием, могущим вдруг стать познанным, перейдя в разряд знаниевого знания, а знание рядом с никогда не могущим оказаться познанным и перешедшим в разряд знаниевого знания sacramentalным *Незнанием* (с большой буквы, чего тут стесняться!), восходящим к, быть может, не субстанциальной, но зато прочно присутствующей во Вселенной *Великой Неизвестности*, непосредственно со-пряженной с неведомой человеку *Вечностью*, не избегающих при этом и своего присутствия в текущем *Времени*, включая и историческое, а главное, сопряженной с восходящим к Великой Неизвестности и действующим во Времени, будучи в исходе своем не менее неизвестным, чем сама Великая Неизвестность, так называемым *Иным*, заставляющим человека, во-первых, трансцендентно, незнамо и как, открывать в себе самом, в своем бытии и своем хозяйстве, как и в окружающем мире, нечто *иное*, не просто отличное от чего-то уже известного, а вполне себе авторитарное *Иное*, не поддающееся никакому ясному, тем более, физиалистскому (научному-де) отображению, а лишь интуитивно улавливаемое человеком; во-вторых, алкать и алкать ускользающей от человека и ему принципиально недоступной исходной или же конечной, кому как нравится, *истине*; в-третьих, по-каински менять и менять себя, свое хозяйство, свой мир, стремясь к их и себя невнятно-неземному совершенству, в реальной жизни никак вполне не достижимому, а ежели вдруг и, условно говоря, достижимому, то лишь на площадке (панели) всеобщего погоста, да и то не в абсолютной мере.

Да, человек живет хозяйствуя, а хозяйствуя — живет, точно так же, то бишь хозяйствуя, он — человек — и умирает, и все это в лоне безразличной к нему *Великой Неизвестности* и под непрестанным влиянием неустанного *Иного*.

Человек на Земле, как известно, вовсе не в Раю, а в самом настоящем... Аду, оснащенном и непрерывно работающей *Преисподней*, отчего только и возможно на Земле... э-э... *Творение*, следовательно, и жизнь, и хозяйствование и неугасаемое стремление к чему-то иному, и перемены, и развитие, и прогресс, аккурат на страдном, смрадном и страдательном пути из реального Ада в нереальный Рай, да что поделать: так говорит... нет, вовсе не Заратустра, согласно самоотверженным усилиям Ф. Ницше... а сама земно-космическая реальность, которая, заметим, как раз сплошь и *хозяйственная* (для человека хоть обыденная, хоть производственно-потребительская, хоть лукаво экономическая, хоть не

менее лукаво политическая, хоть работная, хоть служилая, включая армию и любые войновские происшествия, хоть бандитская, да и вообще любая в разнообразном и вовсе не совершенном бытии человеческом).

А говорит немотствующая о себе хозяйственная реальность не сама по себе, точнее, не только сама по себе, а через посредничество не чего-нибудь, а самой *Софии Премудрости Божией*, а по-нашему по-просту *софийности*, или *софийной метафизики*, отчего не через философию как «любовь к мудрости», а через иную софию, сопряженную с Софией, а именно, как утверждает философия хозяйства, через *софиасофию*, когда человеческой, даже и природной, софии предопределяюще предшествует софия — что божественная, как прямая мысль Божия, что тварная, уже как мысль Божия, воплощенная в Творении, а с софийным подходом к делу познания философия хозяйства, которая, кстати, тоже хозяйствует, как и те же наука с философией, как литература, как искусство, так вот философия хозяйства становится *иной*, а именно *софиасофской*, а ежели подойти к сему определительно, то превращается из философии хозяйства в *софиасофию хозяйства*, что, знаете ли, соответствует сбросу с себя, аки змея, своей потускневшей шкуры привычного и тоже уже немало потускневшего псевдонима «философия хозяйства» и обретения своего, куда более реально-истинного, именования *софиасофии хозяйства*, правда, все равно остающегося в тени своего устоявшегося в гуманитарном мнении позывного в виде «философии хозяйства», а потому иного именования, никак к себе широко и не применимого.

Да-а, слышат гуманитарии незнакомый им звон, да не знают, что и где он, что тоже вносит свою лепту в факт *инойности* меня — философии хозяйства, делая меня не просто выдающимся, от чего уже не уйти, **ДОСТОЯНИЕМ** гуманитарной мысли, так еще и **ИНЫМ** достоянием, мало что другим по смыслам, так еще и для большинства гуманитариев чем-то из разрядавольно или невольно *неизвестного* (этакой *terra incognita*), от чего уж точно никуда не уйти, а предвзятым залогом всему этому служат непонарошные непонимание, невосприятие, игнорирование и даже никак смыслово не обосновуемое, но зато дружное, отвержение философии хозяйства, не говоря уж о софиасофии и о софиасофии хозяйства, то бишь гуляющие вокруг источающей нештучное беспокойство «*terra incognita*» негативы, идущие не без раздражения со стороны массовой, уже и остаточной по воле все более оцифруемой ультрасовременности, гуманитарщины.

Бог всему и всем тут судия, а сакрализованная реальность как-нибудь во всем этом непременно сама и разберется, правда, с каким и для кого итогом, что, возможно, и сам Господь Бог пока — до Конца Времен — не знает!

Текст второй²

«Философия хозяйства как достояние ИНОГО»

В сфере гуманитарной мысли, как раз той, возбужденной эпохой Просвещения, хватает творческих достижений, ставших чуть ли не вековечными достояниями в виде хватких идей, ударных открытий, завораживающих концепций, даже и оригинальных новых трактовок чего-то ранее и даже когда-то на заре истории выказанного, не говоря уже о целых течениях мысли, удерживавших или изменявших сам образ бытующей ментальной гуманитарности.

Какие-то из свершений квалифицировались как мифологические, какие-то как гностические, какие-то как философские, по преимуществу метафизические, какие-то как богословские, какие-то как научные, даже и физикалистские, ну а какие-то как художественные, характерные для литературы и искусства.

По нашему убеждению, весьма уже подтвержденному ходом современной смыслообразующей ментальности и адекватным ее единением с разворачивающейся в мире и в России гуманитарной реальностью, круто замешанной ныне и на хомотехногенной ирреальности, к несомненному достоянию российской и мировой гуманитарной мысли можно с верой в исконную правду отнести и знание-размышление, невольно ставшее оригинальным — *иным* — по причине своего широкого непризнания, однако насыщенное новыми, как раз весьма для общепринятой ныне гуманитарности *иными*, смыслами, оно же и течение мысли, называемое в согласии с возникшим столетие назад и весьма подтверждаемым ныне брендом *философией хозяйства*.

Да, именно так — *философией хозяйства*, как раз и заявившей о себе как о выдающемся достоянии российской и мировой гуманитарной мысли, да-да, именно так, как о выдающемся достоянии российской и мировой гуманитарной мысли, однако при этом и как об *иом*, чем другие, достояния.

Оговоримся, что само словосочетание «философия хозяйства» родилось всего лишь из потребности выхода за пределы того, что издавна весьма неопределенно называлось и называется до сих пор «экономикой», как и выйти за пределы теоретически (воззренчески) представляющей экономику-де «экономической науки» (от ставшей традиционной

² Опубликовано в: Осипов Ю.М. Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии: В 3 т. Т. 3. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. С. 666—676.

политэкономии до ныне модной эконометрики с ее тенденцией к ультрасовременной цифрономике), и вот за этими пределами могли оказаться поначалу лишь *хозяйство* как объект рассмотрения и *философия* как метод рассмотрения в ее — философии — исходной и фундаментальной интерпретации как вольного и не ограниченного никаким благонамеренным постулированием размыслительного — по преимуществу *метафизического* — действия (наука и философия — не одно и то же, хотя в университетах бытуют научная-де философия и та же философия науки, но зато нет и не может быть ни оксюморонной науки философии, ни столь же оксюморонной философской науки, исключая разве какие-нибудь частные пересечения научного и философского подходов).

Что касается «экономики» и «хозяйства», то хотя эти слова-понятия и употребляются как синонимы, обозначая как бы одно и то же, но, однако, тут вовсе не одно и то же, хотя экономика, как бы ее ни понимать, всегда хозяйство, а хозяйство не только не ограничивается экономикой, а по большей своей части никакой экономикой и не является, о чем еще будет сказано ниже.

Нет, не само по себе словосочетание «философия хозяйства» делает философию хозяйства реальной *философией хозяйства*, мало того, еще делает ее значимым *достоинством* гуманитарной мысли, причем *иным* относительно распространенной вокруг гуманитарной мысли, нет, во-все нет, ибо хоть забрендированное словосочетание и весьма ныне употребимо, но реальная философия хозяйства в своей основе не только не продукт толковательного применения общепринятой философии к хозяйству посредством простой привязки философии к хозяйству, как, к примеру, в случае с той же «философией жизни», не говоря уж об анекдотической «философии футбола», тем более уж философия хозяйства никакое не дополнение к изрядно де и так философствующей политической экономии, а философия, если таки употреблять это слово-понятие, особенная, отчего лучше было бы употребить другое слово-понятие, когда-то в расцветший век Просвещения опоганенное и отвергнутое, а именно — *метафизика*, причем применяя его как к *образу мышления*, так и к *самой хозяйственной реальности*, понимаемой не как просто производство и потребление благ, что все еще характерно для экономических наук, а как *целостное жизнеотправление*, да не только одного лишь человека как земно-космического существа, но и всего мироздания в целом, не исключая и самого Господа Бога (сказать «хозяйство Бога» — пожалуйста, а вот сказать «экономика Бога» — Боже упаси!, как, собственно, вполне возможно сказать «метафизика Бога» и уж никак не «философия Бога»).

Уже поэтому философия (методология) самой философии хозяйства заметно относительно обычной философии *ина*, да и само хозяйство тут весьма *иное*, ибо оно есть в высшем и глобальном плане не что *иное*, как жизнеспособно воспроизводящийся по воле имманентного или же трансцендентального субъекта малый, большой или вовсе безграничный *мир* — не более и не менее!

Что же это за философия, которая более всего не от философии как таковой, а от реальности, мало того, вообще более от реальности, чем от ментала, мало того, она еще и от какой-то сверхреальности, с которой философствующему в русле метафизики хозяйства менталу как раз более всего и приходится иметь дело?

Строго говоря, это не совсем и философия, во всяком случае в ее привычном понимании (кстати, в каком же, если не в расплывчатом трансцендентно-мифотворном?)

Да, есть она — философия, хотя бы аки «любовь к мудрости», ну и ладно, как есть то же хозяйство, экономика, хозяйство и т. п. вещи (и вести), а ведь ничто из всего этого окончательно, точно и несомненно не определено и, что, конечно, весьма «ужасно», никак подобным образом и не определимо: одному из философствующих мудрецов кажется одно, другому — другое, третьему вообще ничего такого не кажется, а слова-понятия летят себе и летят, обозначая что-то, а вот что же в действительности — большой вопрос!

Сознание здесь работает не с окончательными, точными и несомненными определениями, а с их весьма свободными и весьма разными по смыслу, не исключая и псевдосмыслов, представлениями-образами-призраками, — и что интересно — *работает!*, ибо ничего другого в хаосном по изначальной своей природе человеческом сознании, к тому же весьма зависимым в нашем случае от не менее хаосной предметной реальности, кроме словесно-понятийного хаоса и быть не может!

Сознание в основе своем — хаос, философия — тоже хаос, гуманистическая наука — хаос, так ведь и хозяйство — хаос, и экономика, и государство, как и все жизнеотправление, причем везде хаос сей не простой, не броуновский, а *творящий*, однако что же творит-то он, этот самый хаос... нет, не одни лишь энтропию, беспорядье и ту же пустоту, а и кое-что обратное, вполне себе и порядковое, правда, в хомо-социосфере не математически выверенный порядок, ибо все отмеченное хаосное во все и не атрибутивно точной часовой механике или тому же смиренно-упорядоченному погодству (впрочем, и тут, и там хаоса тоже по-своему хватает!)... а творит сей вовсе не броуновский хаос из себя не что иное, как *воспроизведственный (действенный) хаосмос*, что означает, конечно, не какой-то железобетонный конструкт, а нечто среднее между

хаосом и космосом, впрочем, почему и не сам космос, пусть и его совсем малую часть, ибо сам космос тоже есть во многом не что иное, как безграничный хаосмос.

Целеположенно действующие сознание, философия, наука, хозяйство, экономика, государство, как и жизнеотправление вообще — тот или иной *хаосмос* — факт!, причем хаосмос идеальный и материальный, смысловой и фактологический, трансцендентный и имманентный, отчего и делается возможным само бытие всего из вышеперечисленного, как и многое еще что другое.

Итак, первое заключение: философия в философии хозяйства признает, воспринимая существующую хомосоциальную реальность, как подвижный в элементах, частях и в целом *творящий хаос* с то возникающим, то исчезающим в нем *хаосмосом*, не отрицая факта появления местами и моментами достаточно устойчивых и даже жестких упорядочений.

Однако это не все: чтобы из хаоса возникал хаосмос, как и более жесткий порядок, а хаос, о котором речь, повторим еще раз, вовсе не брууновское мельтешение туда-сюда неких его — хаоса — частиц (не только и не столько, кстати, в нашем случае, материальных), а хоть, возможно, и какое-то частицевое мельтешение, однако, (Sic!) с некоторой задаваемой сему туда-сюда мельтешению либо созидающей, либо разрушительной целью, что то же самое — с телеологией, а в нашем философско-хозяйственном случае — хозяйственной целью, опять же либо созидающей, либо разрушительной.

Тут впору заговорить о *сингулярах* (этих центровых источниках целеположенного движения хаосной реальности к хаосму или же обратного ее движения к хаосу), об *аттракторах* (этих внешних по преимуществу побудителях того же самого или сходного действия), ну и о *синергийных эффектах* организационно-поведенческих следствиях того или иного побудительного к созиданию или разрушению первичного энергосилового самотолчка), что, конечно, облегчает восприятие реальности хаоса и хаосмоса, их между собой творческого взаимодействия, но что позволяет заключить и кое-что другое: *реальная жизнь* (даже и самого мироздания), непременно сочетаясь с хаосом, непременно же устремлена и к своей противоположности — *смерти*, а смерть и есть как раз то, что в абсолютном выражении и оказывается у человека полным порядком.

За полным порядком с его статуарностью более всего проглядывает именно смерть, а вот за хаосом и хаосмосом — какая-никакая, а жизнь!

А что же это за инициаторы либо созидания, либо разрушения хомосоциальной жизни в виде сингуляров, атTRACTоров и синергийных эффектов на уровне человека и сознания, как и тех же хозяйства с экономикой?

Отвечая на этот каверзный вопрос, придем ко второму важному философическому заключению, касающемуся самой природы философии в философии хозяйства, для чего, указав на заложенные изначально в человека его сознание, подсознание и сверхсознание (а таковые все есть!), не отменяемые человеком устремления к жизни и смерти как себя, так и окружающей человека живой и неживой природы, заметим, что жизнь и смерть, реализуются не только в между собой противоположении и борьбе, но и в конструктивном между собой единении (где жизнь, там и смерть, а где смерть, там оказывается вовсе не вдруг и жизнь, — любопытно, не правда ли?).

Кем или чем заложены сии противоположные устраниния?

Первый ответ — природой, среди которой приходится существовать человеку с его сознанием, включая и бессознание, разумом, не исключающим безумия, воображением, предполагающим и безотчетные фантазии: «хощь не хощь», а человек телесен, животен, зверинен, плотояден, не говоря, что вегетарианен. Однако сознание, разум, да и воображение в человеке, как и слово, язык, речь — явно не от природы как таковой, а от какой-то прямо-таки сверхприроды, если уж не вполне от Бога или дьявола, то уж от всего мироздания — точно!

Что остается сознанию, разуму, воображению? Лишь удовлетворять сиим устремлениям — к *vito* и к *morto*, что, кстати, реализуется с участием и бессознания, и безумия, и фантазий, а иначе ни *vito* тебе, ни *morto*, ну и человека с его сознанием, разумом и воображением, в общем — *nichego*!

Если все это не очень понятно, точнее, не очень для многих примемо, то поясним: в человеке прежде всего сидит диавол (сатана, шайтан), а потом уж... нет, не Бог, конечно... а всего лишь божественное начало (или дар Божий), вот человек и бытует со своими сознанием, разумом и воображением меж диавольским и божественным началами, гнездящимися в нем самом, как водится, с переменным морально-деловым успехом то для одного начала, то для другого, а ежели сказать по-простому, по-обыденному, то бытует человек меж злом и добром, когда при всем при этом вдруг или не вдруг зло приносит добро, а добро вдруг или не вдруг приносит зло, а в целом... э-э... незнамо как, как уж получается, еще и как-то, знаете ли, само по себе получается, независимо от степени осознанности, разумности и предусмотрительности проис-

шедшего: и ни религия, ни философия, ни наука, ни мифология, ни обыденная житейская мудрость, ни личный опыт, ни борьба меж людьми, ни воспитание «человеков», ни запреты, ни наказания сего замшелого помешательства раз и навсегда никак не одолеваю, а воспроизводят, воспроизводят, воспроизводят, добавляя к сему этому еще и потоки сомнений, искажений, лжи, обмана, неуверенности, мошенства, клевет, угроз, преследований, страха, ликвидаций, крови, хотя и не без выплесков там и сям кое-какой обо всем этом правды, больше, правда, намеками, иносказанием, слишком, по большей части посредством многозначительных гримас, взглядов, умолчаний, иной раз и громким словом, а то и ударной речью, отчего с риском и еще раз с риском для говорящего (кричащего), мало того, жертвуя судьбой, карьерой, здоровьем, жизнью.

Вся цивилизованная хомосоциальная жизнь держится по преимуществу на *полуправде* (или мнимой правде), когда и не разобрать бывает, где правда, а где ложь, а «таперича» еще и на лукавой *постправде*, которая как бы заведомо ни правда и ни ложь, а так... *пустовня*, зато какая занимательная и привлекательная, особенно ежели из телевизора или смартфона!

Слова, слова, слова!

А ведь сие словоизвержение, причем все равно какое: старое ли, новое ли, теоретическое ли, практическое ли, научное ли, философическое ли, ученое ли, журналистское ли, написанное или вслух проговариваемое, в общем, любое, включая и политическое, и управленческое, и официальное, и театрализованное, и изобразительное, даже иной раз и богословское, не говоря о народно-массово-интернетном, такое вот словоизвержение есть не что иное, как... *хозяйствование*, реализующееся наряду и немало вперемешку со всем иным хозяйствованием — деловым, произвольным, потребительным, тем же разрушительным, отчего у нас выскакивает еще одно важное заключение: хозяйство-то человеческое идет не просто местами и моментами не по правде, а ежели на это посмотреть истинно правдиво, то как-то очень уж в тесном, ежели не в братском, единении с ложью, во всяком случае, во вполне дружелюбном их между собой переплетении.

Вот это заключение! Что ж, попробуйте, господа хорошие и товарищи дорогие, сие опровергнуть!

Да, без достаточной правды или уж ее подобия в общем-то особенно не похозяйствуешь, как не похозяйствуешь без доверия, кооперации, взаимопомощи, товарищества, дружбы, ну и чести, наконец, что правда, то правда, но и без ловкой лжи тоже ведь в хозяйстве никуда, как и без обмана, произвола, борьбы, вражды, ликвидаций, смертоубийств, а вот чего там или сям бывает больше или меньше — того или другого,

это уж дело наполненной всяческой игрой, отношениями, контактами, связками, разрывами и вообще борьбой текущей хозяйственной реальности, а так наряду с порядочностью и даже открытостью все более секреты, обманки, уловки, приманки, ловушки, прикрытия, ну и «правоверная» статистика тоже: хошь верь ей, хошь не верь, а реальность течет себе *по-своему* и течет!

Круто, но факт, особенно в том и там, что называется, походя, «экономикой», да не в незнамо какой для экономической науки экономике, а в той, что хоть и имеет самое что ни на есть заметное место в хозяйстве и во всем жизнеотправлении, но как что-то сугубо особенное, в целом никак масштабно-качественно не равное хозяйству, а уж тем более всему жизнеотправлению, отчего как раз воистину и собственно *экономическое*.

Что же? А всего лишь хозяйство со *стоимостью*, этой *идеальной*, то бишь порождаемой сознанием, включая разум, безумие и то же бессознание, *субстанцией*, никогда сферу сознания не покидающей (если кому-то сие не нравится, то скажем по-замысловатому — не покидающей *ноосферы*), и в хозяйственной практике выраженной деньгами и ценами (или в деньгах и в ценах), а точнее, в признаваемой за деньги и цены идеальной *цифре*, вполне и математической, то бишь со вполне себе математическим счетом-расчетом, однако с немало все-таки и трансцендентным счетом-расчетом, производимым самой осознанной и оразумленной, хотя местами и моментами обессознанной, как и обезумленной, хозяйственно-экономической реальностью и никаким другим внешним и напрямую имманентным счетом-расчетом (тем же эконометрическим) в целом никак пока не заменимым, хотя к такой замене кайновский технический прогресс вовсю стремится, надо заметить, не без успеха (но об этом подробнее чуть позже).

Экономика — хозяйство со стоимостью, через стоимость, но при этом и хозяйство самой стоимости, а в общем — *стоимостное хозяйство*, можно сказать и проще — *денежно-оценочное хозяйство*. Все, что в жизнеотправлении не проходит стоимостного или попросту денежно-оценочного опосредования — не экономика!

Важнейшее тут с позиций философии хозяйства заключение, ставящее все точки над *и* в понимании отличия «хозяйства» от «экономики», не так ли?

Да, стоимость с ее деньгами и ценами представляется не более, чем посредником в хозяйстве, в жизнеотправлении человека. Действительно, это так. Однако стоимость с ее деньгами и ценами, как со всеми от денег и цен производными вроде капиталов, инвестиций, кредитов, доходов, затрат, зарплат и т. п. вещами-вестями, как и представляющими все это

цифрами, числами, величинами, не только посредник, даже и не столько посредник, сколько своеобразный... э-э... *хозяйствующий субъект*, а ежели не нравится тут «субъект», то уж *хозяйствующая сила*, причем как прежде всего сама по себе трансцендентная сила, а затем уж и как сила в руках любых людских хозяйствующих субъектов, оказывающихся в данном случае экономическими, но в особенности в руках специфически *стоимостных субъектов* — тех же банков, спецгосинститутов, иных учреждений вроде фондов, ассоциаций, центров, так или иначе составляющих в единении с эмиссией денег и эмиссией ценообразования так называемую *финансовую подсистему экономики*, которая, будучи посредником в экономико-хозяйственных делах, оказывается по прошествии времени в позиции и роли ведущего управленаца *экономико-хозяйственным процессом*, превратив тем самым экономику в *финансому* с оттеснением на обочину деловой жизни «экономики снизу» и с замещением ее мейнстримовской «экономикой сверху», что как раз и стало равно замене «экономики с финансами» на «экономику *от* финансов».

Одно дело стоимость *от* хозяйства с ее работой в реализации инициирующего ее — стоимость — хозяйства, совсем другое — хозяйство *от* стоимости с присутствием и работой стоимости в уже инициируемом ею — стоимостью — хозяйстве. Согласимся, что тут имеют место принципиально разные стоимостные хозяйства с разной функциональной ролью и властной значимостью стоимости с ее деньгами и ценами.

Да, стоимость *для* и *из* хозяйства — это одно, а вот хозяйство *для* и *из* стоимости — весьма уже другое. Можно, конечно, утешиться тем фактом, что то и другое имели место всегда в экономическом хозяйстве, то бишь в экономике, пусть и по-разному и в разной степени своего проявления и значимости в реализации хозяйства.

Разумеется, все это так, однако один тип экономики был в озевованном и достаточно зарегламентированном Средневековье с металлическими (золотыми, серебряными, на крайний случай, медными, монетарными деньгами), имевшими помимо фиксируемого веса, еще и от властей несмыываемые гарантовые на себе печати; другой тип экономики стался в эпоху развитого, уже и свободного от цехов и регламентов, капитализма с его бумажными деньгами, включая и банкноты, не представлявшие никакой стоимости, кроме той, что имели веса стоявших за ними обменно, как и обманно, драгметаллов, а сама представлявшаяся бумденьгами стоимость фиксировалась отпечатанными на изготовленных из спецбумаги деньгах обычновенными цифрами (числами, величинами); ну и совсем другое стало с экономикой при отмене «золотого стандарта» для бумажных и просто записанных на банковских счетах де-

нег, а затем и при отмене остававшегося еще обмена бумажных и счетовых денег (того же доллара), исполнявшего функцию международной резервной валюты (то бишь условного золота).

Эволюция стоимостного хозяйства, сопровождавшаяся вспышками денежной инфляции и хозяйственно-экономическими кризисами, шла, что нетрудно заметить, в пользу хозяйства *от и из* становившейся все более свободной от драгесов стоимости в ущерб, естественно, гарантированной драгесами стоимости *от и из* хозяйства, дойдя до того типа хозяйства, который мы имеем полное основание уже называть не экономикой, а *финансомикой*.

Но это не все: процесс пошел дальше! Эволюция экономики не ограничилась ее приходом к немало уже отрицавшей экономику как таковую финансомике, когда, уточним еще раз, хозяйство ведется более *от* финанс, чем финансы *от* хозяйства. И что же вдруг-не-вдруг обозначилось? О-о, что-то совершенно необыкновенное, а именно начался отрыв финанс с их все более номинальными цифирными деньгами, ценами и иными финэкономическими параметрами от... нет, уже не от золота или хотя бы хозяйственной реальности, а от... самой же *стоимости* (!), когда о стоимости уже нельзя было сказать, что это пустышка, можно сказать, что и *ничто*!

Да, вполне себе и революционный сброс стоимости с корабля постмодерновой современности, знаменующий трансгрессивный переход от какой-никакой, но все еще вроде бы экономики, даже в ее финансомической интерпретации, к чему-то совершенно *иному*, что мы пока можем назвать лишь *квазифинансовой постэкономикой*, когда даже деньги уже нельзя назвать собственно деньгами, разве лишь квазиденьгами, а вообще-то это уже была просто... *цифирь*, да вот никак не стоимостная, а всего лишь сама по себе *цифирная цифирь*.

Хозяйственный мир избавляется ныне от экономической составляющей с ее финансовым навершием, переходя в какое-то *иное* состояние, а обеспечивает сей переход не что иное, как *техногенереволюция*, превращая пока еще социальное хозяйство в *техногенерированное*, подводя его в лишенную не только стоимости и экономики, но и социальности с человечностью, не говоря о природности, *обыкновенную, асоциальную, нечеловеческую и неприродную техномику*, а ежели по-нашему, то достигая наконец-то чего-то и впрямь *иного*, вовсе как раз не желаемого софийной философией хозяйства, однако ею без всякого, замечим, восторга фиксируемого.

Вместо заключения

Философия хозяйства и в самом деле какая-то *иная* гуманитарная мысль, весьма сопряженная с мирозданческим *Иным*, способная как постигать *иное* в этом мире, так и, полагая наличие несубстанциального *Иного* и за пределами сего мира, с ним ментально-интуитивно... э-э... общаться (контактировать), отчего у нее весьма *иные* воззренческие начала и откровенческие итоги, чем это есть у обычных гуманитарных наук и у философии в ее научной, то бишь по сути нефилософской, интерпретации, а потому она — *философия хозяйства* — оказывается не только *иным* в гуманитарной размыслительной сфере достоянием, но и достоянием (дщерью) самого мирозданческого *Иного*!

Что-о, разве не так?

С.Г. КОВАЛЕВ

Философско-хозяйственное осмысление дуализма новейшего миропорядка сквозь призму интересов РФ*

Аннотация. Раскрыты понятие новейшего миропорядка, его двойственность, интересы РФ. Показаны линии социальной и международной человеческой планетарной эволюции, логика глобализации и ее формы: американоцентрическая и китоцентрическая.

Ключевые слова: эволюция социальной планетарной жизни, новейший миропорядок, конспирология, ШОС, интересы РФ.

Abstract. The concept of the new world order, its duality, and Russia's interests are revealed. The lines of social and international human planetary evolution are shown, as well as the logic of globalization and its forms: Americano-centric and Sino-centric.

Keywords: the evolution of social planetary life, the newest world order, conspiracy theories, the SCO, the interests of the Russian Federation.

УДК 330
ББК. 65.в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Философско-хозяйственное осмысление дуализма новейшего миропорядка сквозь призму интересов РФ // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 28—43. DOI: 10.5281/zenodo.17780424.

Введение

Человеческий мир исторически преходящ и перманентно упорядочен — стабильные исторические отрезки сменяют отрезки перемен, рождающиеся в точках бифуркации социального бытия. Однако в целом в мире прослеживается вектор возрастания организационной сложности в эволюции человеческой планетарной жизни: с одной стороны, формирование человеческого единения в пространственно-временном континууме — линия от индивидуально-локального к коллективно-планетарному бытию и его уплотнению; с другой стороны, формирование человеческого разъединения в социально-временном континууме — линия наличия и углубления дифференциации человечества и мер организованной его упорядоченности и разупорядоченности. Это выражается в двух аспектах: а) в узлах коллективно-пространственного планетарного существования людей: от отдельных локальных территорий общности людей к единой планетарной территориальной общности; б) в узлах социальной дифференциации коллективной общности — формы социальной стратификации: от слабо стратифицированных первобытных обществ к обществам с резко выраженной социальной дифференциацией, со сложной стратифицированной структурой в отношении входящих в него членов (различные классовые и кастовые общества, построенные на социальном отчуждении, элитарных разделениях, теоретически возможно и более менее социально однородное общество). Единство этих двух линий отражает векторная узловая матрица (скелетная решетка) исторического планетарного развития социума:

Ч — С — Тоб — ЦГ локальная организация,

СГ — Ик — Ипк — ЕЧ глобальная организация,

где: **Ч** — человек в процессе своего социогенеза; **С** — семья и ее формы; **Тоб** — территориальные общности (расширяющиеся родовые, соседские общины, анклавы, образующие обособленные самоорганизующиеся поселения); **ЦГ** — централизованные государства: древние царства, империи, созданные на основе теологической и личной неограниченной власти, и города-государства древнего и средневекового мира; **СГ** — суверенные (национальные) государства, образовавшиеся на основе трансформации (распада) ЦГ и основанные на институтах национальной власти; **Ик** — колониальные империи, образовавшиеся на основе мировой колониальной экспансии наиболее развитых государств; **Ипк** — постколониальные империи, состоящие из политически «самостоятельных» стран, ранее входивших в Ик, остающихся экономически зависимыми от них (старого центра), и новых мировых доминантных центров, регули-

рующих движение товаров, ресурсов, капитала; **ЕЧ** — единое планетарное человечество, одна из возможных форм социального будущего, основанная на принципе установления единой планетарной власти.

Эти две линии частично накладываются одна на другую, а каждый элемент, входящий в структуру исторической планетарной человеческой матрицы, либо менялся, либо его первоначально не было, но при этом он как матричный фрактал (структурный кристалл), узловой сегмент частично сохраняется, хотя и модифицируется, утрачивая свое старое содержание, функции.

Линия глобализации — это современный вектор эволюции, которая разрушает традиционные структуры: институты семьи, национальные государства, заменяя их новыми — в пользу центров глобальной общности и управления. Соответственно, изменяется и мировой порядок, в том числе хозяйственный. Процесс многомерный, нелинейный: глобализация, деглобализация, возможны различные формы, типы глобализации и формы, типы миропорядка.

Понимание современного миропорядка

Категория «миропорядок» выражает внешнюю картину и сущностное внутреннее устройство планетарного социального мира.

Общая системная теория миропорядка в целом и хозяйственного порядка как важнейшего его среза — отображение его атрибутивного строения и организационного механизма функционирования (как организационно-экономической системы, включающей элементы самоорганизации и проектного конструирования), — не сложилась, есть отдельные аспекты, фрагменты, и в целом она несет налет конспирологичности. Определим, что такое миропорядок и роль в нем конспирологии. Миропорядок можно рассматривать узко — как взаимодействие стран и широко — как взаимодействие всех объектов и субъектов планетарной жизнедеятельности. В широком понимании миропорядок — это сложившаяся система многомерных взаимосвязей, самоорганизации, регулирования планетарных природных объектов и социальных субъектов в рамках пространства их воспроизводственной жизнедеятельности и международных отношений (нормы, принципы), существующая в координатах социального времени. Соответственно, в реальном и познавательном плане атрибутами миропорядка выступают: социальные участники миропорядка и соотношение их сил; концептуальные взгляды на вектор социального устройства и принципы его построения (цели, общие ценности и правила обеспечения устойчивости, в том числе справедливость, права на развитие); пространство охвата; центр(ы) власти.

Одним из значимых, но не единственным инструментом изменений мирового порядка являются войны. Миропорядок одновременно онтологичен, существует объективно, и гносеологичен — познаем, конструируем самими людьми. Миропорядок изменяется скачкообразно по мере поступательного развития производительных сил, социальныхperturbation, конфигурации страновых сил по линии: старый миропорядок → новый миропорядок → новейший миропорядок → ... Безусловно, существует определенная преемственность во всех миропорядках. В последние годы стержнем построения нового миропорядка выступает цифровизация общества, искусственный интеллект [3, 5—16]. В исследованиях по миропорядку международных отношений выделяют хронологию миропорядка и типы миропорядка.

Хронология исторических форм миропорядка: вестфальский миропорядок (1648—1815) как отношения между государствами; Венский миропорядок (1815—1871) как доминирование в страновых отношениях великих держав; Версальский миропорядок (1918—1939) как фиксация странового полицентричного мира, сложившегося после краха четырех империй, функционирующего на основе договоренностей и принципов, принятых империями-победителями; ялтинско-потсдамский миропорядок (1945—1991) как мир с дуальным, противоборствующим внутри себя американо-советским центром; постсоветский миропорядок (1991 — настоящее время) как процесс разрушительного перехода от старой дуальной центричности к моноцентричности, а затем к иной дуальной, экономически конкурентной американо-китайской глобальной центричности.

Типы миропорядка: 1) порядок, основанный на балансе сил; 2) гибкий bipolarный порядок; 3) жесткий bipolarный порядок; 4) универсальный порядок; 5) иерархический порядок; 6) порядок единичного вето [1]. В целом это картина характеризует эволюцию международного порядка в последние столетия.

В современное время все большую и ведущую роль в становлении миропорядка начинают играть не-, вне-, надгосударственные сетевые структуры, существующие параллельно с институтами власти государств, которые стирают национальные границы. Постепенно горизонтальные, вертикальные процессы сетевизации, прежде всего, экономики охватывают, поглощают, трансформируют миропорядок. Уже современный, тем более грядущий миропорядок станут контролировать и концептуально проектировать доминирующие в сетях наднациональные мировые субъекты, удушающие функционал государств, окутывая их сетевой паутиной [2, 89—96]. Существуют разные модели современного миропорядка: Э.-М. Слотер (автономное, сетевое взаимодействие институтов

суворенных государств); Г. Киссинджера (создание сегментированной модели унификации мира с учетом различия крупных мировых регионов); Дж. Найя (сосредоточение, распределение, связь сил, военной, экономической, возможностей ТНК между центрами и способности с помощью силы, жесткой, мягкой, умной, добиваться результата и выстраивать нужный порядок); Р. Гилпина (необходимость доминирующего центра — обеспечение гегемоном мировой стабильности); Мао Цзэдуна (теория трех миров); Н. Элдриджа, С. Гулда (теория управляемого хаоса — мир как процесс смены комбинаций состояния порядка и беспорядка).

В целом все теории констатируют, что в мире усиливаются взаимные противоречия, взаимозависимости. Заметим, что современные модели — это, как правило, декларированный западно центричный взгляд на миропорядок, выражающий, прежде всего, американские интересы и принципиальный подход, декларативные требования построения: глобального конкурентного влияния (наднациональные организации, десуверенизация суворенитетов государств, выстраивание сетевых союзов между участниками мировых процессов), поддержания баланса сил между участниками мировых процессов; а также гарантии пространственных границ, неиспользования военных и экономических инструментов в качестве давления во внешней политике, отказ от навязывания стандартов. В реалиях мира очень много отступлений от провозглашаемых положений его устройства.

Конспирология в мировидении. Конспирология (от англ. *conspiracy* «заговор» + др.-греч. λόγος) — объяснение события (реального или вымышленного) как последствия заговора и действий могущественных групп, мотивированных на наступление нужных им событий, и вера масс, что такие группы есть. Отсюда взгляд на мир как на цепь заговоров, целенаправленных скрытых усилий групп людей по его изменению присутствует в познании миропорядка. В основе — теологическая эсхатология (конечность судьбы человека и человечества, переход в иной мир) — подход к человеческой истории как к процессу, нацеленному на установление скрытой власти над планетарным человеческим миром тайными силами («посвященные, просвещенные» и т. п. в ожидании прихода новой мессии (Христа, Антихриста, Мавриаха и т. п.)).

Данная ситуация связана с тем, что видимая картина мира — это только внешнее проявление наличного мирового человеческого бытия, она не до конца отражает содержание, суть, смысл протекающих процессов. Воспроизводственные процессы планетарной человеческой жизни — это не только естественные процессы, протекающие объек-

тивно, но и процессы целевого проектирования, сознательного воздействия на планетарную жизнь, ее конструирование. А это не афишируется, остается за кадром, в тени, знанием для «избранных» и ремеслом избранных. Мы не касаемся природы конструирования: внеземное, земное, а просто констатируем, что оно, видимо, есть. С материалистических позиций слабое место теорий мирового порядка в том, что не выделено единство структуры мирового и странового порядков в разрезе единства реальной и фиктивной экономики, не произведен мегасинтез производственной, институциональной, социальной структур как мер устойчивости хозяйственного порядка. Не раскрыта властная структура как стержневая структура, выражающая суть и устойчивость порядка, его социальное конструирование [4, 3]. Смазана картина многообразия стран реального мира и тенденции их хозяйственного унифицирования, упорядочивания, не выделены современные особенности отдельных регионов и стран. Не выделены противоречия масс и элит и между элитами.

В наши дни выкристаллизовываются два центра мировой силы — США и Китай, вокруг которых группируются быстро развивающиеся страны, ориентированные на американоцентризм и китоцентризм либо на два центра одновременно. Прежде всего, это быстро развивающиеся страны Востока и Юга. Можно выделить и своеобразную, сохраняющую силу и претензии прослойку из стран бывших мировых лидеров, которые постепенно утрачивают глобальные политические и экономические позиции: ЕС, Великобритания, РФ, а также быстро развивающуюся Индию, набирающую регионально-глобальную доминирующую позицию. При этом каждый из вышеназванных субъектов сохраняет сильную либо политическую, либо экономическую позицию, либо обе. Например, Великобритания контролирует Британское содружество, у нее ведущая роль в глобальных финансах (Лондонский сити), она образовательный центр подготовки мировых элит, у нее сильнейшая мировая разведка, она сохранила собственную элиту с вековыми традициями и навыками колониального управления. Не будем забывать, что многие современные страны-лидеры — это бывшие британские колонии. Проблема РФ в том, что, сохранив военный и ресурсный потенциал, она потеряла научно-технологический, производственный, демографический потенциал (рождаемость и смертность у коренного странообразующего русского этноса катастрофические, налицо признаки вырождения).

В целом, мировой западоцентризм, в широком смысле, включая Японию, Южную Корею, постепенно размывается, мир становится многосторонним, и его центр смещается в Азию, в страны, омываемые водами Тихого и Южных океанов (см. рис. 1).

Таким образом складывается эпоха глобального мира, включающая американоцентричный и китаецентричный порядки.

Рис. 1. Картина новейшего миропорядка

Китаецентричный миропорядок как выражение смены лидерства

С начала XX в. в Китае наблюдается и существует два теоретических и практических сценария использования Запада для обретения национальной независимости и ускорения развития, а именно: а) вектор формирования национал-капиталистического независимого Китая (политика Чан-Кайши) и вектор коммунизма с «желтым оттенком» (политика Мао Цзэдуна), а также вектор их современной модификации, идущей от Дэн Сяопина — линия ускоренного национального развития и ее современная интерпретация в политике Си Цзиньпина — глобальный некапиталистический китайский социал-капитализм. Общее у всех векторов — независимость, развитие производительных сил, лидерство Китая в Азии, в Третьем мире, а в перспективе во всем мире. Специфика 1 и 3 векторов — использование потенциала Запада, а 2 вектора — использование братской помощи СССР, его потенциала. Но во всех векторах линии привлечения международной иностранной помощи отводилась важнейшая роль, а главный принцип ее получения — раньше времени не высовываться, не обременять себя мировым лидерством. Хотя в области идеологии всегда декларировалась опора на собственные силы. Ныне Китай из страны, обращенной внутрь себя, переходит в разряд стран, обращенных и внутрь себя, и вовне, что характерно было для послевоенного советского социализма в последние годы жизни И. Сталина.

В этих реалиях Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) является визитной карточкой проявления нового миропорядка. ШОС — межправительственная, постоянно действующая международная организация, основанная в июне 2001 г. Создана Казахстаном, Китаем, Киргизией, Россией, Таджикистаном и Узбекистаном, в 2017 г. к ней присоединились Индия и Пакистан, в 2023 — Иран, в 2024 г. — Беларуссия. Также в орбиту ШОС включены страны, имеющие статус наблюдателя,

партнера по диалогу, получавшие приглашения на саммиты глав государств-членов. Организация структурирована. Решения принимаются путем консенсуса. Основной уставной документ — Хартия ШОС. Штаб квартира в Пекине.

Официально декларируемая цель организации — стабильность и безопасность в широком региональном пространстве стран-участниц: борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия. Пекин стремится к созданию единого интеграционного экономического пространства в рамках ШОС. Выработана и обновляется «Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации». В Китае создается Институт цифровой экономики (ИЦЭ) при ШОС (использующий опыт СССР в области народнохозяйственного планирования на основе кибернетических моделей и вычислительной техники) для преодоления дисбаланса, прогнозов экономического развития, автоматизированного управления экономикой. Поставлена задача создания Центра искусственного интеллекта при ШОС.

Все участники ШОС негативно относятся к американскому военному присутствию в регионе. Заметим, что США пытаются не обнулить, а расширить свое присутствие в Среднеазиатском регионе: еще в 1999 г. Конгресс США принял «Акт о стратегии Шелкового пути» (поддержка экономической и политической независимости стран Центральной Азии, ставка на развитие двусторонних контактов со странами постсоветской Средней Азии). Создание ШОС — это и реакция на стратегию США (а действия США — реакция на создание в 1996 г. предшественницы ШОС — «Шанхайской пятерки»). Аналогичную позицию по отношению к Средней Азии занимает и ЕС, рассматривая ее в качестве поставщиков ресурсов, в том числе энергетических. К вхождению в регион стремятся Япония, Турция. В целом ШОС+ и БРИКС+ — две организации, имеющие общее ядро: Китай, РФ, Индию, выступают символами нового миропорядка.

Начало сентября 2025 г. — знаковый период, объединивший два события: одновременное проведение саммита ШОС и Парада Победы по случаю 80-летия окончания Второй мировой войны (в Азии и ее тихоокеанских акваториях — это, прежде всего, противостояние Японии и США, а на суше — Японии и Китая, преимущественно Республики Китай, партии Гоминьдан и частично Коммунистической партии Китая — революционной армии Мао Цзэдуна, которые боролись за освобождение оккупированных территорий — марионеточному государству Мань-

чжур Го). Парад также подчеркнул, что Китай провозгласил курс на глобальное лидерство наряду с США. Важно заметить, что, хотя капитуляцию Японии принимали американские военные в присутствии представителей СССР, Британии, Франции, приезд В.В. Путина на парад — это мировая легитимация и признание вклада Китая в итоги войны. Надо всегда помнить, что Китай являлся изначально одним из учредителей ООН, членом Совета Безопасности (один из пяти постоянных его членов: первоначально КР, а затем членство перешло к КНР).

Демонстрация Китаем своей военной мощи, ее современных составляющих: авиационной (истребители 5-го поколения), космической (межконтинентальные ракеты и ядерные боеголовки), морской (авианосцы, возможность строительства в год 50 военных кораблей), гиперзвуковой, беспилотной (различные виды дронов), человеческой (качество и численность армий) — важный довод обоснованности претензий на мировое лидерство. Возникает вопрос: насколько удастся Китаю согласовать правила мирового лидерства и равноправного мирного партнерства с Индией, РФ и другими странами в пространстве Большой Евразии, учесть их интересы? Сейчас уже ясно, что приезд на ШОС Нарендра Моди и других лидеров стран и присутствие на военном параде В.В. Путина и лидеров других стран — это не просто признание роли Китая во Второй мировой войне, но и признание его мирового лидерства и роли в современном мире.

Двусторонние отношения между Индией и Китаем в настоящее время не самые лучшие, но сближение идет. Присутствуют обоюдные территориальные претензии, положение усугубляют взаимоотношения между Индией и Пакистаном, последний поддерживает Китай. Однако тарифная политика Д. Трампа как по отношению к Индии (50%-е тарифные пошлины на ее товары, экспортимые в США, угрозы вторичных санкций на нефть и нефтепродукты), так и по отношению к Китаю ведет к их экономическому сближению. Это две крупнейшие по народонаселению и потенциальной экономической мощи соседние страны (Китай уже сегодня, а Индия в перспективе) имеют возможность найти точки взаимовыгодного экономического сотрудничества. Сыре из РФ и в Индию, и в Китай, китайский экспорт товаров традиционных производственных отраслей в Индию для преодоления бедности большинства населения и развития индустриальных производственных технологических укладов, помочь Китая на коммерческой основе в развитии инфраструктуры, щадящая конкуренция в высокотехнологичных отраслях и сотрудничество в сфере искусственного интеллекта гражданских секторов экономики — это точки, в которых сотрудничество вполне возможно. Индийские программисты, одни из лучших в мире, работают во

многих странах, в том числе в США, и обладают компетенциями в самых современных областях новых технологических разработок ИТ — сферы, а их альянс с китайскими возможностями в области информационных технологий и информационного оборудования позволяет выстраивать взаимовыгодное долговременное сотрудничество в сфере искусственного интеллекта. Это означает создание самого крупного мирового производственного азиатского и планетарного кластера в данной области. А наличие мощных вооруженных сил означает, что для США усложняется возможность втягивания в блоковое противостояние с КНР стран Тихоокеанского региона и делает для последних политически более привлекательным занятие нейтральной позиции. Возникает вопрос: хватит ли у Китая ресурсов, потенциала и военной мощи, чтобы нести бремя лидерства, и мудрости, чтобы поступиться частью своих интересов во имя стабильного бесконфликтного будущего? Дееспособный собственный военный блок, который мог бы выступать противовесом НАТО с позиций интересов Китая, каким являлся в прошлом блок стран Варшавского Договора, в нынешних реалиях мира Китаю создать трудно и достаточно маловероятно. Максимум, на что можно рассчитывать, — это сформировать стратегический альянс из стран, граничащих с Китаем, для обеспечения его тыла: ресурсов, логистики, вооружения — в случае конфликта с Западом в Юго-Восточной Азии. В других районах мира вероятность возникновения крупных прямых военных конфликтов с Западом низкая. При той военной мощи, которая уже есть у Китая, любое военное столкновение самоубийственно для потенциального агрессора. Защита Тайваня военным путем — это больше военная риторика США, чем реалии соотношения сил. Поезд ушел, КНР сможет присоединить Тайвань на основе договоренности и с ним, и с Западом. Соответственно, налицо перспектива новой глобальной конкуренции через гонку вооружений, экономических противоборств, тарифного давления, санкционной изоляции, ограничения доступа к рынкам ресурсов, сбыта товаров, доступа к высоким технологиям и научным достижениям. Налицо и экономическая зависимость РФ от Китая. При этом налицо и заслуга дипломатии РФ, которая не допустила тотальной международной изоляции (частичное исключение стран Запада). Экономическая зависимость РФ от Китая возрастает и по импорту, и по экспорту, об этом свидетельствуют данные внешнеторгового и платежного баланса, рост расчетов в юанях, которые становятся важнейшим инструментом внешнеэкономической деятельности для РФ. Для всестороннего анализа реальной ситуации требуются развернутые статистические данные по многим номенклатурным позициям, а Росстат такую информацию ограничивает, не публикует.

Вследствие того, что с 1990-х гг. РФ изначально не проводила экономической политики суверенного развития, ограничиваясь политической вписывания в западное разделение труда, вхождением в орбиту глобального западноориентированного капитала, «закрывая глаза» на вывод средств за границу в целях личного обогащения, сокрытия доходов, она оказалась в ловушке искусственной блокировки доступа к рынкам. Если экономика сильно сопряжена с заграничными поставками и сбытом за границу произведенных ресурсов, то всегда есть соблазн использовать сложившуюся ситуацию в качестве рычага политического и экономического давления. Следование рецептам свободного рынка в условиях слабой конкурентоспособности производств, недостаточной многовекторности товарных и капитальных потоков под лозунгами «Ресурсы в обмен на технологии» и «Если нет своего, купим за рубежом» привело к очень большой внешней зависимости РФ. Не удалось заставить конкурировать Запад и Восток за доступ к российским рынкам и предоставление лучших условий по поставкам технологий, а значит, и за инвестиции в создание реальных производств. А возможности были, страна не использовала момент для технологического рывка, благоприятные условия для развития. Играть в многовекторность и сегодня — задача архисложная, а экономическая эффективность при этом под очень большим вопросом. ЕС как рынок технологий и рынок сбыта сырья на ближайшую перспективу потерян. США и Китай играют свою двустороннюю игру, направленную на собственное развитие, в том числе за счет РФ. В этих условиях можно поменять один технологический несуворенитет на другой технологический несуворенитет, но не обрести свой суверенитет. Проблема не в том, чтобы вместо зависимости от Запада возобладала зависимость от Китая, а в том, как развивать собственную технологическую независимость. Экономические взаимоотношения с Китаем в настоящее время, если судить по статистике товарооборота, углубляются и развиваются позитивно. Подписан юридически обязывающий меморандум между «Газпромом» и китайской государственной компанией CNPC о газопроводе «Сила Сибири — 2». Однако это не обязывающий проработанный контракт. Пока ясно, что это газ Западной Сибири — по сути, компенсация для РФ исчезающего европейского рынка в связи с прекращениями поставок в Западную Европу Ямальского газа. Конкретные условия компании должны выработать позже. Пока в стадии фиксации следующее: точная трасса «трубы» по отношению к привязке к местности (договорились, что через Монголию); какая сторона финансирует и на каких условиях; кто строит, кому будет принадлежать «труба»; цена поставки газа (только отсылка к европейской

формуле, но в ней есть еще много условий, в том числе скидки); минимальный гарантированный уровень отбора (только расчетная потенциальная мощность прокачки — 50 млрд м³ в год, а количество обязательных минимальных поставок — под вопросом: китайцы ссылаются на отсутствие реального текущего спроса в электробалансе). Однако даже в оптимистичном варианте для «Газпрома» сложно восполнить потерю европейского рынка (на пике «Газпром» поставляли 200 млрд м³). Пока намечается по всем трубопроводам, идущим в направлении Китая, поставлять в перспективе ≈ 106 млрд м³. Это меньше по объему, а в деньгах еще меньше, чем еще было недавно для Европы, но для «Газпрома» и это очень важно, так как в ближайшие годы у него эффективного альтернативного выбора нет. Американцы пытаются вытеснить и заместить своим газом российский газ на европейском рынке. Заметим, что в принципе выход на китайский рынок в целом и по газу в частности сложен из-за: а) политики производства электроэнергии из угля на основе строительства новых ТЭЦ с более высоким КПД и намного более экологически чистых; б) политики диверсификации по отношению к мировым поставщикам: Туркмения, Казахстан, Иран, РФ, Катар, Австралия; в) политики собственных распределительных сетей по отношению к поставляемому газу; г) политики ускоренного развития энергетики на основе возобновляемых источников — ветра, солнца, воды — и атомных станций. Стратегия Китая в ближайшее десятилетие — по максимуму использовать традиционные источники электроэнергии и на их основе нарастить выработку электроэнергии, а затем развиваться на основе энергоперехода к зеленой экономике. В этом смысле долговременные перспективы угледобывающей и газодобывающей отраслей РФ в случае ориентации на китайский рынок достаточно неопределенные.

В целом можно констатировать, что долгосрочная стратегия «Газпрома» — крен в сторону трубопроводной поставки газа на внешние рынки, а не на потребление его внутри страны, на прокачку газа в ущерб его глубокой переработки и поставку продуктов газохимии — себя не оправдала.

РФ и ее интересы в новейшем миропорядке

Интерес (от лат. *interesse* «быть внутри») — понятие многоаспектное. Будем понимать интересы РФ в миропорядке сквозь призму двуединства: и как возможную привлекательность (неизбежность) по реализации роли страны в мире, и как выгоду (потери) для страны (в целом, отдельных ее субъектов: элитных групп, граждан). Роль РФ в становлении новейшего миропорядка, скорее, пассивна, чем активна. Она не является его проектировщиком, его воплотителем в планетарное бытие,

его выгодополучателем. Соответственно, процесс становления миропорядка от нее зависит, но достаточно слабо, а значит, привлекательность надо оценивать по критерию «что приобретает и что теряет, а также в стране субъект возможных выгод и возможных потерь. Страну можно дифференцировать на элиту — активно действующий элемент, укоренившийся во власти, и на неэлиту — пассивно действующий, подчиненный элемент, воплощающий в социальную жизнь решение элиты.

Поскольку российская элита не является частью западной элиты, хотела вписаться, но неадекватно оценила мировые структуры и траектории развития (банально не взяли). Она объективно вошла в фазу противоборства с ней (степень противостояния, активная, пассивная — это отдельный вопрос), соответственно вынуждена включиться в китайский порядок. Для нее это означает с одной стороны, на одной чаще отсутствие потенциальных выгод от нахождения в западном порядке, с другой — реальные потери от противостояния ему. Вхождение в порядок китаецентричного мира (проект «Единая судьба человечества») слабо гарантирует субъектную историческую выживаемость для РФ, невключение — одиночное противостояние Западу в условиях его агрессивной военной и санкционной экономической политики. Втягивание РФ в СВО за счет украинизация Украины — это западный проект и инструмент разрушения, ликвидации РФ как международного субъекта. А в целом — обнуление дееспособности, субъектности славянской и русскоязычной общности мира. Большая европейская конвенциональная война в рамках пространства бывших постсоветских и постсоциалистических стран вероятна только исключительно в интересах мировых элит, причем и старых аристократических элит ЕС, которые составляли его ядро до 1990-х гг. Распад ЕС и трансформация его снова в «шестерку», в «девятку», «Общий рынок» — отнюдь не фантастика.

В настоящее время у РФ нет сильных внутренних побудителей, интересов для участия в мировых проектах, но у нее и слабые позиции вообще в них не участвовать. За последние десятилетия страну крепко связали узами мирового разделения труда (сырьевой поставщик) и узами мировых денег, которые российский правящий класс вывел из страны. Втянули в ловушку зависимости — потенциально самодостаточна, а собственных страновых возможностей для реализации иной модели в условиях дефицита времени без обрушения благосостояния населения не хватает. Америкоцентричный (европоцентричный) путь был и остается привлекателен для значительной части российской бизнес-элиты и части западноориентированного мировоззренческих среднего класса, а китаецентричный путь остается для части бывшей коммуни-

стической элиты и небольшой части бизнес-элиты. Маятниковые колебания и действия РФ во многом обусловлены внешним давлением, а не внутренним выбором. Проблема в том, что у РФ небольшое пространство для маневра: либо не входить ни в какой проект, либо войти частично в оба, либо войти в один из проектов. Однако надо понимать, что мир уже перестроился, возврата к «золотым» для российской элиты, российской буржуазии «девяностым» не будет. Либо она станет национально ориентированной, либо исчезнет как класс, ее просто поглотит один из видов глобализма. Дай бог, если удастся сохранить часть денег, оОднако самостоятельности лишат, однозначно.

Страна загоняется мировым проектировщиком (или, возможно, она сама себя загоняет) в один из порядков центричности мира (см. табл. 1).

Таблица 1
Интересы РФ в проектах миропорядка

Проекты новейшего глобального миропорядка				
РФ: участие, проектные интересы	Америкоцентричный порядок		Китаецентричный порядок	
	Выгоды	Потери	Выгоды	Потери
Элита РФ	Деньги, возмож- ность быть гражданами мира	Доступ к западным рынкам	Потенци- альное об- ретение но- вых рынков	Сильная конкурен- ция произ- водств из Китая
Народ РФ	Потенци- альный до- ступ к за- падным bla- гам	Туристиче- ская потре- бительская изоляция	Доступ к де- шевым то- варам	Потенци- альное сни- жение каче- ства по- требления

Источник: составлено автором.

Исток ситуации — отказ от сталинской интерпретации красного мирового проекта (двух его версий: довоенной (до 1941 г.) — социализм в отдельно взятой стране; б) послевоенной (после 1945 г.) — мировой социализм как содружество стран народных демократий, повлекший

утрату сегмента для реализации собственного миропорядкового проекта. Приход к власти Н.С. Хрущева ознаменовал возвращение к троцкистской версии мирового глобализма. Оптимальной путь для РФ — оставаться самой собой, оставаться Россией. Теоретически еще возможна балансировка между двумя версиями новейшего мирового порядка. Однако заметим, что доступ и к западным, и к китайским технологиям и для СССР, и для РФ всегда был затруднен.

Самостоятельное развитие — это очень сложный и проблематичный вариант в современном мире, требующий не просто словесных лозунгов про патриотизм, а колосальных трудовых усилий, очень грамотной внешней и внутренней политики, очень больших научных прорывов и их материализации в производственных технологиях, очень качественной общеобразовательной подготовки школьников и профессиональной подготовки кадров по широкому спектру специальностей. Требует сплочения, солидаризации в обществе справедливости для всех слоев общества. Требует наличия ситуации, когда все институты общества, государства призваны работать на державное созидательное воспроизводство страны. Реализация вышеназванного позволит сохраниться РФ в ряду крупнейших держав.

Литература

1. *Ковалев С.Г.* Глобализм как планетарная цифровизация и стратегия им. ЛомоносоваРФ // Мир на переломе: геополитика, экономика, техногенез: по итогам межд. науч. конф.4—6 дек. 2024г., Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова / Под ред. Ю.М. Осипова, Е.С. Зотовой. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025. С. 5—16.
2. *Ковалев С.Г.* Державный воспроизводствогенез России в будущее. Экономика созидания: Монография. Ч.1. СПб., 2024. 280 с.
3. Миропорядок // Новый дипломатический словарь: URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> / (дата обращения: 10.09.2025).
4. Экономист Сергей Ковалев — об экономической суверенизации России // Аргументы недели. Интервью. 2025. № 32 (980). 13—19 авг.

References

1. *Kovalev S.G.* Globalism as a Planetary Digitalization and the Strategy of the Russian Federation. // The World at a Turning Point: Geopolitics,

Economics, and Technogenesis / Ed. by Yu.M. Osipov and E.S. Zotova. M.; Tambov, 2025. P. 5—16.

2. Kovalev S.G. The Imperial Reproduction of Russia's Genesis for the Future. The Economy of Creation: Monograph. P. 1. SPb., 2024. 280 p.

3. World Order // New Diplomatic Dictionary: URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary/>.

4. Economist Sergey Kovalev on Russia's Economic Sovereignty // Argumenty Nedeli. Interview. № 32 (980). August 13–19, 2025.

Б.М. БИЗЕНГИН, Ж.М. КУЧУКОВА, Д.А. РАХАЕВА

**О соразмерности политики, морали, науки и красоты
в экономике***

Аннотация. Экономику принято рассматривать как предметную практическую деятельность, основанную на утилитарном принципе получения выгоды если не на каждой операции, то по итогу. Это означает, что основа экономики — получение выгоды, реализация интересов, и неважно, сопровождается ли оно производством товаров, увеличением их объема и номенклатуры или же получением прибыли, доходов, снижением издержек, ростом производительности труда, фондооруженности, эксплуатацией среды обитания и проч. Однако ближайшее рассмотрение показывает, что если не все, то многое не так. Во-первых, для экономики в не меньшей мере, чем в предыдущем случае, характерно удовлетворение потребностей, реализация общих интересов, получение/достижение пользы, защита среды обитания, видового разнообразия природы, создание продуктов на основе творческой фантазии и т. п. Во-вторых, сама ее организация не чужда эстетики, как любой другой продукт, в котором присутствует прекрасное и которое создается в том числе с учетом прекрасного. В-третьих, отнюдь не одна только выгода (в различных вариантах), но даже вовсе не выгода, а, по-видимому, польза (полезность) более присуща экономике. Причем последняя проявляется от базисных отношений — природы и человека — до второстепенных, связанных с различными элементами и структурами общества

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бизенгин Б.М., Кучукова Ж.М., Рахаева Д.А. О соразмерности политики, морали, науки и красоты в экономике // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 43—66. DOI: 10.5281/zenodo.17780305.

(сообществами, коллективами, ассоциациями), а также технологией, техникой и т. д. Такой характер экономической деятельности связан с тем, что она является деятельностью, базирующейся на принципах гуманизма, рационализма, нравственности, прекрасного. В статье представлена попытка доказать данный тезис.

Ключевые слова: экономика, политика, мораль, нравственность, наука, прекрасное, соотношение, первичность, производность, соразмерность.

Abstract. Economics is usually considered as a substantive practical activity based on the utilitarian principle of obtaining benefits, if not on each operation, then on the result. This means that the basis of the economy is the receipt of benefits, the realization of interests, and it does not matter whether it is accompanied by the production of goods, an increase in their volume and nomenclature, or profit, income, cost reduction, increased labor productivity, capital equipment, exploitation of the habitat, etc. However, a closer look shows that if not everything, then much is wrong. Firstly, the economy is no less characterized than in the previous case by satisfying needs, realizing common interests, obtaining/achieving benefits, protecting the habitat, species diversity of nature, creating products based on creative imagination, etc. Secondly, its organization itself is not alien to aesthetics, like any other product, in which the beautiful is present and which is created, including taking into account the beautiful. Thirdly, not only the benefit (in various variants), but not even the benefit at all, but, apparently, the benefit (utility) is more inherent in the economy. Moreover, the latter manifests itself from basic relations — nature and man — to secondary ones related to various elements and structures of society (communities, collectives, associations), as well as technology, technology, etc. This nature of economic activity is due to the fact that it is an activity based on the principles of humanism, rationalism, morality, and beauty. The article presents an attempt to prove this thesis.

Keywords: economics, politics, morality, morality, science, beauty, ratio, primacy, derivation, proportionality.

УДК: 338.22

ББК: 13

То, о чем все знают, но вслух не говорят

В обществе существует устойчивое заблуждение (доходящее до предрассудка) о всеобщем, универсальном характере экономической деятельности; что за свою жизнь всякий человек непременно занимался экономикой. Можно не знать таблицы умножения, не читать Шекспира

и Пушкина, не уметь ни читать, ни писать и т. д., но заниматься экономикой. Причем если вы не знаете чисел, аксиом геометрии, то не сможете заниматься математикой. Не зная букв и значения слов, нельзя уметь читать и писать. И даже если вы не умеете тачать сапоги, не можете заниматься производством сапог. И так со всякой другой деятельностью. Для занятия любой деятельностью необходимы, помимо природных навыков (наклонностей, способностей), еще и знания этой области. Но есть одна область человеческой деятельности, которой, согласно принятому в обществе заблуждению, может заниматься всякий — это экономика. И это заблуждение усиливается множеством мемуаров выдающихся предпринимателей, бизнесменов, в которых, наряду с трогательным описанием их «голодного, раздетого, разутого» детства, юности, описаны впечатляющие экономические достижения. При этом особо акцентируются их плохая успеваемость, а то и вовсе абсолютная безграмотность: на обучение времени не было, нужно было добывать хлеб насущный. В результате одно из двух: экономика — такая деятельность (род занятий), которая имманентна природе человека, и человек просто реализует свою природу в ней так же легко, как делает это любое существо, либо законы экономики настолько примитивны, что доступны любому человеку, т. е., по существу, у экономики нет никаких законов. Правда, хождение на ногах, а не на голове, и падение на землю, а не падение над ней, тоже указывают на существование (а не на отсутствие) закона всемирного тяготения. Но не все люди знают его формулировки. Впрочем, если тяготение не создано людьми, сколько бы их ни было, а существует до них и без них, то закон всемирного тяготения все же выявлен и сформулирован конкретным человеком — Исааком Ньютона. Конечно, экономику, как и математику, физику, литературу и проч., в отличие от тяготения, создали (и пока еще создают) люди, и, главное, без людей, опять же в отличие от тяготения, они не существуют. Но ведь и размножение людей также производится ими (и с их помощью), хотя сказать, что оно полностью зависит от них, по-видимому, было бы рискованным утверждением. Не вдаваясь в долгие размышления, можно резюмировать: так же как не всякий, кто держит в руках мотыгу, является земледельцем, так не всякий, кто держит в кармане монету, а в руке товар, является экономистом, т. е. занимается экономикой. Экономикой занимаются профессиональные люди, знающие ее законы и умеющие их реализовывать.

Итак, экономикой занимаются люди, наделенные экономическими знаниями, которые они посредством своей деятельности реализуют в продукты последней. Это первое базисное положение нашего исследования. Но люди, которые занимаются экономикой в силу того, что

обладают экономическими знаниями, не бездушные автоматы, а существа, имеющие определенные моральные и нравственные принципы, взгляды на власть, подчинение, свободу, независимость, прекрасное, безобразное, добро, зло и т. д., которыми руководствуются не только в повседневной жизни, но и в своей практической экономической деятельности, и их продукты будут нетождественными, хотя и идентичными тем, что получают другие. Это второе базисное положение в наших суждениях. Продукт экономической деятельности человека отличается от продукта его, скажем, политической, идеологической, нравственной, научной, изобретательской и проч. деятельности, а потому их нельзя отождествлять, хотя, конечно, в любом из них можно найти любой другой, если не все вместе, так как экономический продукт (как и любой другой) испытывает на себе влияние морали, политики, идеологии, эстетики и всего остального, что есть в индивидуумах и их сообществах. Например, самый тривиальный товар содержит в себе не меньше научной, изобретательской, политической и эстетической составляющих, чем торговой (коммерческой) и экономической. Однако первыми отчего-то чаще всего пренебрегают, мысленно монополизируя последние. Это наше третье базисное положение.

Наличие у экономики специфической черты — причастности к ней человека, — ни одно другое существо от самых примитивных до самых разумных, за исключением человека, никогда не создавало экономики, — делает ее гуманитарной, т. е. деятельностью, присущей только человеку, и только человек способен создать экономику. Эта особенность экономики — выступать реализующейся сущностью человека — предполагает видеть в ней проявление также морали, нравственности, красоты, знаний, выгоды, пользы и др. Но как они в ней проявляются, как реализуют себя (в том числе в ее продуктах), несмотря на большое число исследований, остается до конца не выясненным.

На протяжении всей истории экономики существует спор о соотношении экономики и политики, экономики и морали, экономики и нравственности и проч. (Если перевести этот спор в более привычную плоскость, то предыдущая формула выглядит так: кто главное, кто важнее, кто кого определяет, кто на кого влияет, кто кого создает?) Причем как в парных отношениях, так и в более сложных, т. е., например: экономика — политика — мораль — прекрасное — знания, мораль — экономика — политика — рациональное (знание) — прекрасное, экономика — политика — нравственность — мораль — эстетика — наука и т. д. Этот спор присутствует во всяком экономическом исследовании если не явно, то скрытно. Причина последнего, по-видимому, не праздное любопытство, а наличие фундаментального противоречия между

названными соотношениями и в самих элементах соотношения. В частности, экономика не обходится без морали и нравственности, чему свидетельство «принцип невидимой руки А. Смита» [19, 16] и его противоположность. История показывает, что, во-первых, однозначно вопрос так и не решен в пользу какой-либо модели, а, во-вторых, у каждой столько же «прав на существование», сколько у другой. Но то же самое наблюдается между экономикой и политикой. Так же, как политика не обходится без экономики, так и экономика без политики (ведь должна же экономика проявиться в каких-то формах власти, подчинения и проч., а политика реализоваться в экономике и наоборот?). По-видимому, никто, находясь в здравом уме и доброй памяти, не ставит под сомнение влияние науки на экономику; но и экономика небезучастна к развитию науки, причем и прямо, и косвенно. Никто не станет возражать также и относительно взаимосвязи экономики и среды обитания. В предыдущий перечень можно включить технику, технологии и т. д. и, так же как в предыдущем случае, привести примеры взаимной связи с экономикой. Наконец, экономика и эстетика считаются противоположными, как противоположны утилитарное и неутилитарное. Экономика предполагает выгоду, эстетика же связана с эмоциями, восторгом, восхищением, чувствами даже тогда, когда ее ассоциируют с каким-либо материальным продуктом. Необходимо выяснить, как взаимосвязаны прекрасное и утилитарное, эстетика и экономика? Этот вопрос, не получивший удовлетворительного решения ни у экономистов, ни у культурологов, требует экспликации. Исходим из методологического положения, что красота присутствует во всяком, даже самом простом, продукте человеческой деятельности. Об этом метафорически говорит Петр Верховенский в «Бесах» Достоевского: «Да знаете ли, знаете ли вы, что без англичанина еще можно прожить человечеству, без Германии можно, без русского человека слишком возможно, без науки можно, без хлеба можно, без одной только красоты невозможно, ибо совсем нечего будет делать на свете! Вся тайна тут, вся история тут! Сама наука не простоит минуты без красоты... обратится в хамство, гвоздя не выдумает!» [9, 373]).

Таким образом, в каком ракурсе и аспекте ни рассматривай экономику, политику, мораль, науку, эстетику — хоть самих по себе, хоть в комплексе, неизменным будет присутствие другого (других). В конечном счете необходимо будет разрешить вопрос соотношения и соразмерности. Но поскольку предметом нашего исследования выступает экономика, то отмеченные аспекты взаимоотношения будут рассматриваться с точки зрения их влияния на экономику.

Методологическая база и теоретические положения исследования

Методологическую основу составляет положение об органическом единстве экономики, этики, политики, науки, эстетики и их соразмерности. Но если первоначально все они поддерживают друг друга, то в последующем (когда произойдут разделение и выделение каждого из них как самостоятельного объекта) между ними возникает конкуренция, с сопутствующими отношениями: экономика для экономики, политика для политики, мораль для морали, искусство для искусства. И тем не менее все перечисленные элементы мы рассматриваем, во-первых, как изначально относящиеся к одной и той же сущности, во-вторых, их появление как самостоятельных — результат развертывания единой, неразделимой во времени и пространстве целостности, в-третьих, несмотря на разделенность, продолжают существовать их взаимосвязи, оказывающие взаимное влияние.

Поднятые вопросы в разное время рассматривались многими зарубежными и отечественными авторами. В связи с последним следует назвать ставшие классикой работы А. Анчишкина по науке и экономике [2], М. Ротбарда — по государству и экономике [18], М. Вебера — по протестантской этике [7; 8], В. Зомбарты — по этике и менталитету [11], Ф. Броделя — своеобразные синтетические [3—5], в которых изложены все аспекты взаимосвязи экономики и упомянутых выше отраслей и многие др. По-видимому, единственный аспект, который на сегодня не изложен столь же удовлетворительно, как перечисленные, — это эстетика и экономика, или прекрасное и утилитарное. То, что сегодня нам пытаются предложить, — вместо эстетики (прекрасного) культуры. Даже ограниченный по времени (со второй половины прошлого столетия) и территориально (пределами России или русскоговорящего пространства) компендиум работ по последней заявке занял бы полноценную страницу. При этом в некоторых критически относящихся к своим исследованиям работах отмечается несоответствие одного другому ([1]; например, в которой, кстати, приводится также и список источников с удовлетворительным рефератом, могущий быть рекомендованным), но в подавляющем большинстве все следуют по наезженной колее. Поэтому выявлению влияния эстетики на экономику и проявлению прекрасного в экономике (в ее продуктах) мы уделяем внимание большее, чем любому другому. Таким образом, теоретическая основа исследования разработана как в смысле основных понятий и категорий, которые определены достаточно полно, так и в смысле методов, подходов и т. д.

Что же касается эмпирической базы, то ее представляет... всемирная история экономики, политики и других составляющих исследуемого отношения.

Основные термины и понятия

Как в любой исследовательской работе, необходимо оговориться относительно основных терминов и понятий. В настоящем исследовании используется шесть понятий: экономика, политика, мораль/нравственность, наука, прекрасное, соразмерность.

Первое — **экономика**. Под экономикой мы понимаем способ организации производства средств существования человека (наше понимание экономики соответствует классическому, сформулированному Гесиодом—Ксенофонтом и уточненному Аристотелем)³. Люди не просто берут (при помощи рта, рук, ног и т. п.) необходимые для них продукты питания, подобно, например, тем же насекомым или даже высшим животным, а делают это, организовав процесс производства средств существования, т. е. с определенной целью, в которой выражен весь комплекс их отношений к внешней и внутренней природе, к другому человеку, прошлому, настоящему и будущему. Поэтому везде речь идет о рациональной организации способа производства средств существования, будь то простое изъятие из земли готовых продуктов (в виде плодов, ягод, корней, яиц, отдельных видов насекомых) или же оказание каких-либо действий по выращиванию этих продуктов. Таким образом, экономика — не способ производства средств существования (что выражает технология) и не сами средства существования (т. е. продукты питания, одежда, жилища, орудия защиты, а также отчасти и добыча средств существования), а способ организации производства/добычи средств существования людей. В концептуальном смысле, экономика — способ организации (объединения) земли, труда и орудий труда для получения необходимых средств существования. Конечно, способ организации производства средств существования имеет свою технологию, свои принципы и правила и т. д. Но нас не интересует ни технологическая

³ Введение самого термина «экономика» в общественный лексикон (но еще, по-видимому, не в научный оборот) происходит в VI в. до н. э. и приписывается Гесиоду, изобретшему сам термин «экономика» путем соединения двух слов: «ойкос» (дом, хозяйство) и «номос» (знату, закон). Что касается так называемого первого научного определения, то оно дается Ксенофонтом (ок. 430—355 гг. до н. э.), написавшим трактат под названием «Экономикос». Аристотель (384—322 гг. до н. э.) заимствует у последнего и термин, и понятие, в соответствии с которыми предлагает различать экономику и хрематистику.

сторона, ни институциональная, ни какая-либо другая. Нас интересует лишь способ организации производства средств существования.

Другое базисное понятие — **политика**. Под последней мы понимаем специфическую деятельность людей, направленную на образование, сохранение и развитие государства, т. е. политика — устройство государства. Но политика и государство не тождественны, точно так же, как не тождественны процесс и продукт. Государство — это форма власти, т. е. специфическая форма выражения подчинения в обществе. Государство появляется тогда и там, где и когда происходит делегирование индивидом (или группой) части своих полномочий (прав, свобод) не персонально какому-либо лицу или органу, а специфическому общественному институту, который институционализирует и конституирует как сам акт делегирования, так и всякие формы передачи и принятия этих прав, а также их применение. Что касается политики, то она есть совокупность мероприятий, связанных с отчуждением (добровольным или же насильственным, на время, но перманентно) части прав индивида и групп некоему общественному институту и рациональным использованием этих прав в общих интересах. Впрочем, для нас интерес представляет взаимоотношение политики и экономики, или влияние политики на экономику⁴.

⁴ Взаимосвязь экономики и политики породила «политическую экономию». Кстати, при образовании данного термина наблюдается схожесть с «экономикой». Считается, что сам термин «политическая экономия» изобретает Антуан Мокретьен — «Traité d'économie politique» («Трактат о политической экономии», 1615 г.). Примечательно, что Мокретьен был драматургом и никогда не писал экономических сочинений. Согласно приведенным сведениям, сам термин можно трактовать как организацию ведения государственного хозяйства. При этом следует учитывать исторические периоды. Например, XVIII—XIX вв., когда формируются национальные государства в Европе, термин «государственный» близок к «национальному», а само национальное не имеет этнического характера. Оно ближе к термину «гражданский». Таким образом, с конца XVIII в. и по начало XX в. политическая экономия выражает национальное (общественное) хозяйство. Примечательно, что роль государства в экономике в этот период еще незначительна. Поэтому нет специфической государственной экономики. Последняя начнет формироваться в XX в., а оформится окончательно, по-видимому, со второй трети. Вот тогда-то и образуется новая интерпретация и для термина «политическая экономия», и для экономики и политики в целом, о чем см. дискуссию об учебнике политэкономии и работу И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Базисным отношением становится противостояние государства и рынка, которое наиболее четко будет сформулировано M. Rothbard (1970) — *Power and Market. Government and the Economy*.

Третье понятие — *мораль, нравственность, или этика* — форма идеологического оправдания поведения индивидов и их групп — включает в себя ряд институционализированных норм поведения, характеризующих отношение к тому или иному виду деятельности или же отказу от действия⁵. Мы рассматриваем нравственность и мораль как имманентное свойство человека, полностью относящееся к поведению, т. е. это поведенческая категория. Особенность нравственного отношения в том, что оно не связано с выгодой. Напротив, оно предполагает сочувствие, жертвование, разделение переживаний другого, *со-страдание*. С этих позиций оно не предполагает корысти и в целом получение выгоды за счет другого. Оно связано с добром, которое следует делать бескорыстно, т. е. не требовать вознаграждения. По-видимому, высшей формой добра являются справедливость и счастье. Но справедливость может быть реализуема насильственным способом, т. е. устанавливаться. Поэтому в целом она регулятивна. Что касается счастья, то оно выражает результат *со-участия* в общем деле и оценку со стороны других. Нравственность, как и мораль, — критериальный признак, т. е. признак, с помощью которого ведется оценка действия/бездействия/содействия и проч. В отличие от них политика (как, кстати, и экономика) — деятельный признак, т. е. это действие/содействие/бездействие. Мораль и нравственность поэтому сопровождают и экономику, и политику. Связь морали (нравственности) с экономикой нелинейная, корреляционная.

Четвертое понятие — *наука*. Наука — выявление законов и закономерностей развития и на их основе верификация любых действий, а также прогнозирование и проектирование будущего (следующего, иногда другого). В экономике наука — это неинтуитивный способ формализованного, часто квантифицированного наилучшего (эффективного, рационального, оптимального) соотношения различных элементов (факторов) — среды, сырья, материалов, технологий, рабочей силы, потребителей и т. д. — в организации производства средств существования. Экономическая наука — область экономических знаний и истин (более

⁵ Отношение к деянию — делать/не делать, участвовать/не участвовать — определяется нравственными (моральными) нормами и принципами, которые выражают отношение индивида к другому через отношение последнего к определенным принципам поведения. Оно, как правило, не носит утилитарный характер. Но при этом не исключает (но даже предполагает) пользу, причем не только общественную, но также и индивидуальную. Связано ли появление данного отношения с производством средств существования, подробно мы скажем далее, а здесь заметим, что, по-видимому, прямой связи между ними нет, но есть корреляция, которую легко принять за детерминирование вторым первого.

подробно этот вопрос рассматривается в [17]) — содержит свои законы (принципы), феномены (и их объяснение), теорию, методологию и методику. Так называемое «участие» науки в экономике можно рассматривать, с одной стороны, как использование знаний в проектировании экономических продуктов: от разного типа экономико-математических, экономико-статистических и прочих моделей до научных методов, подходов и проч., с помощью которых проводится верификация гипотез, а с другой стороны, как поведение научно образованного (так называемого просвещенного)⁶ экономического агента, т. е. экономического агента (индивида, людей, групп), имеющего знания (точнее говоря, познания) в различных областях науки.

Пятое понятие — *красота/прекрасное*, или *эстетика*. Прекрасное (красота) — категория восприятия — есть специфическая форма концентрации психической энергии в человеке, которая транслируется в цель и через последнюю реализуется в его профессиональных действиях [10, 189]. Прекрасное носит так называемый причастный характер как к самой деятельности, так и к ее продуктам. Оно не материально, как и мораль, нравственность, наука, политика и экономика, что, кстати, делает всех их родственными; выражает не утилитарное отношение к действительности даже тогда, когда изменяет эту действительность с помощью материального и реализации интересов, в том числе даже корыстных. Прекрасное есть продукт творческого процесса, который не отделен ни от материальной деятельности, ни от духовной, так как оно вплетено в эти процессы. Но именно поэтому сами процессы создания продуктов материального и духовного невозможны без прекрасного и как продукта, и как причины творчества. Как и в случае с моралью и нравственностью, прекрасное всегда существует парно: прекрасное — безобразное. В первом случае — возвышенное, вдохновляющее, во втором — отталкивающее. Но, в отличие от самой эстетики, которая носит абсолютный характер и связана с чувственным напряжением, прекрасное,

⁶ Образование и просвещение неотделимы от науки, хотя и не тождественны последней, так как имеет место также и так называемое «религиозное образование/просвещение», «культурное образование» и проч. Главное в «научном образовании и просвещении» то, что оно формирует в индивидах и их сообществах рациональное научное восприятие мира и через последнее оказывает влияние на экономику, так как в экономике действуют индивиды, наделенные рациональным научным мышлением. Важность последнего элемента для экономики в том, что индивиды и их сообщества, наделенные научным рациональным мышлением, не мистифицируют, например, технические средства и технологии, используют их рационально, что и обеспечивает преимущества в экономике.

или красивое, как продукт этого напряжения носит относительный характер. А теперь о его участии в экономике.

Экономика считается утилитарным занятием человека; вид предметной деятельности; способ организации производства средств существования. Казалось бы, в этой связи какое отношение имеет прекрасное (безобразное) к этому процессу? Но выясняется: самое непосредственное, но не в том, что способствует производству так называемых «произведений искусства», их обмену и торговле, а также компонует в разной пропорции различные элементы процесса производства средств существования — это вопрос технологии⁷, а за счет организации всех этих элементов воедино для удовлетворения потребностей человека, т. е. за

⁷ Этими вопросами занимается специальная дисциплина — «экономика отраслей культуры», которая, как и всякая другая «отраслевая экономика», занята обеспечением эффективности в этих отраслях. Поэтому с помощью организации выставок, концертов, творческих вечеров, издательской деятельности, спонсорства, грантов и т. д. формируется рынок продавцов и покупателей данной продукции. Помогает ли эта деятельность развитию эстетики или нет, однозначного ответа нет, хотя какая-то корреляция имеется, но это все же находится вне отношения «прекрасное (эстетика) — экономика». Другое дело, например, «экономика Лувра», «экономика Эрмитажа», «экономика Третьяковки» и т. д., но не в том вульгарном понимании экономики как составление баланса, аудит и т. д. с их остаточной стоимостью основных средств и т. п., что, кстати, изучает экономика отраслей культуры, как всякая отраслевая экономика, а в смысле организации производства продуктов прекрасного. Скульптуры, картины и проч. как продукты реализовавшегося прекрасного на самом деле выступают точно такими же средствами существования человека, как тот же ломть хлеба, стакан воды, штаны, свитер, башмаки и проч., а способ организации производства этих продуктов в виде музеев, библиотек и т. д. является экономикой. Причем эта экономика нисколько не «ниже» по своей значимости, чем экономика выращивания зерна или производства мяса, обуви, одежды, оружия и проч. В ее основе лежат те же принципы, что и в последних, т. е. эффективность, рентабельность, себестоимость, цена и т. д. — словом, сугубо утилитарные принципы. Экономика иначе не существует, так как в противном случае она становится уже не экономикой, а чем-то другим. Но именно за создание Третьяковки и следует признать братьев Третьяковых выдающимися экономистами (предпринимателями, бизнесменами), т. е. организаторами экономики. Кстати, их никто не признает ни художниками, ни скульпторами, ни архитекторами и проч. «Экономика Эрмитажа» имеет несколько иную модель. Можно сказать, что «экономика Эрмитажа» носит государственный характер, хотя в отдельных аспектах и наблюдается некоторое смешение — государственно-частная.

счет форм организации среды обитания, предметов труда, орудий, технологий, людей⁸. Решающее значение в этом процессе имеет живой труд человека, который есть комплекс физической и психической энергии.

Наконец, шестое понятие — *соподчиненность*. Под соподчиненностью мы понимаем сосуществование комплекса, когда ни одно из его составляющих не может существовать без другого(-их), а при уменьшении/увеличении другого против третьего их общее (как и частное) существование оказывается неполнценным или ущербным для другого и для себя. Когда-то в моде было выражение: «Экономика должна быть экономной». Последнее достигалось использованием новых средств, инструментов, механизмов, в числе которых выступали те же политика, этика, наука и т. д. И что интересно: избыток одних средств, инструментов и механизмов и недостаток других приводили к снижению (а то и вовсе утрате) экономикой важных признаков — конкурентоспособности, роста, развития, эффективности, что, на наш взгляд, убедительно показал А.А. Богданов в своей эпохальной, но непонятой и оттого проигнорированной работе. Поэтому для экономики важна соподчиненность политики, морали, науки, эстетики и других инструментов и механизмов. Соподчиненность понимается как соответствие данных инструментов и механизмов экономике, а не наоборот.

При помощи высказанных положений и приведенных понятий разберем поставленную задачу.

Обсуждения, суждения, выводы и результаты

Экономика, политика, мораль, наука, техника, технологии, среда обитания, менталитет, прекрасное и многое другое взаимосвязаны между собой и вместе с тем существуют как отдельные объекты. Взаимосвязь, как и относительная самостоятельность, независимость, сопро-

⁸ Экономика не занимается производством предметов, обеспечивающих потребности людей, сколько бы привлекательными (красивыми, прекрасными) или отталкивающими (безобразными) они ни были, этим занимается технология производства этих предметов, как не занимается и тем, что прекрасно, а тем, что безобразно, занимается просвещение, а также потреблением (прямо или косвенно) этих продуктов — «произведений искусства», этим занимаются искусствоведение, культуроведение (отчасти товароведение). Она не занимается ни производством мольбертов, полотен, красок, роялей, бумаги и проч. и в том числе обучением художников, скульпторов, архитекторов, музыкантов и проч., чьи произведения (продукты) реализует торговля, и множеством других занятий, связанных с перечисленными «произведениями искусства». Но без нее не обходится производство ни царской короны, ни самого ничтожного багета.

вождается взаимным воздействием и влиянием, определяющим траекторию развития каждого из них. Возникает вопрос: является ли эта взаимосвязь случайной или детерминированной, внутренней, органической или внешней, искусственной, моментной или перманентной, односторонней или многовекторной? Причина последнего заключается в том, чтобы не только определить дальнейшее развитие каждого из перечисленных объектов и как самостоятельных независимых, и как состоящих во взаимосвязях друг с другом, но также и для определения их общей архитектуры (комплекса). По-видимому, здесь не работает так называемый принцип всеобщей связи всяко сущего. Например, взрыв сверхновой звезды не оказывает прямого влияния на мораль, нравственность, политику, как и многое другое, но оказывает влияние на окружающую среду. Конечно, можно утверждать, что через среду обитания он окажет влияние также и на экономику, технику, технологию и т. д. и, в конце концов, доберется и до морали, нравственности. Возможно, хотя и не факт. Но даже в приведенной цепочке связей не все однозначно. Во-первых, такой цепочки связей, по-видимому, не возникало бы, не будь своеобразного родства между взаимодействующими объектами. Во-вторых, не будь относительной самостоятельности, по-видимому, не было бы того разнообразия моральных, нравственных, политических принципов, технологий и проч., характерных для различных сообществ. Из высказанных суждений следует, что если в настоящее время среда обитания людей, экономика, политика, мораль, технология, наука и прекрасное влияют друг на друга, то только потому, что когда-то все они составляли единое, неразделенное целое, из которого со временем выделились самостоятельные объекты. Последнее привело к тому, что, например, в обществах с развитой экономикой, технологиями, наукой и т. д. взаимосвязь между перечисленными объектами не такая же, как в обществах с неразвитой экономикой, такой же наукой, технологиями и т. д. По-видимому, можно согласиться с замечаниями многих этнографов и социологов, что в обществах (сообществах) со «слабой» наукой (т. е., по сути, слабым рациональным мышлением) более сильное влияние имеет мораль и т. п. Но предлагаемое из данного факта допущение, что мораль/нравственность как бы замещают науку, по-видимому, не может быть принято. И дело не в том, что мораль/нравственность не замещают, например, ту же науку, а в том, что одно сопровождает другое, создавая и усиливая иллюзию сопричастности. Но почему стало возможным последнее?

Наши изыскания показали, что важным пусковым моментом в истории экономики, политики, эстетики, этики, науки, техники выступают

контакты между этносами, в результате которых образуется надэтническое сообщество (называемое еще суперэтносом) с соответствующими экономикой, политикой, моралью и т. д. Оставляя в стороне все многообразие процессов, которые создаются в результате контактов, остановимся на объединении двух и более этнических экономик. В результате этого объединения образуется новая надэтническая экономика, или национальное хозяйство, которое отличается от этнического хозяйства не только своими масштабами, но и механизмами организации и управления. Если этническая экономика управляет этнической структурой, то национальное хозяйство — государством. (Кстати, у этнических сообществ не было государства. Оно им было не нужно. Но у национального сообщества, т. е. сообщества множества этносов и социальных групп, появляется государство [22].) Государство формирует совершенно новую хозяйственную реальность, которая не связана ни с одним конкретным ландшафтом (а значит, этносом). Сосредоточив в себе финансовые, административные, а также материальные ресурсы, государство начинает управлять не только социальными, но и экономическими процессами. В какой-то момент создается «государственная экономика» как совокупность субъектов хозяйствования — предприятий, фирм, компаний, банков и т. д., находящихся в прямом подчинении государства и функционирующих на отличных для этнических хозяйств принципах. Но в системе национального хозяйства продолжает функционировать также и «негосударственная экономика» — домашние хозяйства, частные, акционерные предприятия и проч. Между этими секторами ведется нормальное существование в виде конкуренции. Однако, сосредоточив в своих руках административную власть, государство прямо и косвенно начинает влиять на поведение «негосударственной экономики». Управление экономикой — национальным хозяйством — становится функцией государства, «дарованной» или, по меньшей мере, одобренной обществом. Так образуется то, что М. Ротбард определил как «государство и рынок» [18]⁹. Но причина государственного регулирования нам

⁹ По крайней мере, российский, да и китайский опыт указывают на то, что государство может играть по рыночным законам. Но не в том смысле, что допускает развитие рынка и рыночных отношений в экономике (это само собой разумеется), а в том, что само переходит на рыночные отношения. Оно не регулирует, например, цены, тарифы и проч. путем их установления, что видим в классической государственной экономике, например, образца СССР, а «играет» на ценах и с ценами точно так же, как самый ортодоксальный рыночный игрок. С помощью рыночного механизма, имея доступ к обширным сырьевым ресурсам, монополию в коммуникациях, банковской и финансовой сферах и т. д., государство

видится не в исправлении «провалов» рынка; скажем откровенно, государству нет никакого дела до этих провалов, тем более что оно само часто участвует в этом. Причина — в уничтожении этнических сообществ, ибо только последние противостоят государству и только с ними оно борется по-настоящему, скрывая свои истинные намерения за множеством драпировок и декораций.

В результате отмеченного контакта этносов не менее занимательны «превращения» морали и нравственности. В этнических сообществах, по сути, нет морали в классическом современном понимании, так как мораль не отделена (и еще не выделилась в самостоятельный институт) от способа производства средств существования. Поэтому она существует во всем комплексе отношений этноса. В этносе, согласно Л.Н. Гумилеву [8], действует основное отношение: «свои—чужие», где «свой» никогда не мог быть рабом, а также наемным работником [22; 15; 10; 8]. При переходе к нации данная система координат формально сохраняется, но меняется содержательно. В силу того, что отношение «свой—чужой» неинвариантно, сегодня — «чужой», завтра — «свой» и наоборот, что, по сути, девальвирует прежнее базисное отношение «свой—чужой», замещая его на более нейтральные: компаньон, товарищ и т. п. В результате этой метаморфозы оказывается, что вчера — компаньон, товарищ, сегодня — наемный работник. И в таком превращении все по справедливо; справедливость остается мерилом нравственности и морали. Но при этом мораль, во-первых, увязывается с выгодой, т. е. получение выгоды становится моральным действием, во-вторых, прочно сопряжено с коммерцией (не путать с экономикой!) и политикой; становится своеобразным оправданием последних¹⁰. (Усилиением последнего становится высокая степень «религиозности» морали¹¹.) Примечательно здесь другое — создается иллюзия влияния этики (морали)

по рыночному банкротит любое частное предприятие. Поэтому ему нет необходимости национализировать или экспроприировать что-либо административно, как это было, например, в нашей истории в первой трети XX в. Частник сам добровольно согласится передать свои активы государству если не прямо, то через выделение мест в своем менеджменте.

¹⁰ По-видимому, наиболее явно эту особенность сформулирует лорд Пальмерстон своей известной фразой: «We have no eternal allies, and we have no perpetual enemies. Our interests are eternal and perpetual, and those interests it is our duty to follow» («У нас нет вечных союзников, и у нас нет постоянных врагов; вечны и постоянны наши интересы. Наш долг — защищать эти интересы».).

¹¹ В связи с последним заслуживает внимания название известной работы М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», которую он сам же расширит до

на экономику путем создания «этики труда» или «трудовой этики», т. е. тем, что мораль управляет экономикой. Но реальность оказывается другой. Поскольку носитель труда — рабочая сила — выступает товаром, то и сама этика в этих условиях становится оправданием «всех красот» товарно-денежных отношений. А какие они в условиях капитализма, после исследований К. Маркса распространяться излишне. Важно заметить, что не этика создает товарно-денежные отношения, а последние оформляют ее в качестве одного из институтов.

Обратимся к эстетике и ее влиянию на экономику. Исследований, подобных исследованию морали, политики, техники, по эстетике не наблюдается; если они есть, то представлены в более широком контексте — культуры, что, на наш взгляд, представляет не решение проблемы, а ее подмену. (Никто ведь не сводит производство политических продуктов к политической экономии, а нравственных или моральных к моральной экономике.) Другой тип подмены состоит в том, чтобы представить производство «произведений искусства» (картин, скульптур, скрипок, роялей и т. д.) за продукты экономики. В них есть эстетика, но в них нет экономики. Причина последнего проста — с эстетикой не получается, как с политикой, этикой, наукой, технологиями и проч.

Экономика, как мы заметили, — это способ организации производства средств существования. Конечно, те же, например, ухоженные поля, луга, террасы, плотины, заводы, фабрики и проч. также относятся к организации производства средств существования, но не в смысле тех самых плотин или массивных зданий заводов и т. д., а той самой фабрично-заводской системой организации людей, техники и проч. для производства средств существования. Но еще раньше — это цеховая организация. А на другом полюсе — в сельском хозяйстве — общинная/семейная формы землевладения и земледелия. Эта кооперация множества индивидуальных производительных сил — сотен, тысяч рук, голов и проч. — в единую коллективную производительную силу. Разве это не прекрасно или менее прекрасно, чем те же террасы, уходящие за горизонт и конкурирующие с рельефом, созданным *природой*, или с картинами Сарьяна?

Цель, функция, сущность экономики — объединить разрозненные и противоречивые объекты — землю (а еще шире — климат, почву, температурный, водный режимы, уровень солнечной радиации и т. д.), сырье (семена, животных и проч.), орудия труда (технику, технологии),

«этики мировых религий» [7] и тем самым подаст пример другим исследователям, часто реализующим эту программу не самым лучшим образом. Впрочем, в последнем нет ничего удивительного, такое поведение свойственно эпигонам.

предметы труда, рабочую силу (живой труд), людей (потребителей) в систему, создать из них единый организм. Схемы фон Тюнена, Лунхардта, Вебера, Лёша и др. по пространственному размещению, как и «таблица» Ф. Кэне, принцип сравнительного преимущества Д. Рикардо, заложившие основы межотраслевого баланса, сам межотраслевой баланс, венцом которых выступает планирование в масштабах всего национального хозяйства (создание того же Госплана)¹² с прилегающими к нему территориями (мы имеем в виду СССР, СЭВ и др. государства), «невидимая рука» А. Смита, уравнение А. Курно (известное также как «закон спроса и предложения»), выражющие фундаментальный принцип так называемой рыночной экономики и другие принципы хозяйствования, семейные хозяйства, цеха (с их индивидуальным персонифицированным производством), фабрики, заводы (с конвейерным производством), тресты, холдинги, фирмы, артели, колхозы, совхозы, МТС, кооперативы, супергипермаги/маркеты и многое др. обладают той же красотой, что и аксиомы Евклида, уравнения Кеплера, Ньютона, Максвелла, Планка, Эйнштейна, квантовая теория, таблица Менделеева, «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Диалоги» Платона, Конфуция, персидская поэзия, стихи и поэмы Пушкина, Лермонтова, скульптуры Фидия, Родена, Микеланджело, фрески и картины Леонардо да Винчи, Рафаэля, импрессионистов, Брюллова, архитектура Брунеллески, Синана, музыка Бетховена, Моцарта, русский балет, шахматные партии, полет человека в космос, на Луну («That's one small step for a man, but one giant leap for mankind») и многое др., так как возбуждают «некие особые, свойственные только ему удовольствия, не имеющие ничего общего с удовольствием от щекотания» [14, 66]. Да, это схемы, принципы, уравнения, модели и т. д., которые, казалось бы, не имеют прямого отношения к экономике, так как, как и предыдущие (в геометрии, физике, химии, биологии, архитектуре, живописи и т. д.), представляют продукты творчества, но за этими схемами стоят те самые домашние хозяйства, цеха, заводы, фабрики, электростанции, разрезы, шахты, карьеры, каналы, реки и проч., по которым ежесекундно перемещаются ресурсы, техника, технологии, люди, товары, деньги и проч. Наконец, это «национальные хозяйства» — формы организации ресурсов и факторов на территории государств. И это последнее вызывает не меньше восхищения не только своим масштабом, но и гармонией и красотой, чем та же термоядерная реакция, будь то на

¹² По этой части заслуживает внимания два «документа»: так называемый «план Гоэлро» [13] и письмо И.В. Сталина В.И. Ленину, написанное в марте 1921 г. [20, 50—51].

солнце и звездах или же в токамаках. А разве соединение сырья, материалов, технологий, рук, интеллекта и эмоций миллионов людей при производстве «крохотного» чипа менее привлекательно, чем скульптуры Фидия, фрески Ороско, картины Веласкеса или рождение человека? С экономической точки зрения в основе этих схем лежит утилитарный принцип. В одном случае — минимизация издержек, в другом — транспортных затрат, в третьем — максимизация производства, в четвертом — максимизация прибыли, в пятом... и т. д. Но сама схема взаимосвязей (которые осуществляют будто бы «невидимая рука А. Смита» или же Госплан) различных объектов, образование из разрозненных, не имеющих ничего общего между собой и относящихся к разным по природе объектам — люди с их предрассудками, суждениями, сознанием и проч., животные с их инстинктами, рефлексами и проч., орудия (техника самого разного уровня), технологии (от примитивных до совершенных), государства, общества, религии и проч. не может не держаться на чем-то сверх очевидного утилитарного принципа. По-видимому, в этом механизме должно найтись место также и для прекрасного. И оно находится в описанных выше формах, сопричастных к рождающемуся под токарным резцом и «построемому» с помощью линеек и углеродных [14, 66].

Но если есть прекрасное, то, в соответствии с диалектикой, должно быть и безобразное, и раз мы привели примеры «прекрасного в экономике», следует также привести примеры «уродливого в экономике». В противном случае картина получается неполной. Восполняя недостающее звено, приведем примеры «уродливого». По-видимому, это всякого рода концентрационные лагеря — от самых тривиальных до «оригинальных», называемых в нашей истории «шарарами» (ОТБ, ОКБ и т. п.), где человек загоняется в «нечеловеческие» условия с одной целью — выжать из него все «соки», т. е. он не добровольно передает эти «соки», как в потогонной (частный случай — тейлоризм) модели свободного найма, а насилиственно, из страха за свое (или близких) физическое или психическое существование. Сюда же следует поместить всю тюремную систему в той части, которая связана с экономикой, но не с моралью, нравственностью и т. п. По-видимому, сюда же следует поместить так называемые «стройки века» или «дублирующие» продукты, уродливые и уродующие красоту природы, общества и человека.

Итак, влияние политики на экономику состоит в наделении экономических агентов правами и обязанностями или лишении их либо прямо и непосредственно путем административных мер, либо косвенно и опосредованно путем разработки и утверждения законов и прочих норм.

мативных правовых актов. У политики в экономике есть два крайних инструмента: разрешается все, что не запрещено, и запрещается все, что не разрешено. В отличие от политики этика (мораль и нравственность) призваны оправдать или осудить деятельность экономических агентов. В отличие от политики ее действие не связано с законами и правовыми актами, поэтому носит своеобразный рекомендательный, необязывающий характер. Наука управляет экономикой рекомендациями, основанными на открытых ею законах и закономерностях, сформулированных принципах. Ее влияние распространяется не только на поведение экономических агентов, но также и на способ организации. Эстетика, или прекрасное, в отличие от предшествующих институтов, формулирует сам способ организации производства средств существования, начиная с домашнего хозяйства до национального и мирового. Таковы наши суждения.

Заключение

О том, что экономика и среда обитания, экономика и политика, экономика и мораль, экономика и технологии и т. д. взаимосвязаны и влияют друг на друга, известно давно, как и изучается давно. Получены вполне удовлетворительные результаты, а в отдельных отраслях и вовсе впечатляющие. И между тем не все в этих связях однозначно и выявлено. Речь идет о разных результатах работы одних и тех же «факторов». Причем эти «разницы» встречаются как на «горизонтальном уровне» — разные территории, народы демонстрируют разные результаты, так и в «вертикальном» разрезе — на одной и той же территории и у одного и того же народа в разное время влияние одних и тех же «факторов» на экономику оказывается разным или неодинаковым. Примечательно, что речь идет не об одном каком-то факторе, а обо всех, т. е. не только внешняя среда, но и политика, мораль, техника и технология, менталитет и проч. по-разному проявляют себя в экономике как по времени, так и в разрезе территорий, народов. Существующее на сегодня объяснение, при котором значимость получают разные факторы, нас не устраивает. Если за счет такого предположения можно объяснить некоторые различия в «вертикальном» сопоставлении, то сложно объяснить «горизонтальные» различия. Как объяснить, например, разные результаты у соседних территорий (с одним или родственным ландшафтом) и родственных народов? Наше объяснение заключается в следующем. Изначально экономика, мораль, нравственность, политика, технологии, техника, ментальность, наука, эстетика и проч. нераздельны и не выделены в отдельные объекты. (Возможно, поэтому изначально все народы не разли-

чаются или не слишком различаются между собой.) Но затем образуются (что зафиксировано разными средствами: от материальных до духовных) различия. Причина этого, на наш взгляд, — комплекс «среда обитания — человек/люди». По мере углубления взаимоотношений человека и среды обитания, связанного с сопротивлением последней и «силой» первого, происходят углубление разделения, выделение и формирование самостоятельностей. На этот процесс накладываются контакты между сообществами (этносами). Появляется доминирование влияния то одной, то другой структур на организацию производства средств существования (как и на способ производства средств существования). Например, доминирование техники и технологии, что в наибольшей мере характерно для Европы, и образование так называемой технократической модели экономики; рост производства средств существования происходит не в результате освоения новых территорий, а за счет внедрения новых технологий и техники обработки той же земли, воды, ветра и т. д. Ее противоположность — доминирование среды обитания — наблюдается, например, в русской истории и отражено в освоении пространства (территории). Доминирование морали и нравственности реализуется в формировании так называемой «моральной экономики» (Чаянов)¹³. Но и другие признаки — политика, наука, эстетика — также формируют свой «тип» экономики.

Важным выводом своего исследования считаем выявление принципа соразмерности в соотношении между политикой, моралью, наукой, техникой, эстетикой и проч. и экономикой. То, что экономика без политики, как и без морали/нравственности, науки, эстетики, техники и проч., недопустима, — это факт, доказанный историей. Но и экономика, подпавшая под монопольное влияние политики (религии, экспериментаторства), не сулит ничего хорошего ни для себя, ни для той же политики, религии, морали, науки и т. д. Поэтому между всеми элементами комплекса должна быть соразмерность. Нарушение соразмерности, как показывает история, приводит к уродливым, аморальным, антигуманным формам экономики.

¹³ По мысли А. Чаянова, ее составляют семейно-трудовые хозяйства, для которых целью является не получение прибыли, а производство средств для существования членов семейно-трудовых хозяйств [27]. Исходя из данного критерия — не получение прибыли, а производство средств существования в необходимом объеме, к моральной экономике относят также этническую экономику. Но есть и другая, противоположная — капиталистическая экономика, основанная на другой морали.

Дискуссия (как и ее продуктивность) о соотношении политики, этики, науки и эстетики в экономике, на наш взгляд, определяется не тем даже, что между ними имеется генетическое родство, а степенью развитости их форм. Поскольку сам процесс оформления у каждого из названных элементов оказывается разным, то и влияние их на экономику (как и наоборот) оказывается разным. Более того, опять же в силу разной оформленности (т. е. достижения разного уровня развитости формы) время от времени наблюдается, во-первых, доминирующее влияния одного элемента (например, морали или же государства, техники или экологии), которое создает иллюзию о так называемом всеобщем и внеисторическом характере этого вида влияния на экономику, во-вторых, автономный самостоятельный характер различных видов взаимосвязей. В связи с чем можно предположить, что по достижению наивысшей формы всеми указанными элементами, которая чаще всего определяется как «политика для политики», «мораль для морали», «наука для науки», «искусство для искусства» и т. д., а также «экономика для экономики», произойдет возврат к тому первородному состоянию, при котором все они выступают как единое целое, и экономика примет свой первоначальный характер.

Литература

1. Абанкина Т.В., Николаенко Е.А., Романова В.В., Щербакова И.В. Креативные индустрии России: тенденции и перспективы развития. М.: Grey Matter, 2021. 44 с.
2. Автономов В.С., Воробьев А.С., Кононенко П.Б., Расков Д.Е., Тульчинский Г.Л. Культура как новый фронтон в экономической науке // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 5. С. 178—193.
3. Анчишкін А.І. Наука — техника — економіка. 2-е изд. М.: Економіка, 1989. 383 с.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.: В 3 т. М.: Прогресс, 1986—1992.
5. Бродель Ф. Что такое Франция?: В 2 кн. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994—1997.
6. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М.: Языки славянской культуры, 2002—2004.
7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. С. 44—271.
8. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Вебер М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. М.: Юрист, 1994.

9. Гумилев Л.Н. Этносфера: история людей и история природы. Этногенез и биосфера земли. М., 2012. 1056 с.
10. Достоевский Ф.М. Бесы. Роман // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. Х. Л.: Наука, 1974.
11. Зайков А. К вопросу о специфике спартанской экономики // Из истории античного общества: Межвузовский сб. / Под ред. С.К. Сизова. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1991. С. 5—14.
12. Зомбарт В. Собр. соч.: В 3 т. СПб.: Владимир Даль, 2005.
13. Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
14. План электрификации РСФСР: Сборник: доклад 8-му съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. Вып. 1. М.: Научно-технический отд. ВСНХ, 1920.
15. Платон. Филеб // Платон. Соч.: В 3 т. / Пер. с древнегреч. под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. Т. 3. Ч. 1. М.: Мысль, 1971. 687 с.
16. Плутарх. Застольные беседы. Л.: Наука, 1990. 592 с.
17. Рахаев Б. Кто является автором «невидимой руки А. Смита?» (Исследование правила «невидимой руки А. Смита» и приоритетности открытия принципа, положенного в его основу). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 92 с.
18. Рахаев Б.М., Калабекова К.А. Природа и характер объективности экономических знаний и истин // Журнал экономической теории. 2013. № 2. С. 183—194.
19. Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. М.: Социум, 2022. 415 с.
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева. М.: Эксмо, 2009. 960 с.
21. Сталин И.В. Соч. Т. 5. М.: ОГИЗ, 1947.
22. Чаянов А.В. Очерки по экономике трудового сельского хозяйства / Предисл. Л. Крицмана. М.: Новая деревня, 1924. 152 с.
23. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. С. 23—178.

References

1. Abankina T.V., Nikolaenko E.A., Romanova V.V., SHCHerbakova I.V. Kreativnye industrii Rossii: tendencii i perspektivy razvitiya. M.: Grey Matter, 2021. 44 s.
2. Avtonomov V.S., Vorob'ev A.S., Kononenko P.B., Raskov D.E., Tul'chinskij G.L. Kul'tura kak novyj frontir v ekonomicheskoy nauke // Ekonomicheskaya politika. 2017. Т. 12. № 5. С. 178—193.

3. *Anchishkin A.I.* Nauka — tekhnika — ekonomika. 2-e izd. M.: Ekonomika, 1989. 383 s.
4. *Brodel' F.* Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV—XVIII vv.: V 3 t. M.: Progress, 1986—1992.
5. *Brodel' F.* CHto takoe Franciya?: V 2 kn. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1994—1997.
6. *Brodel' F.* Sredizemnoe more i sredizemnomorskij mir v epohu Filippa II: V 3 ch. M.: YAzyki slavyanskoy kul'tury, 2002—2004.
7. *Veber M.* Protestantskaya etika i duh kapitalizma // Veber M. Izbrannye proizvedeniya / Per. s nem. Sost., obshch. red. i poslesl. YU.N. Davydova; predisl. P.P. Gajdenko. M.: Progress, 1990. S. 44—271.
8. *Veber M.* Hozyajstvennaya etika mirovih religij // Veber M. Izbrannoe. Obraz obshchestva / Per. s nem. M.: YUrist, 1994.
9. *Gumilev L.N.* Etnosfera: istoriya lyudej i istoriya prirody. Etnogenetzi biosfera zemli. M., 2012. 1056 s.
10. *Dostoevskij F.M.* Besy. Roman // Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. H. L.: Nauka, 1974.
11. *Zajkov A.* K voprosu o specifike spartanskoy ekonomiki // Iz istorii antichnogo obshchestva: Mezhvuzovskij sb. / Pod red. S.K. Sizova. N. Novgorod: Izd-vo NNGU, 1991. S. 5—14.
12. *Zombart V.* Sobr. soch.: V 3 t. SPb.: Vladimir Dal', 2005.
13. *Marks K.* Kapital. T. 1. M.: Politizdat, 1988. 891 s.
14. Plan elektrifikacii RSFSR: Sbornik: doklad 8-mu s"ezdu Sovetov Gosudarstvennoj komissii po elektrifikacii Rossii. Vyp. 1. M.: Nauchno-tehnicheskij otd. VSNH, 1920.
15. *Platon.* Fileb // Platon. Soch.: V 3 t. / Per. s drevnegrech. pod obshch. red. A.F. Loseva, V.F. Asmusa. T. 3. CH. 1. M.: Mysl', 1971. 687 s.
16. *Plutarh.* Zastol'nye besedy. L.: Nauka, 1990. 592 s.
17. *Rahaev B.* Kto yavlyaetsya avtorem «nevidimoj ruki A. Smita?» (Issledovanie pravila «nevidimoj ruki A. Smita» i prioritetnosti otkrytiya principa, polozhennogo v ego osnovu). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. 92 s.
18. *Rahaev B.M., Kalabekova K.A.* Priroda i harakter ob"ektivno-sti ekonomicheskikh znanij i istin // ZHurnal ekonomicheskoy teorii. 2013. № 2. S. 183—194.
19. *Rotbard M.* Vlast' i rynok: gosudarstvo i ekonomika. M.: Socium, 2022. 415 s.
20. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov / Per. s angl.; predisl. V.S. Afanas'eva. M.: Eksmo, 2009. 960 s.
21. *Stalin I.V.* Soch. T. 5. M.: OGIZ, 1947.

22. *Chayanov A.V. Ocherki po ekonomike trudovogo sel'skogo hozyaj-stva / Predisl. L. Kricmana. M.: Novaya derevnya, 1924. 152 s.*
23. *Engel's F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoj sobstvennosti i gosudarstva. V svyazi s issledovaniyami L'yuisa G. Morgana // Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e. T. 21. M.: Politizdat, 1961. S. 23—178.*

М.М. ГУЗЕВ

Проблемы устойчивого развития в условиях глобальной неустойчивости и их ноосферное решение*

Аннотация. В статье устойчивость рассматривается в широком понимании, включающем не только экологические, но и экономические, демографические, политические, социальные аспекты развития общества. Ноосферное решение проблем устойчивости в триаде «человек — общество — природа» означает повышение роли сознательного и разумного начала в человеческой деятельности, начиная с собственного самосовершенствования и далее с совершенствованием общественных институтов, включая отношения собственности, и самого способа производства. В условиях нарастающей глобальной турбулентности переход к тоталитарной (авторитарной) системе управления социоприродной эволюцией рассматривается не как отступление от «столбовой дороги» человечества, а как современный этап (демократический тоталитаризм) реализации потенциала ноосферы, обеспечения определенной устойчивости и самосохранения на глобальном, национальном и локальном уровнях.

Ключевые слова: устойчивое развитие, природа и общество, ноосфера, гармонизация, демография, экономика, демократический тоталитаризм, человек разумный.

Abstract. This article examines sustainability in its broadest sense, encompassing not only environmental but also economic, demographic, political and social aspects of societal development. A noospheric solution to sustainability problems in the «human — society — nature» triad entails enhancing the role of conscious and rational principles in human activity, beginning with

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Гузев М.М. Проблемы устойчивого развития в условиях глобальной неустойчивости и их ноосферное решение // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 66—82. DOI: 10.5281/zenodo.17780459.

self-improvement and continuing with the improvement of social institutions, including property relations, and the mode of production itself. In the context of increasing global turbulence, the transition to a totalitarian (authoritarian) system of managing socio-natural evolution is viewed not as a departure from humanity's «high road», but as a contemporary stage (democratic totalitarianism) in realizing the potential of the noosphere, ensuring a certain degree of stability and self-preservation at the global, national, and local levels.

Keywords: sustainable development, nature and society, noosphere, harmonization, demography, economics, democratic totalitarianism, *Homo sapiens*.

УДК: 1:316

ББК: 60.023

В первой четверти XXI в. человеческая цивилизация вступила в эпоху глобальных перемен и глобальной неустойчивости. Об этом говорил в своей речи в Санкт-Петербурге на ПМЭФ-2025 президент РФ В. Путин: «Это тектонические изменения в глобальной экономике и демографии, включая динамику населения планеты, социальные, общественные и geopolитические противоречия, которые дают о себе знать кризисами, региональными конфликтами, которые стремительно вспыхивают с новой силой... Наконец, это изменение климата и острые экологические проблемы, требующие ответа. И, конечно, переход к новому технологическому укладу, основанному на цифровых платформах, искусственном интеллекте и автономных системах, способных принимать решения даже без участия самого человека» [11]. Учитывая глобальность, остроту и сложность проблем, фактически речь идет ни много ни мало о выживании человека как вида. На это в начале тектонических изменений и позже настойчиво указывал Ю.М. Осипов, говоря о том, что главная проблема глобальных изменений и неустойчивости заключена в самом человеке, не до конца познанном или еще совсем не познанном: «Общемировой идеально-политико-институциональный (цивилизационный) кризис спровоцировал большие как текущие, так и стратегические перемены, проходящие на фоне воистину гигантских общечеловеческих сдвигов, вызываемых и облегчаемых научно-техническим прогрессом (хай-тек, ИТ, сети) и охотно охотящихся уже за самим человеком» [9, 50]. И хотя это не был глас вопиющего в пустыне, но... главное, как известно, — экономика, деньги, прибыль.

Достичь устойчивости возможно только в рамках всемирного сотрудничества. Но что кроется под самим понятием «устойчивое разви-

тие», что представляют собой проблемы устойчивого развития на глобальном и локальном уровнях и каков возможный механизм их решения? Вследствие своей глобальности, многогранности и сложности, проблема устойчивого развития имеет множество аспектов. Проблема устойчивого развития как глобальная проблема существования и выживания человеческой цивилизации впервые была провозглашена в 1960-е гг., когда только обозначились опасные глобальные кризисные тенденции в существовании и развитии человеческого сообщества, и первоначально рассматривалась в аспекте взаимодействия общества и природы, негативного воздействия промышленного развития, урбанизации и роста населения планеты на окружающую природную среду. В этой связи следует отметить, что выдающийся вклад в осмысление проблемы внес наш соотечественник В.И. Вернадский, который констатировал еще в середине XX в., что «до сих пор историки, вообще ученые гуманитарных наук, а в известной мере и биологи сознательно не считаются с законами биосфера — той земной оболочки, где может только существовать жизнь (это еще в большей мере относится к политикам и бизнесменам). Стихийно человек от нее неотделим» [2]. В формирование новой парадигмы развития внесли значимый вклад такие ученые, как П. Тейяр де Шарден, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев, Ф. Фукуяма, Д. Гэлбрейт, П. Сорокин, Н.Н. Моисеев, акцентировавшие внимание на широком аспекте устойчивости, от взаимодействия природы и общества и выбора оптимальной модели развития до самосовершенствования общества и самого человека. В дальнейшем большинство ученых и политиков трактовали устойчивость все более расширительно, включая переосмысление роли и места человека на Земле.

Некоторые исследователи ставят под сомнение точность и адекватность самого определения «устойчивое развитие», указывая на его противоречивость, поскольку развитие якобы предполагает неустойчивость. Не останавливаясь на дискуссионных моментах, используя общепринятую терминологию, необходимо констатировать, что, во-первых, проблема взаимодействия человека и природы в условиях возрастающего антропогенного воздействия на окружающий природный мир действительно становится все более ощутимой; во-вторых, в глобализированном мире эта проблема, несмотря на множество локальных проявлений, носит общечеловеческий глобальный характер; в-третьих, она включает не только собственно «узко земные» проблемы, но и всю околоземную оболочку, ее состояние и динамику; в-четвертых, проблема взаимодействия человека и природы в аспекте устойчивости неизбежно приводит к оценке общественных моделей развития. В то же время

устойчивость, в широком его понимании, включает не только экологические, но и экономические, демографические, политические, социальные аспекты развития. Таким образом, под устойчивым развитием понимается вся совокупность отношений в системе «человек — общество — природа». Это такое развитие, при котором обеспечивается гармонизация взаимодействия между обществом и природой, в самом обществе и в человеке и которое направлено на совершенствование общественных отношений.

Устойчивость предполагает экономический рост на основе новейших технологий, устойчивое воспроизводство населения, взаимное co-существование культур, этносов, цивилизаций и просто людей, которые все индивидуальны, сохранение позитивного опыта и обогащение культуры. Следствием расшириительной трактовки устойчивости развития является множественность критериев и соответственно индикаторов, позволяющих определить состояние и динамику тех или иных аспектов развития. Соответственно и проблемы устойчивого развития трактуются так же широко.

И все же наиболее часто в литературе устойчивость трактуется по-прежнему как *проблема взаимодействия природы и общества*. Очевидно, это обусловлено не только масштабностью и непреходящей актуальностью проблемы, ведь человек — это есть часть самой природы, но и тем импульсом, который впервые был обозначен в 1960-е гг. в рамках «Римского клуба», в книгах Д. Медоуз и др. «Пределы роста» и Б. Коммонера «Замыкающийся круг», документах Всемирной конференции по окружающей природной среде в Стокгольме (1972 г.) и Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). Более четверти века назад нами было дано следующее определение экологической устойчивости: «Экоразвитие — форма социально-экономического развития общества на базе индустриальной модели хозяйствования и свободного, творческого труда, учитывающая интересы настоящего и будущих поколений и направленная на достижение высокого уровня качества естественной среды обитания и жизни каждого человека» [5, 57]. С тех пор проблема взаимодействия природы и общества не стала менее актуальной. Это убедительно показал в своих трудах еще в конце XX в. Н.Н. Моисеев: «Сейчас взаимоотношения Природы и Общества переходят в качественно иное состояние. Энергетическое могущество цивилизации становится сравнимым с мощностью природных процессов, благодаря чему параметры биосфера вследствие человеческой деятельности начинают столь быстро меняться, что они за считанные десятилетия изменяют привычные жизненные стандарты. А это непосредственно влияет на эффективность человеческой деятельности, на особенности

экономического развития, общественные отношения, психику и т. д. Природные факторы из фона, на котором раскрывается “человеческая комедия”, превращаются в активно действующих персонажей» [8, 377]. На исходе первой четверти XXI в. остаются столь же актуальными для существования человека, его самосохранения и развития проблемы климатической неопределенности, сокращения лесов, нехватки питьевой воды, исчерпания природных ресурсов, загрязнения атмосферы, почвы и водных бассейнов, экологические проблемы агломераций, локальные экологические катастрофы и др.

На фоне экологической повестки и других факторов предпринимались попытки описать будущее как постиндустриальное общество, с доминантой сферы услуг, образования, науки, отдыха, развлечений и самосовершенствования. На Западе это реализовалось в переносе «грязных производств» и вообще промышленности в страны третьего мира, в России в буквальном смысле — в уничтожении крупного производства, в том числе машиностроения, в ходе «рыночной приватизации» (А. Чубайс, Е. Гайдар) и постприватизационной неопределенности. В конце концов на рубеже XX—XXI вв. выяснилось, что постиндустриальное общество — это во многом химера, и в нашей стране нужна новая индустриализация, или неоиндустриализация, что многие годы доказывал С. Губанов [3]. Те страны, которые не отказались от индустрии: Китай, Япония, Корея — теперь стали мировыми лидерами во многих отраслях экономики, в том числе в решении экологических проблем, другие: Россия, в какой-то мере США — сейчас вынуждены наверстывать упущенное, а промышленная Европа находится в рецессии.

Гармонизация взаимодействия природы и общества — это вечная проблема прошлого, настоящего и будущего человека. Ее решение было адекватным уровню развития самого общества и человека: от стихийного взаимодействия к попыткам «покорения» природы человеком и наконец к *осознанию их целостности*. Соответственно трактовалась и устойчивость. Существенный вклад в решение проблемы взаимодействия природы и общества, в аспекте понимания устойчивости, внес выдающийся российский ученый Л.Н. Гумилев своим учением об этногенезе, дающем ключ к пониманию механизма взаимодействия человека и природы в исторической ретроспективе: «Взаимодействие человечества с природой постоянно, но крайне вариативно и в пространстве, и во времени... Между закономерностями природы и социальной формой движения материи существует постоянная корреляция. Но каков ее механизм и где точка соприкосновения природы и общества?» [6, 13]. Таким механизмом, по Л.Н. Гумилеву, выступает пассионарность этносов,

«пассионарные толчки, или взрывы этногенеза», обусловленные излишней энергией, получаемой нашей планетой из космоса, приводящие в движение огромные массы людей, очевидно, от одного качества устойчивости через неустойчивость к другому качеству устойчивости. Возможно, это и есть объяснение волнообразного развития цивилизации, отдельных стран и этносов, вносящее корректизы в понятие устойчивости.

Новый этап в осмысливании проблемы взаимодействия природы и общества связан с понятием ноосферы (термин Э. Леруа). Примечательно, что теорию о ноосфере самостоятельно разработали наш соотечественник В.И. Вернадский и П.Т. де Шарден, параллельно занимаясь исследованием проблемы биосфера и прида к выводу, что под воздействием научной мысли и человеческой деятельности образовалась ноосфера как особая оболочка разума, которая развивается над биосферой. В дальнейшем В.И. Вернадский уточнил это определение ноосферы: «это новое состояние биосфера», в котором умственная разумная деятельность является определяющим фактором развития. Для ноосферы характерны: тесная связь природы и социально-политических, экономических и демографических факторов развития, формирование экологического сознания и экологизация всех сфер жизни и деятельности человека, соответственно устойчивое развитие в условиях ноосферы является устойчивостью всех взаимосвязанных ее компонентов, главным из которых, конечно же, остается человек разумный, который обеспечивает эту самую устойчивость.

Ноосферное решение проблемы устойчивости в триаде «человек — общество — природа» означает повышение роли сознательного и разумного начала в человеческой деятельности, начиная с собственного самосовершенствования и далее с совершенствованием общественных институтов, включая отношения собственности, и самого способа производства, это означает отношение человека к природе как к самому себе (человек — часть природы). А то, что «сознательное и разумное» в человеческой деятельности на глобальном и локальном уровнях (ноосфера) не всегда ведет к гармонизации отношений общества и природы в самом обществе и к устойчивому развитию, а иногда приводит к явно «неразумным» деструктивным результатам (атомная бомба), мы здесь не рассматриваем. *Это отдельная проблема: насколько сфера разума (ноосфера) разумна.*

Демографический аспект устойчивого развития является, очевидно, вторым по значимости после необходимости гармонизации отношений природы и общества. Но часто в исследованиях по устойчивому развитию демографическая составляющая представлена слабо либо вообще отсутствует. И это довольно странно. Ведь речь идет о населении,

об обществе, о людях, которым, собственно, и необходима эта устойчивость и которые ее, собственно, обеспечивают (или не обеспечивают). Если же наблюдается демографический кризис или даже демографическая деградация, то все достижения по устойчивости в отдельных сферах нивелируются, снимаются. Какова цена экономической устойчивости, политической устойчивости, гармонизации отношений с природой, если население не воспроизводится, если не растет, а сокращается продолжительность жизни, если смертность превышает рождаемость? Перспектива — депопуляция, другими словами — обезлюдывание территории, регионов, стран. В истории это наблюдалось многократно.

Общая модель демографически устойчивого развития предполагает расширенное воспроизводство населения, рост рождаемости, сокращение смертности, повышение качества жизни и увеличение ее продолжительности. В то же время с демографической устойчивостью не все так однозначно. В силу демографической специфики стран и территорий, различия культур этносов в настоящее время для одних устойчивое демографическое развитие будет означать рост населения (Россия), для других — его сокращение (Китай, Индия), для третьих актуальной демографической проблемой в аспекте устойчивости является проблема старения населения, не говоря уже о региональной специфике. Не менее сложным является и национальный, этнический аспекты демографической устойчивости. Поэтому и модели устойчивого развития для различных стран и периодов их истории будут различными. Таким образом, демографическая устойчивость — сложное, многоаспектное и многогранное понятие.

Рис. 1. Рождаемость и смертность в России
(млн чел./год), 1980—2035 гг. (прогноз)

Источник: Росстат

Для России проблема демографической устойчивости чрезвычайно актуальна. В демографическом прогнозе Росстата (20.10.2023) население России к 2046 г. может сократиться с 146,45 до 138,77 млн человек [12]. Некоторые ученые в этой связи говорят даже о разразившейся на российских просторах демографической катастрофе, учитывая, что современная негативная демографическая динамика закладывает столь же негативные явления на многие десятилетия вперед. Фактически речь идет о депопуляции (рис. 1). В этой связи А.Г. Аганбегян в статье «О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России» [1] предлагает срочно разработать общенациональную Социальную доктрину, направленную на решение проблемы. Аналогичные идеи высказываются в последние годы и другими учеными (Н.М. Римашевской, Д.С. Львовым, А.Д. Некипеловым и др.).

В то же время демографическая устойчивость не сводится только к рождаемости, смертности и продолжительности жизни. Для демографически устойчивого развития важными являются половозрастная структура населения и ее динамика, оптимальное расселение населения по регионам страны, создание соответствующих условий для полноценной жизни различным категориям граждан. Для России не менее важен также аспект внешней миграции населения. В последние десятилетия наблюдается отток креативного и образованного населения России в другие страны с одновременной устойчивой тенденцией замещения коренного российского населения мигрантами, прежде всего трудовыми, из постсоветских государств. В отдельных регионах и городах это уже становится значимым фактором развития, прежде всего экономического. В этом заинтересован прежде всего бизнес, а также муниципалитеты. В то же время, учитывая отличие культур, традиции многодетности внешних мигрантов, это приводит и к модификации демографической структуры населения, появлению факторов демографических рисков и в целом к снижению демографической устойчивости. Примером является современная Европа. С учетом миграции сильно разнятся модели демографически устойчивого развития для различных стран, народов и даже различных регионов одной страны. Поэтому демографический аспект внешней трудовой миграции очевиден, неслучайно в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. ставятся задачи «оптимизации потоков трудовой миграции исходя из потребностей национальной экономики» и «содействие эффективной занятости населения и мобильности трудовых ресурсов». Их реализация будет способствовать совмещению демографической устойчивости на сегодняшний день с демографической устойчивостью будущей России как России.

Таким образом, в целом демографическая ситуация в России далека от устойчивости и действительно вызывает тревогу, в том числе и по причине сложности в этих условиях достижения других компонентов устойчивости. Положительными моментами являются растущее осознание в обществе, руководстве страны демографической проблемы и соответственно принятие ряда законодательных актов по обеспечению демографической устойчивости (Указ Президента от 09 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», национальный проект «Демография», 2024 г.). А важнейшим критерием демографической устойчивости является здоровье населения.

Ноосферное решение проблемы демографической устойчивости для России означает повышение роли сознательного и разумного начала в деятельности человека, общества и государства, включая разработку модели демографически устойчивого развития страны, обеспечивающей расширенное воспроизводство населения, с учетом региональной специфики, устойчивый рост качества населения, сокращение бедности и неравенства, формирование здорового образа жизни, обеспечение устойчивой демографической пропорциональности между регионами и этносами, а также самосовершенствование и сознательное самоограничение разумными потребностями. Механизм такой модели включает государственное регулирование, рыночное саморегулирование, механизм гражданского общества при определяющей роли государства. Российская модель демографически устойчивого развития не может быть ориентирована на рост населения преимущественно за счет миграции, поскольку неконтролируемый миграционный поток ставит под угрозу российскую идентичность, духовные основы российского мира и соответственно демографическую устойчивость.

Экономический аспект проблемы устойчивого развития наиболее исследован, хотя и в этой области имеется немало вопросов. Наиболее часто экономическую устойчивость трактуют как непрерывный экономический рост, что не согласуется с базовыми постулатами экономической теории применительно к рыночной капиталистической экономике, доказанными и сформулированными К. Марксом, а также теорией о циклическом развитии, больших и малых экономических циклах, которые затрагивают не только собственно экономическую деятельность, темпы экономического роста, занятость, безработицу, доходы, расходы, накопление и потребление, инвестиции, цены на товары и услуги, кредиты и вклады, но и оказывают существенное влияние на все сферы жизни общества, включая политику, войны, глобальные и локальные ка-

таклизмы. Поэтому необходим дискретный подход, учитывающий реальность, когда рассматриваем экономическую устойчивость. Устойчивость и неустойчивость в экономике сменяют друг друга аналогично природным циклам, и проблема состоит не в том, чтобы «отменить» эти циклы, а познать закономерности устойчивости и неустойчивости, выявить их механизмы и в соответствии с этим знанием строить свою практическую (экономическую) деятельность.

Другим не менее дискуссионным вопросом экономической устойчивости является разделение понятий «экономический рост», «экономический прогресс» и собственно «экономическая устойчивость». В литературе нередко экономический рост и экономический прогресс фактически отождествляются. Экономический рост означает превышение объема созданного продукта в стоимостном выражении по сравнению с предыдущим периодом. Но если инфляция превышает темпы экономического роста, то фактически будет наблюдаться не рост, а сокращение производства товаров и услуг. За цифрами экономического роста могут скрываться фактическое сокращение стоимости и даже деградация, т. е. не прогресс, а регресс. В то же самое время сам экономический прогресс не всегда совпадает с экономическим ростом: критерием являются факторы экономического роста, которые были реализованы в ходе развития экономической системы. Экономический рост за счет экстенсивных факторов, увеличения занятых, увеличения вовлекаемого в производство сырья при сокращении производительности труда не может трактоваться как экономический прогресс. В отдельные периоды, в условиях различных кризисов и неопределенности, такое может быть в реальности на какой-то короткий период времени и даже может быть оправдано. В любом случае это не прогресс. Экономический прогресс — это качественное развитие всей экономической системы и ее элементов, всей совокупности производительных сил и производственных отношений, тогда как экономический рост — лишь один из возможных критерииев экономического прогресса. И экономический прогресс, и экономический рост могут быть устойчивыми и неустойчивыми — проблема состоит в создании условий для их устойчивости.

Далее, если с техническим прогрессом многое понятно, это совершенствование и поступательное развитие всей технико-технологической цепочки в направлении «ручной труд — машинное производство — автоматизированный труд — роботизация и искусственный интеллект», то с экономическим прогрессом и экономической устойчивостью все намного сложнее. Экономический прогресс связан не только с комбинацией факторов производства, но и со способом их соединения,

т. е. способом производства, включая отношения собственности. Поэтому необходимо выделять проблемы глобальной экономической устойчивости и устойчивости на локальном, национальном уровне. Хотя глобальная устойчивость складывается из устойчивости национальных экономик, ее регулирование и управление возможны только в рамках существующего мирового экономического порядка. В настоящее время многие экономисты и политические лидеры говорят о необходимости кардинального пересмотра мирового экономического порядка, поскольку он был сконструирован в пользу устойчивости одних («передовых» стран и наций) за счет неустойчивости остальных. Новый мировой экономический порядок должен быть многополярным вследствие появления новых мировых центров экономического роста и прогресса. Более того, главным очагом экономической неустойчивости являются как раз доминирующие по инерции развитые страны — Западная Европа, США, Япония, где наблюдаются самые низкие темпы экономического роста или даже рецессия. Все это грозит еще большей глобальной неустойчивостью. Поэтому предлагается в рамках ООН согласовать усилия по преодолению нынешнего финансового кризиса и соблюдению международных экономических соглашений. Но даже при достижении этих поставленных задач проблема достижения глобальной экономической устойчивости кардинально не будет решена. И не может быть решена. Поскольку устойчивость и неустойчивость — это две стороны одного и того же процесса — экономического развития.

Ноосферное решение проблемы экономической устойчивости и экономического прогресса связано не только и не столько с необходимостью реализации многополярности. Решение это, в первую очередь, связано с повышением роли сознательного начала на всех уровнях экономической системы. Это важно. Но ноосферное решение проблемы экономической устойчивости связано в то же время с необходимостью изменения базовых институтов и общей модели общественного развития.

Речь идет о собственности и способе производства. Представляется, что начавшаяся эпоха экономических и финансовых кризисов и катаклизмов, политической и экономической неустойчивости обусловлена классическим противоречием — между производительными силами и производственными отношениями. Речь о том, что способ производства, отношения собственности, которые, с одной стороны, обеспечивают со средоточение в руках немногих огромных ресурсов и богатств и в аспекте глобальной устойчивости во многом используются неэффективно, а с другой — оставляют значительное большинство стран и народов на обочине прогресса, необходимо кардинально менять. Обострение глобальных проблем — это отражение анахронизма, слишком медленного

реформирования базовых отношений, прежде всего отношений собственности. В этой связи нельзя не согласиться с Н. Моисеевым: «Мы живем не только в эпоху заката PAX AMERIKANA, но и той рыночной системы, которая установилась в последние десятилетия XX века» [7, 11].

Нобелевский лауреат по экономике 2001 г. Дж. Стиглиц полагает, что появится некая форма «прогрессивного» капитализма, который преодолеет крайности рыночного капитализма и обеспечит решение проблемы экономического неравенства. Такие прогнозы высказывались еще 30 лет назад, но с тех пор в смысле неравенства мало что изменилось. По-прежнему колоссальные состояния сосредоточены в руках немногих, олигархии, это касается и России, а в межстрановом отношении — в странах «золотого миллиарда». Удел остальных — экономическое выживание, иногда в буквальном смысле выживание физическое. Все это не добавляет устойчивости мировой экономической системе, и потенциал неустойчивости возрастает.

Таким образом, ноосферный подход к решению проблемы устойчивого экономического развития получает и политическую окраску, поскольку от принятой модели устройства общества во многом зависит устойчивость и социально-экономическая, и социально-политическая. Но остаются и вопросы. Что означает сфера разума применительно к экономической и социально-политической модели устойчивого развития? Что означает ноосферное решение проблемы модели развития? Очевидно, без сравнительного анализа интересов различных социальных групп современного общества, интересов различных стран и народов не обойтись, поскольку то, что для одних является необходимым и разумным, для других не столь уж и разумно. А для третьих это является совершенно неразумным. Согласовать разнородные интересы членов общества, личные, частные, коллективные с интересами общества в целом, а на мировой арене между государствами означает во многом обеспечить устойчивость.

Существуют различные идеиные подходы к решению проблемы согласования, если не гармонизации, интересов общества и обеспечения устойчивого развития. Наиболее разработаны теоретически и прошли апробацию огромной исторической практикой либерализм и социализм. Эти две во многом отличающиеся, но и сопрягающиеся идеологии и концепции развития общества на определенных этапах своей практики обеспечили прогресс и устойчивое развитие экономики и общества, хотя формы и методы были во многом различными. XX в. — это расцвет рыночной идеологии и социалистического строительства. Но к концу века наметились в их практиках явные кризисные процессы. Отсюда поиски

новых решений, обновление старых концепций: неолиберализм, прогрессивный капитализм, посткапитализм, рыночный социализм, социализм с человеческим лицом, теории конвергенции и др. И во всех этих концепциях базовое место занимает идея управления сложными процессами в обществе, *идея управления социоприродной эволюцией*.

Ярким представителем модели ноосферного социализма является А.И. Субетто, у которого немало сторонников: «В XXI веке коммунизм как разрешение противоречия между человеком и природой и как “подлинная” и значит — управляемая история обретает новое “измерение” — измерение “ноосферного коммунизма”, а на первом этапе — “ноосферного социализма” в виде управляемой социоприродной эволюции (то есть истории ноосферы) на базе общественного интеллекта и научно-образовательного общества» [13, 15]. Идея ноосферного социализма как единственная возможность гармонизировать отношения природы и общества, обеспечить устойчивое развитие и сохранение человека как вида может быть принята как базовая, выработанная всей предыдущей историей человека. Но как решать сейчас нарастающие проблемы неустойчивости в современном мире, как согласовать интересы различных людей, сообществ, наций, государств, этносов? Как вплотить ноосферные идеи в практические решения по спасению и самосохранению? Одними благами пожеланиями, повторяя «ноосфера» как манту, проблему неустойчивости не решить. Очевидно, необходимы какие-то переходные этапы к ноосферному устройству общества и ноосферному решению проблемы устойчивости. Современный мир вступил в эпоху крайней неустойчивости. Глобальные количественные изменения во второй половине XX в. в XXI в. перерастают в качественные. Динамично, взрывообразно меняется политическая, демографическая и экономическая картина мира, формируются новые центры силы и роста, в целом можно говорить о глобальной турбулентности и глобальной нестабильности [4].

В конце первой четверти XXI в. «всемирное гармоничное рыночное хозяйство», которое якобы увязывает интересы всех, — это уже абстракция, которая разбивается о реальность, особенно новую реальность. Господствующая рыночно-капиталистическая модель неизбежно приводит к противоречиям, их обострению, особенно в связи с борьбой за ограниченные ресурсы, насаждением одной-единственной, «правильной» модели построения общества и экономики, направлением де факто жизнедеятельности всех «по правилам». На себе эту гармоничность хорошо прочувствовала Россия, в 1990-е гг. включившись в рискованный эксперимент под названием «свободный рынок», который якобы все от-

регулирует и решит все наши проблемы — экономическую устойчивость, социально-экономическую гармонизацию, политические свободы, права человека, рост благосостояния. Результат известен. Россия по своим природно-климатическим и geopolитическим особенностям не вписывается в эту устаревшую схему. И не только Россия.

События 2025 г. на Ближнем Востоке отбрасывают всякие иллюзии о том, как эта видимая гармония и устойчивость насаждаются, как согласуются с демократией и другими базовыми ценностями современного общества. «Сильный всегда прав» — это новая (старая) установка современного мира. И это не случайность, не зигзаг истории, не парадокс. В закамуфлированной форме *реализуется единственная модель выживания и устойчивости в этом неустойчивом мире: авторитаризм, если не тоталитаризм!* Это и есть ответ вызовам нового века, своеобразная ступень к ноосферному обществу. Раньше других это понял и сформулировал Н. Мойсеев: «Возникновение нового тоталитаризма мне представляется естественным развитием, неизбежным этапом того исторического процесса, который нами хорошо изучен. И этот новый тоталитаризм будет носить общепланетарный характер. Это будет тоталитаризм совершенно нового типа» [8, 447]. Аргументов о реальности (и необходимости?) перехода к тоталитарной (авторитарной) системе управления социоприродной эволюцией предостаточно. И это не отступление от «столбовой дороги» человечества. Что касается непосредственно России, то невозможно не согласиться с Ю.М. Осиповым: необходимо «*неделенное перестроение России с движением ее к самой себе, что невозможно уже сделать не то что без мобилизации (воли, мозгов, ресурсов, мощностей), но и без, увы, конструктивной диктатуры и волевого страной, ее социумом, ее хозяйством, ее экономикой, даже ее культурой управления (разностороннего неодирижизма)!*» [10, 304].

Тоталитаризм в различных его формах — это и есть современный этап реализации потенциала ноосфера, обеспечения определенной устойчивости и самосохранения на глобальном, национальном и локальном уровнях. Это новое — хорошо забытое старое: в кризисные периоды развития всегда усиливаются авторитарные и тоталитарные тенденции, а мы сегодня переживаем глубочайший и всеохватывающий кризис развития человека. *Ноосферный тоталитаризм*, осознанное принуждение человека и управление обществом — таков путь к самоорганизованному на основе научного знания, разумному ноосферному обществу и ноосферному решению проблемы устойчивости. Это не альтернатива: или ноосферное общество, или планетарный тоталитаризм. В новой реаль-

ности тоталитарное общество — это путь движения к ноосферному обществу. Особо следует сказать о *цифровом тоталитаризме*. Множество исследований свидетельствуют, что электронный контроль за всеми проявлениями жизнедеятельности человека стремительно нарастает, человек оказывается в своеобразном аквариуме, когда каждая твоя минута, секунда просматривается, отслеживается, фиксируется и когда многие твои действия, поступки направляются независимо от твоей воли и твоего сознания. Это новый вид тоталитаризма, превосходящий все предыдущее. В таком обществе нет демократии, в таком обществе, когда за тебя все решается, она человеку, видимо, и не нужна.

В то же время, как ни парадоксально это звучит, внешняя оболочка такого общества — демократия. Поэтому можно говорить и о демократическом тоталитаризме. *Демократический тоталитаризм* — это не абсурд и не новомодное изобретение. Это та реальность, в которой мы уже живем, но по инерции еще надеемся, что это временное отступление от базовых ценностей рыночной экономики и рыночного общества. А устойчивость и неустойчивость в таком обществе — это не различные периоды развития, это одновременное состояние и экономики, и политической системы в каждый данный момент. Для общества демократического тоталитаризма характерны мобилизационная экономика, внутренняя всеобщая мобилизация и самомобилизация всех членов общества. В той или иной степени это проявляется в различных современных государствах мира (в отличие от распространенного мнения прежде всего не в некоторых странах третьего мира, а в наиболее развитых государствах — в США, странах Западной Европы, Японии, Китае). Неслучайно появились такие понятия, как «глубинное государство», «мировое теневое правительство», «клуб миллиардеров», «информационный концлагерь», что подразумевает управление миром, экономикой, демографией, ресурсами из единого центра силы и власти, включая и аспект устойчивости. Из богатой истории интеллектуального достижения человечества известны и радикальный коммунизм с ликвидацией частнособственнического духа (Платон), и легизм с жесткой системой государственного принуждения (Шан Ян), и просвещенный авторитаризм (Декарт), и разнообразный многовековой практический, иногда трагический опыт достижения устойчивости и гармонии, так что новое — это в новой редакции старое человеческой истории.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод: решение глобальных проблем и устойчивое развитие возможны только на базе ноосферной методологии. Это значит, что при исследовании различных проблем общества, экономики, человека приоритетом является человек разум-

ный. И те или иные выводы в научных исследованиях должны рассматриваться через призму существования и безопасного развития человека разумного.

И в этой связи одна ремарка. Человек разумный — как его опознать? Научно-образовательное общество, о котором говорит А. Субетто, — сильный аргумент, что в таком обществе водятся люди разумные. Но не гарантия, что такое общество при определенных обстоятельствах не возглавит человек неразумный. Поэтому ноосферное решение проблем устойчивого развития упирается в конечном счете в человека, о котором мало что науке известно. Развитие, самосовершенствование, социализация, повышение интеллекта, адаптация к изменяющемуся миру — все так. Но неизвестно, как будет поступать этот человек завтра.

Литература

1. Аганбегян А.Г. О катастрофическом увеличении смертности и мерах по сбережению народа в России // Экономические стратегии. 2021. № 4—6.
2. Вернадский В.И. Биохимические очерки. М.; Л., 1940.
3. Губанов С.С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. Сер. Сверхдержава. М.: Книжный мир, 2012.
4. Гузев М.М. Россия в эпоху глобальной турбулентности: Сборник статей. Волж. фил. Федер. гос. авт. образоват. учреждения высш. образования «Волгогр. гос. ун-т». Волгоград: Сфера, 2024. 152 с.
5. Гузев М.М. Экономические проблемы и механизм экологически устойчивого развития: Монография. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1997.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. С. 13. (Классическая мысль).
7. Муисеев Н.Н. Агония России: есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора // Зеленый мир. 1996. № 12.
8. Муисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998.
9. Осипов Ю.М. Перемены в мире и провидчески-державный курс России // Философия хозяйства. 2012. № 5.
10. Осипов Ю.М. Российское перепутье: из века двадцатого в век двадцать первый. 1990—2023: избранные тексты, включая остросюжетные: В 3 т. Т. 2. М.; Тамбов: Изд-во Моск. ун-та; Издательский дом «Державинский», 2024.

11. Речь Владимира Путина на ПМЭФ-2025: полная стенограмма обращения президента: URL: <https://www.kp.ru/daily/27715.5/5103445/> (дата обращения: 01.10.2025).

12. Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года // Федеральная служба государственной статистики: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709?print=1> (дата обращения: 01.11.2023).

13. *Субетто А.И.* Прорыв в новую эпоху: научно-философский очерк / Под науч. ред. А.В. Воронцова. СПб.: Астерион, 2017.

References

1. *Aganbegyan A.G.* O katastroficheskom uvelichenii smertnosti i merah po sberezheniyu naroda v Rossii // Ekonomicheskie strategii. 2021. № 4—6.
2. *Vernadskij V.I.* Biohimicheskie ocherki. M.; L., 1940.
3. *Gubanov S.S.* Derzhavnyj proryv. Neoindustrializaciya Rossii i vertikal'naya integraciya. Ser. Sverhderzhava. M.: Knizhnyj mir, 2012.
4. *Guzev M.M.* Rossiya v epohu global'noj turbulentnosti: Sbornik statej / Volzh. fil. Feder. gos. avt. obrazovat. uchrezhdeniya vyssh. obrazovaniya «Volgogr. gos. un-t». Volgograd: Sfera, 2024. 152 s.
5. *Guzev M.M.* Ekonomicheskie problemy i mekhanizm ekologicheski ustojchivogo razvitiya: Monografiya. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, 1997.
6. *Gumilev L.N.* Etnogenez i biosfera Zemli. M.: AST, 2001. (Klassicheskaya mysl').
7. *Moiseev N.N.* Agoniya Rossii: est' li u nee budushchee? Popytka sistemychnogo analiza problemy vybora // Zelenyj mir. 1996. № 12.
8. *Moiseev N.N.* Rasstavanie s prostotoj. M.: Agraf, 1998.
9. *Osipov YU.M.* Peremeny v mire i prvidcheski-derzhavnyj kurs Rossii // Filosofiya hozyajstva. 2012. № 5.
10. *Osipov YU.M.* Rossijskoe pereput'e: iz veka dvadcatogo v vek dvadcat' pervyj. 1990—2023: izbrannye teksty, vklyuchaya ostrosyuzhetnye: V 3 t. T. 2. M.; Tambov: Izd-vo Mosk. un-ta; Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2024.
11. Rech' Vladimira Putina na PMEF-2025: polnaya steno-gramma obrashcheniya prezidenta: URL: <https://www.kp.ru/daily/27715.5/5103445/> (data obrashcheniya: 01.10.2025).
12. Rosstat opublikoval demograficheskij prognoz do 2046 goda // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709?print=1>

<https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709?print=1> (data obrazcheniya: 01.11.2023).

13. *Subetto A.I. Proryv v novuyu epohu: nauchno-filosofskij ocherk /* Pod nauch. red. A.V. Voroncova. SPb.: Aste-rion, 2017.

М.Ю. ПАВЛОВ

**Проблема супервыравнивания и ограниченность
искусственного интеллекта: «живая» математика
и «черные лебеди»***

Аннотация. В статье представлена гипотеза, противопоставляющая традиционную, «мертвую» математику, основанную на неизменных константах и детерминированных операциях, новой парадигме — «живой» математике. Автор выдвигает тезис о том, что классический математический аппарат недостаточен для описания сложных, динамичных и нелинейных процессов, характерных для живых систем, биогеоценозов, экономики и социальных явлений. В качестве теоретических предпосылок «живой» математики рассматриваются принцип неопределенности Гейзенberга, парадоксы квантовой механики, а также разработки в области философии хозяйства.

Центральная часть работы посвящена подробному представлению 12 фундаментальных принципов «живой математики», которые включают режим реального времени, изменчивость, нелинейность, экспоненциальный рост, дискретность, антиэнтропийность, уникальность, неопределенность и др. Каждый принцип иллюстрируется примерами из физики, истории, экономики и повседневной жизни, демонстрируя, почему прогнозы, основанные на «мертвых» вычислениях, часто терпят неудачу, игнорируя возможность «черных лебедей». Статья призвана обосновать необходимость развития нового математического аппарата,

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов М.Ю. Проблема супервыравнивания и ограниченность искусственного интеллекта: «живая» математика и «черные лебеди» // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 83—94. DOI: 10.5281/zenodo.17780492.

способного адекватно описывать сложность и непредсказуемость реального мира.

Ключевые слова: искусственный интеллект, креативность, энтропия, живая математика, «черный лебедь».

Abstract. This paper develops a hypothesis that contrasts traditional, «dead» mathematics, based on immutable constants and deterministic operations, with a new paradigm — «living» mathematics. The author posits that classical mathematical apparatus is insufficient for describing the complex, dynamic, and nonlinear processes characteristic of living systems, biogeocenoses, economics, and social phenomena. The theoretical prerequisites for «living» mathematics are considered to be Heisenberg's uncertainty principle, the paradoxes of quantum mechanics, as well as developments in the philosophy of economy.

The central part of the work is dedicated to a detailed presentation of the twelve fundamental principles of «living mathematics», which include real-time mode, variability, nonlinearity, exponential growth, discreteness, anti-entropy, uniqueness, uncertainty, and others. Each principle is illustrated with examples from physics, history, economics, and everyday life, demonstrating why predictions based on «dead» computations often fail, ignoring the possibility of «black swans». The article aims to substantiate the necessity of developing a new mathematical apparatus capable of adequately describing the complexity and unpredictability of the real world.

Keywords: artificial intelligence, creativity, entropy, living mathematics, «black swan».

УДК 004.8
ББК 65в

Как нами уже отмечалось в моей статье «Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математического моделирования и живой математики» [5], «территория» современного искусственного интеллекта (далее — ИИ) ограничивается вечной и неизменной математикой, которую правильно назвать «мертвой». Она и в самом деле омертвленная, застывшая, неподвижная. Например, в ней $1 + 1$ всегда будет равно 2. Другие операции с другими числами также всегда дадут одинаковые результаты. Именно так математику обычно преподают в школах и вузах. Школьники и студенты должны уметь находить одинаковые ответы, решая одинаковые, типовые задачи.

Сразу отметим, что даже в школьной программе констатируется, что, помимо «мертвой» математики, есть и «живая» математика, которая не раскрывается, не познается, ее законы неведомы, но она присутствует в виде слагаемого — неизвестной, неопределенной константы, которая обозначается как С и практически всегда присутствует в операциях интегрирования — при вычислении первообразных.

Тема «живой» математики — это одна из самых малоизученных в современной науке, но чрезвычайно значимых для реальной жизни тем. «Живая» математика типична для живых организмов, сообществ организмов, биогеоценозов — для живых систем.

Когда ньютоновская механика завоевала место господствующей парадигмы, появилась смелая идея: на основе изучения механических взаимодействий вычислить положение различных объектов на любой момент времени — как в самом начале возникновения Вселенной (если это начало вообще есть и если можно считать Большой взрыв исходным моментом Вселенной), так и в любой момент ее существования. Но эйнштейновская парадигма — теория относительности, само название которой опровергает механистичность принципов¹⁴, поставила задачи, решить которые, возможно, сможет именно «живая математика»¹⁵.

¹⁴ Напомним, что механизм — это устройство, части которого могут перемещаться только в определенных направлениях. Например, зубчатое колесо может вращаться по часовой или против часовой стрелки, но не может вращаться, как шар. Степеней свободы у деталей механизма может быть или больше, или меньше, например, храповик позволяет зубчатому колесу вращаться только в одном направлении, а не в двух. Но в любом случае степени свободы у деталей механизма строго заданы. Если же степеней свободы становится больше, чем задумано конструкторами, механизм может перестать выполнять свои функции. Как пример — воры вскрывают замки, с помощью специальных отмычек придавая механизмам замков дополнительную степень свободы там, где ее, по замыслу конструкторов, не должно быть. Так замок перестает выполнять свою функцию — защищать от тех, кто не имеет ключа.

Точно так же и ньютоновская механика перестает «работать» там, где появляется дополнительная степень свободы, которая не учтена в ее формулах. В частности, принцип неопределенности Гейзенberга как раз и придает те самые дополнительные степени свободы.

¹⁵ Четыре фундаментальные силы природы, лежащие в основе физических законов: гравитация, слабое взаимодействие, электромагнитная, сильное взаимодействие.

Современная теоретическая база «живой» математики крайне скучна — пожалуй, физика с ее принципом неопределенности Гейзенберга и парадоксом Шредингера (известным как «кот Шредингера») намного дальше продвинулись в данном вопросе, а философия хозяйства, связанная прежде всего с именами С.Н. Булгакова и Ю.М. Осипова [4], не только поставила целый ряд вопросов «живой» математики, но и продвинулась в их решении.

Можно сформулировать ряд основополагающих принципов математики живых систем.

1. Режим реального времени.
2. Изменчивость, подвижность.
3. Цикличность, периодичность.
4. Нелинейность.
5. Экспоненциальный характер роста.
6. Дискретность.
7. Антиэнтропийность.
8. Уникальность.
9. Неопределенность (и свобода воли).
10. Целостность.
11. Выраженные различия между вероятностями и возможностями.
12. Относительность измерения.

Постараемся раскрыть свое видение (в рамках данной статьи — совсем кратко) того, что означают эти принципы и в чем их отличие от принципов «мертвой математики».

1. *Режим реального времени.* Имеет очень важное прикладное значение: если важный момент упущен, дальше можно уже вообще никуда не спешить. Точнее, спешить необходимо, но с совсем другими действиями — действиями за рамками ситуации, обычно — чрезвычайными действиями. Соответственно, критически важное значение имеет время самих вычислений. Для экономики это имеет несколько неожиданное выражение: если, к примеру, весь имеющийся в наличии товар продан другому покупателю (возможно, не по оптимальной цене, а на основе эмоционального торга), уже можно не спешить с расчетами ценовой дискриминации, предельной полезности товара, нахождением оптимальных решений логистики и т. п.

2. Изменчивость, подвижность. Вся живая природа находится в движении. Даже наша планета Земля с огромной скоростью летит в пространстве.

Г. Гегель сформулировал следующий принцип: «Что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно» [2, 53]. Даже когда кажется, что человек — отчаянный лентяй и не делает ничего, на самом деле он, как минимум, путешествует со скоростью примерно 362 км/с на огромном космическом корабле под названием «Земля», а также в высшей степени деятелен на клеточном уровне, при этом критически важные органы (в частности, сердце, легкие) в норме не прекращают своей работы в течение всей жизни, а если и случается аномалия в виде их остановки, это не может длиться дольше нескольких минут.

Исходя из принципа изменчивости, подвижности, чтобы «успеть» за живыми системами, надо считать, как минимум, на один шаг вперед, а еще лучше — *на много шагов вперед*.

3. Цикличность, периодичность. Во многом это связано с предыдущим принципом изменчивости. Изменчивость частично (а иногда и полностью) может подчиняться циклической закономерности. Цикличность — это различные циклы, ритмы. Различные фазы цикла были известны людям с глубокой древности и нашли отражение даже в Библии — в книге Экклезиаст.

Гениальное открытие Д.И. Менделеева — периодическая система химических элементов — также основана на периодичности.

Теория менеджмента, которая нередко приближается намного ближе к «живой» математике, чем экономическая теория, выделяет различные циклы, в частности так называемый «жизненный цикл продукта».

Социолог Э. Тоффлер, долгое время работавший над концепцией прогресса в истории, в итоге представил историю человечества в виде трех волн, причем третья волна во многом повторяла первую [8].

4. Нелинейность. В природе практически нет прямых линий. Закономерности, которые кажутся подчиняющимися линейным функциям, на самом деле можно лишь приближенно считать линейными.

Главный вывод из этого — даже те закономерности, которые казались линейными, в какой-то момент настолько далеко расходятся с ли-

нейной функцией, что она перестает объяснять их поведение. Для чересчур увлекающихся линейными функциями¹⁶ «мертвой» математики такие события кажутся «черными лебедями» [7].

5. *Экспоненциальный характер роста.* В книге Римского клуба «Пределы роста: 30 лет спустя» [3, 50—51] приводится такой пример: предположим, что у нас есть пруд, в который попала кувшинка. И каждый день число кувшинок удваивается. За месяц (30 дней) кувшинки затянут всю поверхность пруда, при этом уничтожив все другие формы жизни. На какой день кувшинки затянут половину поверхности пруда? На 29-й!

Если поднимать тревогу, когда кувшинки затянут четверть поверхности пруда, у нас останется всего 2 дня из 30, чтобы успеть принять меры. И даже если быть особенно предусмотрительными и бить тревогу, когда кувшинки затянут лишь 10% поверхности, несложно посчитать, что останется всего 3 дня на принятие мер!

Хорошая иллюстрация экспоненциального роста — цепная реакция. Аварии на АЭС показали, что даже лучшие разработки управляющих систем, причем спроектированных целыми институтами, не сумели не допустить цепной реакции.

6. *Дискретность.* В какие-то моменты происходят разрывы функций. Нередко даже тех, которые кажутся самыми устойчивыми. Так, например, историкам хорошо известно утверждение Николая II «Дом Романовых 300 лет стоял и еще минимум 300 лет стоять будет!», написанное в ответ на предостережение главы Государственной Думы Родзянко. Казалось бы, что может быть прочнее, чем царский режим? Однако вскоре после этого утверждения Николай II сам же отрекается от престола, и люди, которые точно так же, как и он, могли предположить что угодно, любое развитие России, но считали систему самодержавия незыблемой, были глубочайшим образом потрясены. Прошло менее столетия, и большевики, забыв этот урок истории, «наступили на те же грабли» — даже сам глава СССР, генеральный секретарь ЦК КПСС

¹⁶ «Линейность» мышления тесно связана еще и с неправильным представлением кривой нормального распределения — «кривой Гаусса», учитывающей только значения с более или менее высокими вероятностями и отбрасывающей из рассмотрения «поля шляпы» Гаусса. Это приводит, к примеру, к тому, что люди искренне изумляются очень редким феноменам типа отрицательной цены на нефть. См. также пункт 11 данной статьи.

М.С. Горбачев никак не мог себе представить, что Советский Союз может прекратить свое существование.

Парадоксально, но люди более склонны верить в конец всего: конец Света, последнюю ядерную войну, Армагеддон и т. п., но при этом не верить в возможность конца одного отдельно взятого политического режима, корпорации, другой организации. Почему-то даже в возможность ухода «McDonalds» из России не верили очень многие люди.

Дискретность особенно важна для понимания рождения/смерти: как в любой момент может наступить конец одной эпохи, но точно так же может и родиться новый человек, новая эпоха. (В 1980-х гг. живя летом на даче без телефона, и это было ужасно неудобно, особенно родителям для работы и больным бабушкам и дедушкам. Телефоны тогда были лишь у «избранных», и мы даже мечтать не могли попасть в это число. Теперь у каждого есть минимум один личный телефон...).

7. *Антиэнтропийность.* Обычно с течением времени энтропийность (т.е. неупорядоченность) либо нарастает, либо остается постоянной. И только у живого есть уникальное свойство — уменьшать энтропийность, повышать упорядоченность. Таким образом, могут образовываться новые объекты, новые структуры, которые усложняют расчеты.

К сожалению, человечество активно увеличивает энтропийность военными действиями, бездумным разрушением, бездумным потребительством, оборотная сторона которого — нарастающее количество мусора [10].

Сегодня разумности, антиэнтропийности мощно противостоит нарастание хаоса, энтропийности в самых различных системах.

8. *Уникальность.* Живые объекты — это обычно в той или иной степени уникальные объекты, которые, как правило, имеют хотя бы минимальные отличия друг от друга. При этом важно установить, имеют ли эти отличия принципиальное значение или нет. Об этом нередко забывают. Но в «живой» математике принципиально важно, что с чем можно складывать. К примеру, если сложить кошку и мышку ($1 + 1$), мы, наилучше вероятно, получим не двоих, а всего лишь одного зверя, правда, сытого. А если сложить кошку с котом, зверей, очень возможно, будет не два, а несколько больше (появятся котята) [5].

Принцип уникальности очень хорошо отражен в китайской мудрости «В одну и ту же реку нельзя войти дважды», что применительно к «живой» математике означает: одни и те же вычисления в разные моменты будут давать разные результаты.

9. *Неопределенность.* В отличие от «мертвых» чисел (вечных и неизменных), «живые» числа могут меняться, причем меняться непредсказуемо. Диалектику предсказуемого и непредсказуемого очень хорошо выразил И.Р. Пригожин: движение (развитие) системы детерминировано до так называемой «точки бифуркации», а в точке бифуркации возможны изменения, носящие вероятностный характер [6]. Именно в точках бифуркации возможны проявления свободы воли.

10. *Целостность.* В живом мире наблюдается очень высокая степень взаимосвязанности и взаимозависимости (принцип «Крыла бабочки»). Живое находится в очень сложном равновесии с многими системами. Нарушение этого равновесия может привести к непредсказуемым последствиям, поэтому необходимы повышенная внимательность, осмотрительность и осторожность — в сравнении с действиями с «мертвыми» системами.

11. *Выраженные различия между вероятностями и возможностями.* Это нашло отражение во фразе «Возможно все». Вероятность может быть равна практически нулю. А возможность может быть при этом ненулевой и даже весьма высокой. Несбывшиеся прогнозы многих экспертов как раз и были основаны на учете вероятностей, а не возможностей. Например, вероятность уничтожения СССР как государства была практической нулевой, поскольку развитая экономика, очень мощные военная и идеологическая машины, богатые природные ресурсы и высокий человеческий потенциал позволяли выдержать даже самые сильные возможные удары, в том числе и ядерный. Однако ученые давно предупреждали о возможности ликвидации СССР, в частности, Л.Д. Троцкий в книге «Преданная революция» [9]. Подобные невероятные события аналитики с ограниченным кругозором также называют «черными лебедями», но на самом деле эти события вполне прогнозируемые, прежде всего благодаря анализу возможностей, а не только вероятностей. Вероятность катастрофы на Чернобыльской АЭС была одна авария раз в миллион лет. Однако еще при проектировании наиболее компетентные эксперты, исходя именно из оценки возможностей, высказали особое мнение, которое было проигнорировано. К чести лиц, принимающих решения на высшем уровне, великие сибирские реки не удалось принудительно повернуть на юг, поскольку нашлись эксперты, предупредившие о возможности крайне негативных событий. Одним из таких экспертов был М.Я. Лемешев.

12. *Относительность измерения.* Современная наука учитывает относительность измерения в так называемых «мягких измерениях» и «мягких вычислениях», входящих в раздел нечеткой логики.

Главный вопрос, на который призваны ответить «мягкие измерения», — это вопрос «Много или мало?». В зависимости от ситуации и учитываемых параметров одно и то же число может иметь разные значения. Покажем это на примере. Предположим, принимаются решения об управлении экономикой в части нормирования материалов. Допустим, речь идет об одном грамме золота. Если этот грамм берут для изготовления одного смартфона, это явно много, даже слишком много. Если это обручальное кольцо, одного грамма, напротив, слишком мало. Если же это очень тонкое сусальное золото, которое используется для покрытия поверхностей барельефов, скульптур (в частности, для реставрации главной фигуры центрального каскада фонтанов Петергофа — Самсона — потребовался без малого килограмм), из одного грамма можно сделать «книжку», насчитывающую порядка 60 листов такого золота. Для подобной «книжки» это будет или нормально, или «мало», поскольку «книжка», в зависимости от стандарта, весит от 1 до 2,5 граммов. Если же речь идет об эквиваленте в пересчете на каждого человека в золотовалютных резервах Центрального банка, требующихся для массовых выплат, это будет не очень много для каждого человека, но много для бюджета, если такие выплаты будут носить массовый характер. По использованию одного грамма золота на разных уровнях — на уровнях домохозяйства, фирмы, государства — возможны дискуссии с самыми разными оценками — много это или мало.

Интересно, что, когда алюминий впервые был получен в достаточных объемах для мелкосерийного производства изделий, Наполеон III заказал для себя, свиты и наиболее почетных гостей столовые приборы из алюминия. Приглашенные на пир, которым достались менее статусные приборы из золота и серебра, с грустью смотрели на обладателей роскошных алюминиевых приборов [1, 33—34].

Экономическая теория лишь подступается к относительности измерения. С одной стороны, в ней есть предельный анализ, который и позволяет понять, насколько относительной, насколько различной может быть полезность одного и того же товара. Хотя для объяснения закономерностей изменения полезностей придумано множество теорий — центральными из них являются кардиналистская и ординалистская, — все равно относительность полезности позволяет сравнить полезность

различных товаров больше умозрительно, чем в реальности. К примеру, летом рациональный потребитель, идя по улице, принимает решение о покупке лимонада. Ему жарко, и хочется пить. Он оценивает свою потребность как 3 бутылки лимонада. Заходит в супермаркет. В супермаркете холод: слишком сильно работает кондиционер. И идет дегустация новой минеральной воды. А одного взгляда на прогноз погоды в смартфоне достаточно, чтобы понять, что завтра резко похолодает. И тот же самый потребитель принимает другое решение — купить не три, а всего одну бутылку.

Парадоксально, но изголодавшийся бродяга, нашедший большое красивое яблоко, испытывает те же эмоции, что и богач, купивший «Роллс-Ройс» (согласно А.П. Ситникову). Дело в том, что человек оценивает свою удовлетворенность прежде всего по относительной шкале, на которой исходная точка отсчета — нулевая, начало его личных координат — это привычная именно для него жизнь, или же жизнь, которую человек считает «свою»¹⁷. И любое снижение этого уровня воспринимается как негатив, а повышение — как позитив. Этот принцип хорошо освоили политики и различного рода политтехнологи: когда, к примеру, неизбежно ухудшение уровня потребления по одному из параметров, допустим, на 5%, намного лучше сразу же снизить его на существенно большую величину, допустим, на 10 процентных пунктов, а затем последовательно повышать по одному процентному пункту — субъективно это будет восприниматься как улучшение жизни, а не как ухудшение. Конечно, здесь есть и сложности: такое большое падение само по себе может быть весьма деструктивным и дестабилизировать ситуацию, а в

¹⁷ К сожалению, образцами для сравнения в современном мире становятся образы из чужой жизни, взятые из социальных сетей или из других сегментов интернета. К примеру, девушки видят, как другие девушки демонстрируют дорогие, а иногда и очень дорогие подарки (флагманские модели смартфонов, автомобили, бриллианты, роскошные путешествия, огромные букеты из сотен цветков и т. п.), полученные от мужчин. На этом фоне одна роза, которую способен подарить простой парень, способный стать идеальным мужем для этой девушки, воспринимается практически как дешевка, даже как оскорбление. В результате девушки смотрят на один сверхдорогой подарок, приходящийся на миллион, а то и десятки, сотни миллионов намного более дешевых подарков. Очевидно, что только одна из миллионов девушек получит этот подарок, а все остальные останутся в «проигрыше», переживая это как личную неудачу.

случае, если снижение упрется в абсолютные пределы (например, возникнет выраженное физиологическое недопотребление — дефицит), оно может быть и фатальным.

Еще один интересный эффект — ожидания. Экономическая теория, в частности, содержит теорию адаптивных ожиданий.

Принцип относительности измерения, к примеру, использует такая практическая дисциплина, как нейромаркетинг.

«Существующее сегодня математическое моделирование имеет дело с неизменными, неподвижными, “мертвыми” величинами, которые всегда будут оставаться одними и теми же. Даже ИИ, основанный на так называемых “мягких” измерениях и вычислениях, способен лишь выявить больше взаимосвязей и на их основе определить наибольшие вероятности наступления тех или иных событий. Все эконометрические модели замкнуты сами на себя. Они не способны выйти за пределы своего же собственного множества. “Живая” математика, в отличие от традиционного математического моделирования, способна выходить за эти пределы. Это — главная способность человека, выделяющая его из остального мира, — способность к творчеству, креативной деятельности, созданию принципиально нового. И эта способность совершенно недоступна ИИ, который “умеет” лишь рекомбинировать существующее» [5, 48]¹⁸.

Литература

1. Венецкий С.И. Рассказы о металлах. М.: МИСИС, Издательский дом «Руда и металлы», 205. 432 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. Медоуз Д.Х. Пределы роста: 30 лет спустя // Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. / Пер. с англ. Е.С. Оганесян; под ред. Н.П. Тарасовой. 2-е изд. М. : БИНОМ, Лаборатория знаний, 2014.
4. Осипов Ю.М. Иное достояние: Собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софиасофии: В 3 т. Т. 1. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2025.
5. Павлов М.Ю. Эссе о перспективах искусственного интеллекта, математического моделирования и живой математики // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 37—48. DOI: 10.5281/zenodo.15424077.

¹⁸ Будем весьма признательны читателям за помощь в развитии концепции «живой» математики, за любые материалы по данной теме!

6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
7. Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2024. 704 с.
8. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2004.
9. Троцкий Л.Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идет? М.: НИИ Культуры, 1991.
10. Шулевский Н.Б., Зотова Е.С. Мир человека в тисках техногенеза // Философия хозяйства. 2021. № 5. С. 178—192.

References

1. Veneckij S.I. Rasskazy o metallah. М.: MISIS, Izdatel'skij dom «Ruda i metally», 205. 432 s.
2. Geigel' G.V.F. Filosofiya prava. М.: Mysl', 1990.
3. Medouz D.H. Predely rosta: 30 let spustya // Medouz D.H., Randers Й., Medouz D.L. / Per. s angl. E.S. Oganesyan; pod red. N.P. Tarasovoї. 2-e izd. M. : BINOM, Laboratoriya znaniï, 2014.
4. Osipov YU.M. Inoe dostoyanie: Sobranie preventivnyh tekstov ot politekonomii k filosofii hozyajstva, ot sofiologii k sofiasofii: V 3 t. T. 1. M.; Tambov, 2025.
5. Pavlov M.YU. Esse o perspektivah iskusstvennogo intellekta, matematicheskogo modelirovaniya i zhivoj matematiki // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 3. S. 37—48. DOI: 10.5281/zenodo.15424077.
6. Prigozhin I., Stengers I. Poryadok iz haosa: Novyj dialog cheloveka s prirodoj. М.: Progress, 1986. 432 s.
7. Taleb N.N. CHernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti. М.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2024. 704 s.
8. Toffler E. Tret'ya volna. М.: Izd-vo ACT, 2004.
9. Trockij L.D. Predannaya revolyuciya: chto takoe SSSR i kuda on idet? М.: NII Kul'tury, 1991.
10. SHulevskij N.B., Zotova E.S. Mir cheloveka v tiskah tekhnogeneza // Filosofiya hozyajstva. 2021. № 5. S. 178—192.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

**Современные аспекты комплементарности
человека и ИИ***

Аннотация. Актуальность темы комплементарности человека и искусственного интеллекта (ИИ) сегодня невозможно переоценить, поскольку технологии ИИ прочно вошли в повседневную жизнь и профессиональную деятельность, диктуя построение новой хозяйственной модели и оказывая колossalное воздействие на современных людей. На мировом уровне в передовых странах в области дигитализации наблюдается тенденция к постоянному совершенствованию экосистемы с нейросетевыми технологиями и, соответственно, стремительному возрастанию рисков и ответственности за функционирование модели «человек — генеративный ИИ».

Ключевые слова: цифровизация, комплементарность, искусственный интеллект, экосистема, нейросетевые технологии, генеративный ИИ, человеческий потенциал.

Abstract. The relevance of the topic of complementarity between humans and artificial intelligence (AI) cannot be overstated today, as AI technologies have become ingrained in people's daily lives and professional activities, dictating the construction of a new economic model and having a colossal impact on modern workers. Globally, in countries leading the digitalization curve, there is a trend toward the constant improvement of the ecosystem using neural network technologies and, correspondingly, a rapid increase in the risks and responsibilities associated with the functioning of the «human-generative AI» model.

Keywords: digitalization, complementarity, artificial intelligence, ecosystem, neural network technologies, generative AI, human potential.

УДК 004.8
ББК 65в

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. Современные аспекты комплементарности человека и ИИ // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 95—99. DOI: 10.5281/zenodo.17780501.

В России шесть лет назад был принят специальный указ, посвященный проблеме развития ИИ в кратчайшие сроки и утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», которая предусматривала специальную политику в отношении расширения исследований в сфере ИИ, гарантированного получения информационных ресурсов интернет-пользователями, подготовки соответствующих кадров [4].

Действительно, технологии ИИ, включая генеративный ИИ, прочно вошли в повседневную жизнь, особенно в информационно-коммуникационной и потребительской сферах, и в различную профессиональную деятельность, например: финансы, медицину, образование и т. д., — диктуя построение цифровой хозяйственной модели с преобразованной организацией труда, создавая платформенную занятость и оказывая колоссальное воздействие на современных людей. Однако необходимо помнить, что в мировом масштабе в передовых странах в области дигитализации наблюдается тенденция к постоянному пересмотру экосистемы с нейросетевыми технологиями и, соответственно, стремительному возрастанию рисков и ответственности за функционирование новых моделей «человек — ИИ», или «человек — генеративный ИИ». Наряду с совершенствованием системы контроля возможных рисков при использовании ИИ, решить проблему управления технологическими рисками и ответственности за возможные ошибки и дезинформацию, которая в том числе зачастую дублируется массовыми соцсетями и заражает социум, сегодня пока, к большому сожалению, не удается ни одной стране мира, а прогнозы специалистов в этой области остаются достаточно туманными [2, 87].

За прошедшие годы мир под воздействием последних достижений научно-технического прогресса настолько изменился, что профессор Ю.М. Осипов, анализируя современную реальность, справедливо предлагает следующую характеристику: «Хозяйственный мир избавляется ныне от экономической составляющей с ее финансовым навершием, переходя в какое-то иное состояние, а обеспечивает сей переход не что иное, как *техногенереволюция*, превращая пока еще социальное хозяйство в *техногенеренное*, подводя его в лишенную не только стоимости и экономики, но и социальности с человечностью, не говоря о природности, *обыкновенную, асоциальную, нечеловеческую и неприродную технокомуку...*» [3, 676]. С таким определением невозможно не согласиться, поскольку в действительности происходит определенное смешение экономических категорий и закономерностей, а также все чаще наблюдается «перерождение» и самого человека. ИИ проникает в повседневную людскую жизнь совершенно незримо и распространяется все

масштабнее, но у многих людей это почему-то вызывает определенную тревогу. Подобное ощущение испытываешь, когда смотришь на картину Альфреда Сислея «Белый иней в день Св. Мартина»: белые мазки кистью на полотне еле-еле заметны, а от картины веет настоящим холодом.

Если менее двадцати лет назад научные аналитики рассуждали о проведении исследовательской работы по созданию ИИ, то сегодня в международных публикациях все чаще пишут о комплементарности человека и ИИ [5; 6]. Человечество уже живет в социальных сетях, повседневно использует инструменты ИИ, вызывая у одних пользователей восторг, а у других — страх и опасения, потому что «эти инструменты с вызывающими воспоминания названиями (Gemini, Claude, Grok, Perplexity...) генерируют тексты, изображения, звуки или видео, пытаясь тысячами архивов всех форматов (и все более доступных в цифровую эпоху), которые они “плюют” в своих ответах на наши запросы на вероятностной основе» [6, 46]. В печати часто прослеживается мысль, что использование технологий ИИ способствует развитию у человека таких важных навыков, как нахождение требуемой информации, анализ статистических данных, принятие верных вариантов решения любой проблемы и т. д. Однако есть совершенно противоположные наблюдения, особенно характерные для подрастающего поколения, а именно: отсутствие желания изучать печатные информационные носители, например школьные учебники и пособия; «обнищание» разговорного языка при общении; примитивизация речи и неспособность аргументированно выражать свои идеи; доминирование фрагментарного мышления; снижение или отсутствие логики. Хотя такие сведения не популярны для оглашения, но педагоги бьют тревогу, видя, как происходит стирание грани между естественным и искусственным интеллектами, когда учащиеся решают задачи и выполняют задания, исключительно обращаясь к ИИ или генеративному ИИ, например к ChatGPT. Может быть, у нового поколения детей и подростков уже развивается «гибридное» мышление, которое все больше зависит от ИИ? Более того, французские философы сегодня уже ставят вопрос о «цифровом двойнике» человека, когда усложняются процессы личностного самовосприятия и самооценки [6, 49]. Большие языковые модели находят все большее применение среди пользователей, но кто гарантирует их качество и легитимность?!

Персонификация ответственности все более усложняется, поскольку все чаще ложится как на непосредственных разработчиков нейросетевых технологий, так и на пользователей последними. В данной области наиболее заметные успехи достигли страны Европейского союза, где уже много лет ведется серьезная работа по созданию специального закона «AI Act» о возможных рисках работы ИИ и последующей

ответственности за них, а одна из крупнейших международных организаций со штаб-квартирой в Париже UNESCO ориентируется в своей деятельности на разработку этических норм безопасного для человека применения технологий ИИ, делая при этом акцент на защиту прав пользователей. Но в других регионах мира в то же самое время текущее совершенствование юридической базы с разработкой и принятием новых нормативных актов в этой сфере пока заметно отстает от высокой скорости внедрения ИИ, что, как правило, порождает различные правовые вопросы и, как следствие, приводит к разнообразным нравственно-этическим размышлению.

С ростом распространения ИИ цифровое неравенство, о котором мы неоднократно писали в предыдущих публикациях, по всей видимости, будет только усиливаться как на микроуровне, так и в региональных масштабах [1, 153]. В первую очередь, это связано с недоступностью или недоразвитостью цифровой инфраструктуры. Значимую роль в этой проблеме играет наличие соответствующего человеческого потенциала с возможностью специализированной подготовки кадров цифрового профиля с последующей профессиональной переподготовкой и коррекцией в сфере применения нейро-сетевых технологий. По большому счету эта проблема связана с возможностью достижения и удержания высокого уровня развития образования в стране. Так, расходы на образование в США 2022 г. в два раза превышали аналогичный показатель в Китае: 1414,78 млрд долл. и 719,5 млрд долл. соответственно. В Европе лидирующее место по инвестициям в образовательную сферу занимает Германия (189,21 млрд долл.), а среди стран-членов БРИКС, помимо Китая, значительное финансирование в данной области осуществляют Индия (138,17 млрд долл.). В России данный показатель, согласно зарубежным статистическим данным, составлял 91,86 млрд долл. [7]. Принимая во внимание, что ранее наша страна была одним из научно-технических лидеров в мире, а отечественное образование для этого обеспечивало первоклассную подготовку специалистов, хочется надеяться, что Россия удержит соответствующие позиции в современном процессе цифровизации с обеспечением человекоцентричного принципа дальнейшего развития.

В заключение хотелось бы предположить, что, по всей видимости, в скором социотехнологическом будущем, наряду с главными экономическими показателями, уровень функционирования модели «человек — ИИ» может стать определяющим критерием успешной работы отдельной компании или, в глобальном смысле, высокоэффективной экономики.

Литература

1. *Дитце И.П., Недзвецкая Н.П.* Гибридный мир: реальность и ориентиры // Цифровизация и бытие: Коллективная монография / Под ред. Ю.М. Осипова и др. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. С. 149—159.
2. *Недзвецкая Н.П.* Особенности развития цифрового социума посредством распространения социальных сетей // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 80—87. DOI: 10.5281/zenodo.15698225.
3. *Осипов Ю.М.* Иное достояние: собрание превентивных текстов от политэкономии к философии хозяйства, от софиологии к софии-софии: В 3 т. Т. 3. М.; Тамбов: Издат. дом «Державинский», 2025. 678 с.
4. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 «О развитии искусственного интеллекта в РФ»: URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/> (дата обращения: 04.10.2025).
5. *Vaccaro M., Almaatouq A., Malone T.* When combinations of humans and AI are useful: A systematic review and meta-analysis // Nat Hum Behav 8. 2024: URL: <https://doi.org/10.1038/s41562-024-02024-1> (дата обращения: 01.09.2025).
6. *Legros M.* L'IA, Comment l'apprivoiser? // Philosophie Magazine. 2025. № 192. P. 45—47.
7. *Trading Economics.* United States — Public Spending on Education: URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/public-spending-on-education-total-percent-of-gdp-wb-data.html> (дата обращения: 12.10.2025).

References

1. *Ditce I.P., Nedzveckaya N.P.* Gibridnyj mir: real'nost' i orientiry // Cifrovizaciya i bytie: Kollektivnaya monografiya / Pod red. YU.M. Osipova i dr. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2021. С. 149—159.
2. *Nedzveckaya N.P.* Osobennosti razvitiya cifrovogo soci-uma posredstvom rasprostraneniya social'nyh setej // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 4. S. 80—87. DOI: 10.5281/zenodo.15698225.
3. *Osipov YU.M.* Inoe dostoyanie: sobranie preventivnyh tekstov ot politekonomii k filosofii hozyastva, ot sofiologii k sofiasofii: V 3 t. T.3 // M.; Tambov: Izdat. dom «Derzhavinskij», 2025. 678 s.
4. Указ Президента РФ № 490 от 10.10.2019 «О развитии искусственного интеллекта в РФ»: URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/> (дата обращения: 04.10.2025).

||

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

А.В. КУЗНЕЦОВ

О кризисе англосаксонской модели глобального управления*

Аннотация. Современное мировое хозяйство находится под императивным влиянием рыночного фундаментализма, служащего причиной многочисленных дисбалансов глобального развития. Цели статьи — выявление особенностей кризиса и обоснование необходимости реформирования системы глобального управления, основанной на англосаксонских институтах. Проанализирована роль англосаксонского фактора в формировании современного мирового экономического порядка. Показаны некоторые социальные последствия воспроизведения англосаксонской модели в планетарном масштабе. Приводятся показатели, характеризующие растущую социальную поляризацию в странах англосаксонского ядра мировой экономики — Великобритании и США. Обсуждается необходимость переосмыслиения понятия «стоимость» в современной экономической теории. Установлены причины пробуксовки разработки более совершенной модели глобального мироустройства. На примерах японской и европейской моделей хозяйства обоснована роль финансового сектора как основного канала, ослабляющего потенциал развития альтернативных социально-экономических систем. Приводятся принципиальные различия между советской и англосаксонской системами управления народным хозяйством. В заключение автор приходит к выводу, что пассивное принятие социумом безальтернативности англосаксонских институтов в существующей системе глобального управления несет риски полного социального вырождения.

Ключевые слова: глобализация, неолиберализм, кейнсианство, деньги, экономическая наука, модели хозяйства, цивилизация, система ценностей.

Abstract. The modern global economy is under the imperative influence of market fundamentalism, which is the cause of numerous imbalances in global development. The purpose of this article is to identify the characteristics of the crisis and substantiate the need to reform the global governance system based on Anglo-Saxon institutions. The role of the Anglo-Saxon factor

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. О кризисе англосаксонской модели глобального управления // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 103—115. DOI: 10.5281/zenodo.17780525.

in the formation of the modern global economic order is analyzed. Some social consequences of the reproduction of the Anglo-Saxon model on a global scale are shown. Indicators characterizing the growing social polarization in the countries of the Anglo-Saxon core of the global economy — Great Britain and the United States — are presented. The need to rethink the concept of «value» in modern economic theory is discussed. The reasons for the stalled development of a more advanced model of global world order are identified. Using examples of the Japanese and European economic models, the role of the financial sector as the main channel weakening the potential for the development of alternative socio-economic systems is substantiated. Fundamental differences between the Soviet and Anglo-Saxon systems of national economic management are highlighted. In conclusion, the author comes to the conclusion that passive acceptance by society of the lack of alternative to Anglo-Saxon institutions in the existing system of global governance carries the risk of complete social degeneration.

Keywords: globalization, neoliberalism, Keynesianism, money, economics, economic models, civilization, value system.

УДК 330.8
ББК 65в. 65.5

Введение

Современная модель глобального управления была впервые институционализирована в 1944 г. на Бреттон-Вудской конференции совместными усилиями США и Великобритании [6]. Именно тогда возникла система многосторонних международных институтов (МВФ, МБРР — позднее Всемирный банк, ГATT¹ — позднее ВТО) для регулирования международного движения товаров, услуг и капиталов в логике унифицированных правил построения глобального рынка с единой мировой валютой (которой, по сути, стал обеспеченный золотом доллар США). Считается, что основная заслуга в формировании глобального экономического альянса принадлежит американцам, обеспечившим, благодаря своему военному потенциалу, международную безопасность в сфере мировой торговли [2]. В реальности же интеллектуальную ношу по построению послевоенного мирового порядка вынес британский макроэкономист Дж.М. Кейнс, американцы же только скопировали его идеи и от собственного имени продвинули их в систему международных отношений (что само по себе было необычайно сложно сделать) [14]. Однако

¹ Фактически генеральное соглашение по тарифам и торговле заключено в 1947 г.

после распада Бреттон-Вудской системы США и Великобритания отклонились от кейнсианского курса глобальной макроэкономической стабилизации и сделали ставку на извлечение краткосрочных микроэкономических выгод из процессов глобализации, полностью отказавшись от государственного контроля над международным движением частных капиталов, значительная масса которых не связана с реальными экономическими процессами и имеет исключительно спекулятивный характер [13].

В настоящее время утрата эффективности и авторитета институтов глобального управления подтверждается ростом эпидемических, климатических, энергетических, продовольственных и геополитических рисков. Отключение ведущих российских банков от международной системы передачи финансовых сообщений и замораживание российских резервных активов с угрозами их дальнейшей конфискации изменяют геополитику международных платежей и имеют далеко идущие последствия для доллара США как ключевой резервной валюты и средства международных расчетов. Введение финансовых санкций со стороны основных стран — эмитентов резервных валют — привело к увеличению доли резервов центральных банков, хранящихся в золоте, за которым еще со времен Дж.М. Кейнса закрепилось клише «варварского пережитка».

Аналитики склонны связывать текущий сбой системы глобального управления с американо-китайским торговым противостоянием, вооруженным конфликтом на Украине и появлением криптовалют. Однако, на наш взгляд, все это является следствием, первопричину же глобального хаоса следует искать в кризисе англосаксонской модели глобального управления, допустившим слияние государственной регуляторной машины с реализацией частных корпоративных бизнес-интересов. Как отмечает Т. Пикетти, главное противоречие современного капитализма как способа общественного воспроизводства заключается в значительном опережении темпов роста глобального капитала темпами роста ВВП [12].

Глобальный кризис как кризис экономической науки

Кризис англосаксонской модели глобального управления приводит к остановке развития, падению благосостояния и вооруженным конфликтам в наименее защищенных и зависимых от мировой экономики регионах. Так, по данным ООН, в 2024 г. предполагаемое число людей, живущих в крайней нищете (692 млн), приблизилось к допандемическому уровню. Во всем мире почти миллиард человек (15% населения мира) живут между чертой крайней бедности, составляющей 2,15 —

3,65 долл. США в день. Еще больше людей (почти 1,9 млрд) живут между 3,65 и 6,85 долл. США в день. В целом, почти половина населения мира, включая значительное большинство населения Южной Азии и стран Африки к югу от Сахары, живет ниже уровня экономического благосостояния, который в ряде стран с уровнем дохода выше среднего считался бы бедностью [19].

Наиболее разительным представляется социальный кризис в Великобритании и США. Соединенное Королевство одним из последних среди развитых индустриальных стран приняло закон о минимальной заработной плате, обнаживший колоссальный разрыв доходов между богатыми и бедными. Так, по количеству миллиардеров Британия (150) опережает Германию (141), Швейцарию (116), Францию (72) [15]. В то же самое время 14,3 млн человек (21% населения Великобритании) живет в бедности, включая 8,1 млн трудоспособных взрослых, 4,3 млн детей и 1,9 млн пенсионеров [16].

При этом только 6% британских школьников получают системное образование, посещая частные школы, стоимость обучения в которых достигает 40 000 ф. ст. в год. Около 20% населения не владеют основами грамматики и арифметики [9]. Свыше 97% населения Великобритании имеют банковские счета, но каждый десятый житель не имеет никаких сбережений [10].

Социальная дифференциация постоянно усиливается также в США. Если в 1987 г. на 0,1% самых богатых людей Америки приходилось 8,7% национального дохода, то в 2024 г. — уже 13,6% [18]. В 2025 г. состояние предпринимателя Илона Маска составило 342 млрд долл., что в 117 478 раза превысило средний уровень богатства в американских домохозяйствах. Увеличивается разрыв в зарплатах топ-менеджеров и работников. Так, размер среднегодовой заработной платы генеральных директоров в американских корпорациях в среднем более чем в 290 раз превышает средний уровень зарплат производственных и вспомогательных рабочих, занятых в этих корпорациях (в 1960 г. это соотношение составляло 20 раз) [7]. В США 42 млн человек, или 12,5% населения, получают пособия по Программе дополнительной продовольственной помощи, широко известные как продовольственные талоны. В 2022 г. размер соответствующих выплат составил 120 млрд долл. — это больше чем четверть от размера уплаты американского корпоративного налога.

Итак, с тех пор как деньги стали делать деньги, исказилось их главное предназначение — служение в качестве всеобщего эквивалента стоимости. Сегодня стоимость денежных суррогатов многократно пре-

вышает стоимость традиционных денег. По данным Федеральной резервной системы США, по состоянию на июль 2025 г. в мире в обращении находилось 5,7 трлн наличных долларов [17]. При этом капитализация мирового рынка акций и облигаций составляла 270 трлн долл. (2024 г.), номинальная стоимость внебиржевых производных финансовых инструментов — 720 трлн долл. (2024 г.) [11], а ежегодный объем торговли деривативами оценивался в 2,5 квадриллиона долларов (10^{15}), что в 440 раз больше объема глобальной наличности! Следовательно, деньги больше не выступают всеобщим эквивалентом стоимости, а служат инструментом демонстрации социального превосходства, или, вернее сказать, социальной деградации.

Действительно, какая такая добавленная стоимость создается звездами шоу-бизнеса, инвестиционными брокерами и олигархами, оплата «труда» которых в тысячи, десятки, сотни тысяч раз превосходит вознаграждение труда во всех других сферах деятельности общества?

Заслуга Английской школы политэкономии в том, что ее представители ввели терминологию, упорядочили и описали теорию денег. При этом свою роль сыграли мировое распространение английского языка, английское право и традиционное английское имиджмейкерство. Справедливости ради надо отметить, что оригинальные труды английских политэкономов воспринимаются довольно неоднозначно. Это дает возможность предположить, что оригинальные мысли классиков обрели свою «завершенность» лишь на более поздних этапах, когда уже в разжеванной и доходчивой форме были донесены до миллионов читателей через учебники и специальную литературу, которые сегодня выступают основным источником нашего понимания сущности денег. Однако со временем написания «Общей теории занятости, процента и денег» никаких принципиально новых понятий в экономических дисциплинах практически не возникло. Использование математических методов позволило делать прогнозы с большой долей вероятности, но сами эконометрические модели строятся на основе базовых переменных, не изменившихся за последнее три четверти века. Основной продукт гения Дж.М. Кейнса — инвестиционный мультипликатор — был взят на вооружение современным инвестиционным бэнкингом, который пренебрежил соблюдением правила денежного мультипликатора, ограничивающего рост денежного предложения величиной резервных активов. Проложив интеллектуальную колею для развития современного инвестиционного бизнеса, Дж.М. Кейнс, очевидно сам того не осознавая, способствовал тому, чтобы деньги из средства превратились в цель, по ходу разрушая основу экономической теории и экономической науки как таковой. Таким образом, со второй половины XX в. экономическая наука

постепенно стала утрачивать свою социальную функцию, а в начале XXI в. окончательно вошла в интеллектуальный ступор. Как отмечают В.Д. Базилевич и В.В. Ильин, «экономизм стал базовым средством иска-
жения социума, его познания и самой экономики» [1].

Альтернативные модели управления

Разбалансировка мировой экономической системы актуализиро-
вала необходимость перехода к модели глобального управления, альтер-
нативной рыночному фундаментализму. Однако на площадках ведущих
консультативных форумов развивающихся стран — «Группы двадцати»
и БРИКС — до сих пор не было достигнуто какой-либо концептуальной
определенности относительно направления реформ неолиберальной ан-
глосаксонской модели, повсеместное применение которой привело к си-
стемному кризису глобального мирового хозяйства. Малоэффективное
сочетание неолиберальных и неокейнсианских подходов в рамках анти-
кризисных программ засвидетельствовало лишь одно: без балансирую-
щего социалистического крыла модель капиталистического лайнера яв-
ляется неподъемной.

Однако разработка более совершенной модели планетарного раз-
вития пробуждается в связи с тем, что потенциал альтернативных си-
стем хозяйствования значительно ослаблен вследствие их нахождения
под мощным влиянием англосаксонской модели капитализма.

Так, модель коллективистски ориентированного общества Япо-
нии (коммунитаристский капитализм) потерпела крах в начале 1990-х гг.
Тогда цены на недвижимость и акции, которые были искусственно раз-
дуты, резко снизились. Акции японских компаний потеряли в цене около
5 трлн долл., что соответствовало размерам ВВП Японии за два года. Для
восстановления пикового значения фондового индекса «Никкей» (38 957
пунктов), зафиксированного 29 декабря 1989 г., Японии потребовалось
почти 35 лет.

Сегодня стремление Японии сохранить приверженность долго-
срочному планированию и полной занятости достигается чрезвычайно
высокой ценой — за счет увеличения долговой нагрузки страны и пере-
кладывания современных финансовых проблем на плечи будущих поко-
лений. Проблемы Японии заключаются также и в чрезмерной ориента-
ции ее внешнеэкономической стратегии на рынки, которые традиционно
исповедуют противоположные японским корпоративные принципы.
В данной связи попытки Японии решить текущие внутренние проблемы
за счет увеличения долгов являются поучительными для тех стран, ко-
торые, преследуя стратегии опережающего развития в условиях совре-
менного глобального рыночного хозяйства, не уделяют достаточного

внимания соответствующему повышению внутреннего платежеспособного спроса, развитию национального финансового рынка, а также налаживанию постоянных региональных торговых связей, которые базируются на коммунитарных и добрососедских отношениях [3].

Потерпела крах также и европейская континентальная модель хозяйства. В преддверии введения евро будущие члены Европейского экономического и валютного союза (ЭВС) должны были сгладить расхождения в макроэкономических показателях, в частности в уровнях инфляции и процентных ставок, чтобы облегчить Европейскому центральному банку (ЕЦБ) задачу проведения единой монетарной политики. При этом на вооружение был взят режим таргетирования инфляции, заставивший будущих членов еврозоны привести национальные ценовые показатели к уровню наиболее стабильной страны ЕС — Германии. Однако неспособность технократического ЕЦБ переключиться на решение финансовых проблем стран — членов ЭВС во время кризиса 2008—2009 гг. вынудила страны еврозоны решать свое финансовые проблемы на частных рынках капитала Лондона и Нью-Йорка, а также обращаться за финансовой помощью к МВФ. Для преодоления этой зависимости страны ЕС должны создать единый рынок собственных финансовых ресурсов [8]. Между тем подобные намерения всегда противоречили планам Великобритании, которая с самого начала объединения Европы создавала многочисленные препятствия на пути наднациональной европейской интеграции.

Так, в 1950 г. британское лейбористское правительство отказалось от участия в «плане Шумана» по созданию наднационального Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). Находящиеся в оппозиции консерваторы тут же разработали «план Макмиллана—Экклза» (при негласном согласии У. Черчилля), по которому предполагалось превратить ЕОУС из наднациональной в межправительственную организацию, что означало бы сохранение политических и экономических суверенитетов за странами-участницами [5].

Впоследствии Соединенное Королевство отказалось от подписания договора с «шестеркой» основателей ЕЭС о Европейском оборонительном сообществе (1950 г.); от участия в переговорах об учреждении «Общего рынка» — таможенного союза ЕЭС (1956 г.); от вступления в Шенгенскую зону (1985 г.); от подписания Хартии Содружества про основные социальные права трудящихся (1989 г.); от применения директивы 2003/88/ЕС о рабочем времени, ограничивающей максимальную продолжительность рабочей недели 48 часами (2003 г.). В 1999 г. Британия отказалась от введения общей европейской валюты евро. И, наконец, в 2020 г. окончательно вышла из состава европейского объединения.

Мотивация Британии в плане противодействия институциональному объединению Европы вполне понятна. Ведь именно эта страна в лице У. Черчилля побудила разрозненных Второй мировойвойной европейских лидеров к интеграции под лозунгом о создании Соединенных Штатов Европы в противовес быстрому развитию Америки. Тем самым крупный британский империалистический капитал стремился монополизировать европейское экономическое пространство [4]. Эти планы во многом оказались успешными. Ведь создавшей крупнейший общий рынок с единой валютой Европе так и не удалось сформировать собственную систему транснациональных банков, бирж, аудиторских и юридических компаний, рейтинговых агентств и международных эталонов цен, независимую от ангlosаксонских финансовых институтов.

Опыт СССР

Советскую модель глобального управления можно считать успешной уже только по той причине, что она являла собой полную противоположность ангlosаксонской модели. Если ангlosаксонская модель основывалась на социальном неравенстве и эксплуатации большинства меньшинством за счет высасывание ресурсов из периферии в пользу центра, то в советской модели, напротив, центр (меньшинство) выступал донором ресурсов для периферии (большинства).

В СССР не было нищих, бездомных и безработных вследствие всеобщего доступа к разветвленной системе соцобеспечения, сопоставимой с той, которой на Западе пользуется только избранное элитное меньшинство.

Западному человеку это сложно понять и принять. Для этого нужно было не только родиться и вырасти в условиях реального социализма, но и ощутить невосполнимую потерю всего набора ценностей советской системы после ее окончательного разрыва, в частности:

- отсутствия частной собственности на средства производства как главного источника сеяния раздора, социальной отчужденности, несправедливости, углубления имущественной дифференциации населения и всеобщей подсознательной неудовлетворенности;
- определения общественной значимости человека по его трудовому вкладу в созидаельную общественную работу, при одновременной минимизации роли денег как источника благополучия и ценностного ориентира;

- бесплатного, всеобщего, элитарного, ориентированного на получение практических навыков образования с обязательным трудоустройством выпускников по специальности после окончания учебы, качественных аналогов которому не существует в мире до сих пор;
- всеобщей бесплатной медицины с возможностью приема у врача-специалиста в день записи, а не по спискам ожидания;
- бесплатной (социальной) индивидуальной жилплощади; при нынешних ценах на жилье большая часть трудоспособного населения постсоветского пространства лишена возможности при жизни приобрести дом или квартиру за счет обеспеченных законом заработка внутри страны, не попадая при этом в банковскую ипотечную кабалу;
- ощущения уверенности и спокойствия в завтрашнем дне не только у трудоспособного населения, но и у подрастающего поколения и стариков, в том числе путем демонстрации военной мощи советского государства, его достижений в сферах науки и техники;
- концентрации энергии человека на работе над собой путем пропаганды здорового образа жизни через создание общедоступной инфраструктуры спортивных, оздоровительных, культурно-просветительных комплексов; приверженность идеи узкой специализации в организации западного хозяйственного уклада привела к значительному сужению возможностей для всестороннего развития человека;
- бесплатного и неограниченного частной собственностью пользования дарами природы — лугами, лесами, реками и морями;
- повсеместного возвзвания к самым светлым сторонам человеческого общежития: к бескорыстной взаимовыручке, человеколюбию, состраданию.

Советский Союз был грандиозным актом аскетизма и отречения от разворачивающих душу страстей и пороков, принятие которого не для всех оказалось посильным. И пусть советская модель управления, которая отрицала Бога и функционировала с большими оговорками, была далека от идеального типа модели, однако эта модель ставила перед человеком сверхзадачи развития и совершенствования, наполняла человеческую душу высокими порывами и стремлениями, наследовала идеалы русской цивилизации.

Одной из причин краха советской цивилизации стала созданная в СССР система распределения благ. В этой системе трудовые ресурсы зачастую эксплуатировались без предоставления адекватной компенсации (в первую очередь, это касалось сферы интеллектуального труда — ученых, преподавателей, врачей, инженеров), что не могло не привести к

сбою системы в долгосрочном периоде². Нельзя допустить сегодня повторения этой фатальной ошибки.

Заключение

Сегодня даже невооруженному взгляду представляется очевидным, что конечной целью глобализации (вопреки ожиданиям и устремлениям каких-либо других систем хозяйствования, до недавнего времени рассматриваемых в качестве альтернативы англосаксонской) является достижение тотальной экономической эффективности в планетарных масштабах путем подчинения мира идеологии и ценностям рыночного фундаментализма.

Реализация в глобальных масштабах англосаксонской модели капитализма — коммерциализации социума через матрицу «свободы без ограничений» — с ее «интеллектуальным центром» в Великобритании и «исполнительным механизмом» в США привела к замещению ценностных, смысловых, моральных категорий человеческого бытия искусственными императивами повышения экономической эффективности, сверхъестественного удовлетворения физиологических потребностей и материально-бытового обогащения.

Перед Россией стоит очень сложная задача — разорвать порочный круг, сковывающий созидательную энергию человека. Нужно воссоздать мир, в котором деньги и информация будут подконтрольны человеку, а не наоборот. Однажды у нас это почти получилось. Сегодня необходимо проводить работу над ошибками и снова пробовать восстанавливать утраченные позиции в мире. Все составляющие и опыт для решения этой сверхзадачи имеются. Осталось осуществить самое главное — возродить веру человека в свое высокое божественное предназначение на Земле. Обретение этой веры откроет новые горизонты творческой жизнедеятельности, даст силы и энергию для восстановления социальной справедливости не только на постсоветском пространстве, но и в планетарном масштабе.

Литература

1. Базилевич В.Д., Ильин В.В. Метафизика экономики. 2-е изд., испр. и доп. К.: Знання; М.: Рыбари, 2010.

² В системе рыночного фундаментализма эта эксплуатация завуалирована через применение развитых финансовых механизмов, которые создают иллюзию всеобщего благосостояния, но одновременно в социальном контексте демонстрируют свою сравнительную ограниченность.

2. *Зейхан П.* Конец мира — это только начало: Экономика после краха глобализации. М.: Альпина Паблишер, 2025.
3. *Кузнецов А.В.* Предпосылки и последствия создания гибридной модели хозяйствования в Японии // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 165—186.
4. *Ленин В.И.* О лозунге Соединенные Штаты Европы // Социал-Демократ. 1915. № 44. 23 августа.
5. *Липкин М.А.* Британия в поисках Европы: долгий путь в ЕЭС (1957—1974 гг.). СПб.: Алетейя, 2009.
6. *Темин П., Вайс Д.* Экономика без лидера. Почему рассыпалась мировая экономическая система и как ее собрать. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
7. Aggregated CEO-to-worker compensation ratio for the 350 largest publicly owned companies in the United States from 1965 to 2023: URL: <https://www.statista.com/statistics/261463/ceo-to-worker-compensation-ratio-of-top-firms-in-the-us/> (дата обращения: 24.07.2025).
8. *De Grauwe P.* The Banking Crisis: Causes, Consequences and Remedies // Centre for European Policy Studies. CEPS Policy Brief. № 178. November 2008. 12 p.
9. Many British adults lack basic numeracy and literacy // The Economist: URL: <https://www.economist.com/britain/2022/09/22/many-british-adults-lack-basic-numeracy-and-literacy> (дата обращения: 24.07.2025).
10. More people have bank accounts but one in ten have no cash savings, FCA survey reveals // Financial Conduct Authority: URL: <https://www.fca.org.uk/news/press-releases/more-people-have-bank-accounts-one-ten-have-no-cash-savings> (дата обращения: 24.07.2025).
11. OTC derivatives statistics at end-June 2024: URL: https://www.bis.org/publ/otc_hy2411.htm (дата обращения: 24.07.2025).
12. *Piketty T.* Capital in the Twenty-First Century. Harvard University Press, 2014.
13. *Shaxson N.* The Finance Curse: How Global Finance is Making Us All Poorer. London: The Bodley Head, 2018.
14. *Steil B.* The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2013.
15. The 20 countries with the most billionaires in 2025: URL: <https://www.statista.com/statistics/299513/billionaires-top-countries/> (дата обращения: 24.07.2025).
16. UK Poverty 2025 // JRF: URL: <https://www.jrf.org.uk/uk-poverty-2025-the-essential-guide-to-understanding-poverty-in-the-uk> (дата обращения: 24.07.2025).

17. United States Money Supply M0 // Trading Economics: URL: <https://tradingeconomics.com/united-states/money-supply-m0> (дата обращения: 24.07.2025).

18. Wealth distribution in the United States in the first quarter of 2025: URL: <https://www.statista.com/statistics/203961/wealth-distribution-for-the-us/> (дата обращения: 24.07.2025).

19. World Social Report 2025: A New Policy Consensus to Accelerate Social Progress: URL: <https://desapublications.un.org/publications/world-social-report-2025-new-policy-consensus-accelerate-social-progress> (дата обращения: 24.07.2025).

References

1. *Bazilevich V.D., Il'in V.V.* Metafizika ekonomiki. 2-е изд., испр. и доп. К.: Znannya; М.: Rybari, 2010.
2. *Zejhan P.* Konec mira — eto tol'ko nachalo: Ekonomika posle kraha globalizacii. М.: Al'pina Publisher, 2025.
3. *Kuznecov A.V.* Predposyлki i posledstviya sozdaniya gi-bridnoj modeli hozyajstvovaniya v Yaponii // Filosofiya hozyajstva. 2017. № 5. S. 165—186.
4. *Lenin V.I.* O lozunge Soedinennye Shtaty Evropy // Social-Demokrat. 1915 № 44. 23 avgusta.
5. *Lipkin M.A.* Britaniya v poiskah Evropy: dolgij put' v EES (1957—1974 gg.). SPb.: Aletejya, 2009.
6. *Temin P., Vajns D.* Ekonomika bez lidera. Pochemu rassypalas' mirovaya ekonomicheskaya sistema i kak ee sobrat'. М.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015.
7. Aggregated CEO-to-worker compensation ratio for the 350 largest publicly owned companies in the United States from 1965 to 2023: URL: <https://www.statista.com/statistics/261463/ceo-to-worker-compensation-ratio-of-top-firms-in-the-us/> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
8. *De Grauwe P.* The Banking Crisis: Causes, Consequences and Remedies // Centre for European Policy Studies. CEPS Policy Brief. № 178. November 2008. 12 p.
9. Many British adults lack basic numeracy and literacy // The Economist: URL: <https://www.economist.com/britain/2022/09/22/many-british-adults-lack-basic-numeracy-and-literacy> (data obrashcheniya: 24.07.2025).
10. More people have bank accounts but one in ten have no cash savings, FCA survey reveals // Financial Conduct Authority: URL: <https://www.fca.org.uk/news/press-releases/more-people-have-bank-accounts-one-ten-have-no-cash-savings> (data obrashcheniya: 24.07.2025).

11. OTC derivatives statistics at end-June 2024: URL:
https://www.bis.org/publ/otc_hy2411.htm (data obrashcheniya: 24.07.2025).

О.В. БРИЖАК, А.А. ЕРМОЛЕНКО, О.Н. ТОЛСТОБОКОВ

**Искусственный интеллект в зеркале политической
экономии: новые перспективы технологической основы^{*}**

Аннотация. Искусственный интеллект стремительно входит в жизнь современного общества, преобразуя ее, порождая огромные ожидания и фокусируя на себе внимание исследователей, представляющих различные направления научного поиска. Содержание и формы искусственного интеллекта, его функциональные возможности и способы их реализации только начинают раскрываться, что создает условия для противоречивого переплетения элементов подлинного знания, обрывков изживших себя догм, ошибочных трактовок и завышенных ожиданий в отношении его в современных представлениях об этом новом феномене общественно-хозяйственной жизни. В формировании адекватных представлений об искусственном интеллекте, соответствующих достигнутым уровням развития системы общества и научного процесса, фундаментальную роль призвана сыграть политическая экономия, обладающая возможностями реалистической интерпретации явлений общественно-хозяйственной жизни и углубленного их исследования. В зеркале политической экономии представления об искусственном интеллекте рационализируются и очищаются от излишних наслойений, раскрываются внутреннее строение (анатомия) и действительный функциональный потенциал этого нового феномена. Вместе с тем развернутое исследование искусственного интеллекта предполагает расширение пространства научного поиска и преодоление междисциплинарных границ. В фокусе исследования авторов: искусственный интеллект как экономический феномен; отношения между этим высокоразвитым фактором созидательной деятельности человека и субъектными проявлениями, в которых человек представлен в этой деятельности; превращенные формы указанных отношений; перспективы развития этих отношений в

^{*}Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Брижак О.В., Ермоленко А.А., Толстобоков О.Н. Искусственный интеллект в зеркале политической экономии: новые перспективы технологической основы // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 115—128. DOI: 10.5281/zenodo.17780546.

условиях динамичных и глубоких трансформационных процессов в современном мире; проблема ответственности человека по результатам его глобального взаимодействия с искусственным интеллектом; антисистемы, возникающие в таком взаимодействии. Через призму взаимодействия человека и искусственного интеллекта авторы рассматривают ключевые противоречия современной общественно-хозяйственной жизни, предлагают способы их разрешения. В статье содержатся рекомендации по модернизации государственной политики в области развития искусственного интеллекта. Полученные авторами результаты относятся к одному из новых направлений научно-экономического поиска, что обеспечивает их дискуссионный характер. В исследовании реализованы познавательные возможности ряда современных научных теорий: человеческого капитала, производственной функции, социально-экономических трансформаций, новой реальности и др.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая экономия, субъектные формы, отражение, развитие, человеческий капитал, антисистема.

Abstract. Artificial intelligence is rapidly entering the life of modern society, transforming it and generating huge expectations and focusing the attention of researchers representing various areas of scientific research. The content and forms of artificial intelligence, its functional capabilities and ways of their realization are just beginning to be revealed, which creates conditions for a contradictory interweaving of elements of genuine knowledge, fragments of obsolete dogmas, erroneous interpretations and inflated expectations of it in modern ideas about this new phenomenon of socio-economic life. In the formation of adequate ideas about artificial intelligence corresponding to the achieved levels of development of the system of society and the scientific process, a fundamental role should be played by the political economy, which has the capabilities of realistic interpretation of the phenomena of socio-economic life and in-depth research of them. In the mirror of political economy, ideas about artificial intelligence are rationalized and cleared of unnecessary layers, revealing the internal structure (anatomy) and the actual functional potential of this new phenomenon. At the same time, a comprehensive study of artificial intelligence involves expanding the space of scientific research and overcoming interdisciplinary boundaries. The authors' research focuses on: the nature of economic phenomenon of artificial intelligence; the relationship between this highly developed factor of Human creative activity and those subjective manifestations in which a Person is represented in this activity; the ugly transformed forms of these relationships; prospects for the development of these relations in the context of dynamic and profound transformational processes

in the modern world; the problem of Human responsibility based on the results of his global interaction with artificial intelligence; antisystems arising from such interaction. Through the prism of Human and artificial intelligence interaction, the authors examine the key contradictions of modern socio-economic life and propose ways to resolve them. The article contains recommendations on the modernization of state policy in the field of artificial intelligence development. The results obtained by the authors belong to one of the new directions of scientific and economic research, which ensures their controversial nature. The study implements the cognitive capabilities of a number of modern scientific theories: human capital, production function, socio-economic transformations, new reality, etc.

Keywords: artificial intelligence, political economy, subjective forms, reflection, development, human capital, antisystem.

УДК 330.14
ББК 65

Введение

Искусственный интеллект уже в своих первых проявлениях резко обострил противоречия существующей системы общества и обозначил совершенно новую проблему, которую правомерно определить так: потеря человеком своего интеллектуального превосходства над всем остальным миром, блестящей характеристикой которого стало классическое сравнение пчелы и архитектора. «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил её в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю» [17]. Приступив к созданию систем, наделенных способностью к элементам разумной деятельности, в том числе поиску общего и различий, формированию цепочки взаимосвязанных суждений, самообучению и обучению других, разрешению сложных проблем, человек не только поставил под сомнение свою позицию «венца Творения», но и породил силу, способную последовательно вытеснять его деятельность из многих сфер динамично развивающейся общественно-хозяйственной жизни.

Тонкая оболочка ноосферы, воплотившая результаты эволюции человека и прираставшая в ходе освоения им сил природы [11; 24], с появлением искусственного интеллекта ощущила в себе зарождение качественно нового противоречия, сторонами которого становятся органические духовные силы человека и созданные им неорганические силы неодушевленных систем, отчасти способных действовать разумно. Мысль человека, которая за тысячелетия его развития утвердилась в качестве особой формы энергии, способной изменять материю и регулировать в интересах человека природные процессы, в лице таких неодушевленных систем обрела объект, противостоящий ей и несущий в себе скрытые угрозы доминированию человека в природе. Позитивные ожидания в отношении созидающей мощи, которой обладает мир идей [21], обернулись страхами в отношении «цифровых концлагерей» и материализации легенды о Франкенштейне. Эти и другие общественно значимые и антагонистически заостренные эффекты становления и развития искусственного интеллекта обуславливают фокусирование исследования на глубинных аспектах данного общественного феномена, для чего востребованы возможности политической экономии как «анатомии» системы общества, способной раскрыть указанные аспекты.

Методология

Проблемное поле исследования искусственного интеллекта характеризуется наличием множества несводимых воедино представлений о содержании, формах, эффектах и перспективах развития искусственного интеллекта, а также широкого спектра оценок данного феномена и общественных ожиданий, формируемых в его отношении. В этом поле необходимо выделить две фундаментальные проблемы: полная неопределенность в понимании искусственного интеллекта как научного феномена; смешение различных теоретико-методологических платформ, используемых при попытках определить данный феномен. Указанные проблемы обуславливают следующие методологические ориентиры проводимого исследования:

- во-первых, необходимость использовать в его исходном пункте возможности феноменологического подхода, чтобы определить, к каким именно экономическим явлениям относится искусственный интеллект, а также отсечь множество искусственных, отчужденных от реальности трактовок, препятствующих его научному исследованию; следует отметить поляризацию таких трактовок, сводящих искусственный интеллект либо к универсальному средству решения всех на свете социально-экономических проблем, либо к страшной угрозе дальнейшего существования человека;

- во-вторых, необходимость следовать принципу монизма, т. е. обосновать выбор какой-то определенной теоретико-методологической платформы и придерживаться ее в разработке проблемы.

Выбор искомой платформы определяется, прежде всего, представительностью антиномически заостренных эффектов становления и развития искусственного интеллекта, скрывающей за собой наличие в данном процессе ряда объективных противоречий. Данное обстоятельство обуславливает проведение политico-экономического исследования данного феномена на марксистской теоретико-методологической платформе, т. е. на основе материалистических представлений о нем и в русле диалектического метода, предоставляющего возможности раскрытия объективных противоречий искусственного интеллекта и нахождения способов их рационального разрешения [22].

Динамичная экспансия и трансформация искусственным интеллектом многих сфер общественно-хозяйственной жизни привели к тому, что в них возникли и начали утверждаться многочисленные продукты взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Они обладают различными уровнями зрелости и специфическими механизмами институционального закрепления в системе общества, сформировавшимися в условиях опоры этой системы на отношение власти—собственности, что при исследовании их обуславливает потребность в подкреплении возможностей основного методологического подхода ресурсами институциональной теории [5; 19, 105—107].

Искусственный интеллект как экономический феномен

Феноменологический подход к исследованию предполагает точное установление важнейших характеристик явления. Оценим соответствующие характеристики искусственного интеллекта.

Первая из них состоит в принадлежности искусственного интеллекта к разряду объектных результатов деятельности человека, созданных им в ходе преобразования внешнего мира и воплощающих в себе эффективную комбинацию освоенных человеком сил природы и его собственных сил. Данная характеристика позволяет отнести искусственный интеллект к высокоразвитым орудиям человеческого труда. В этом отношении он вырастает в процессе естественного развития общественного производства и стоит в одном ряду с инструментами ремесла, машинами и компьютерами, но не сводится к ним [7; 25].

Вторая из интересующих нас характеристик заключается в надлении Человеком искусственного интеллекта как объектного результата его деятельности рядом специфически субъектных свойств, т. е. элемен-

тами сознательного характера (способностями к разностороннему восприятию явлений и процессов внешнего мира, анализу данных, полученных в ходе такого восприятия, обобщению некоторых результатов такого анализа и итоговому формированию квазирациональных поведенческих реакций на указанные явления и процессы). Конкретизируя эту характеристику, необходимо отметить, что такой ряд субъектных свойств получает развернутое развитие в цифровой среде современного производства [9]. Вместе с тем он не становится органической субъектной целостностью, присущей исключительно человеку, т. е. не переходит через порог меры, отделяющий самый высокоразвитый искусственный интеллект от самой незамысловатой, но живой человеческой личности [10; 12].

Третья из характеристик исследуемого феномена заключается в развитии его как объекта, наделенного отдельными субъектными свойствами, во взаимодействии с различными субъектными формами самого человека. В таком развитии возникают противоречивые эффекты, одни из которых воспринимаются исключительно позитивно и порождают повышенные общественные ожидания, а другие воспринимаются в алармистском ключе, т. е. как угрозы саморазвитию, свободе и самому существованию человека [16, 189, 457—462; 23]. Следует отметить, что наибольшую продуктивность обретает взаимодействие искусственного интеллекта с продвинутыми субъектными формами человека, опирающимися на высокоразвитые компетенции [6; 14].

Обобщая приведенные оценки, определим искусственный интеллект как экономический феномен. Речь идет о специфически высокоразвитом объектном факторе производства, наделенном отдельными субъектными свойствами, который в цифровой среде получает свое развернутое развитие и вовлекается в высокопродуктивные комбинации с продвинутыми субъектными формами человека. При этом необходимо учитывать объективный порог меры, прочно отделяющий набор элементов от их системы в качественном отношении, т. е. разграничающий искусственный интеллект и живую человеческую личность. Благодаря такому порогу человек всегда выступает в качестве творца, созидателя искусственного интеллекта, соответственно стоит выше в иерархии общественного производства. Вместе с тем его взаимодействие с искусственным интеллектом приводит к противоречивым результатам, раскрытие которых предполагает исследование отношений между этим феноменом и субъектными формами, в которых человек представлен в своей деятельности.

Отношения между искусственным интеллектом и субъектными формами человеческой деятельности

Вместе с цифровой средой и искусственным интеллектом в ходе современных преобразований в общественном производстве привлек к себе внимание исследователей человеческий капитал, появление которого было предсказано еще в середине XX в. [8; 27]. Каждая новация возникает в общественно-хозяйственной жизни по мере необходимости в ней; правомерно предположить, что за практически единовременным появлением искусственного интеллекта и человеческого капитала скрываются значимая общественная потребность в их взаимодействии и широкие возможности данного процесса [3; 4].

Особенность человеческого капитала, придающая ему революционизирующий характер и вместе с тем затрудняющая его понимание, состоит в том, что он носит субъектный характер. Сам человек становится живым, мыслящим и говорящим капиталом. При таком способе капитализации высокоразвитые способности не отчуждаются от личности человека, что сразу очерчивает границу между человеческим капиталом и рабочей силой, какой бы квалифицированной она ни была. В случае применения человеческого капитала стоимость создается неотделимыми от человека, субъектным образом *капитализированными* способностями творить какие-либо *уникальные* продукты: прорывные идеи технологического характера, качественно новые управленческие решения, проекты гибких организационных механизмов и другие уникальные продукты духовного производства. Благодаря этой своей особенности человеческий, субъектный капитал способен создавать эффективные комбинации с объектным капиталом, вложенным в технологическое оборудование, запасы природных ресурсов, права на новшества, финансовые активы и др. В таких комбинациях материальное могущество объектного капитала умножается духовной мощью субъектного капитала, что позволяет создавать и извлекать эффекты, зачастую обладающие глобальным масштабом [25].

С появлением человеческого капитала складываются два способа взаимодействия между искусственным интеллектом и субъектными формами человеческой деятельности:

1. Способ взаимодействия между искусственным интеллектом и рабочей силой, в рамках которого возможности искусственного интеллекта реализуются в соответствии с уровнем развития рабочей силы. При недостаточном уровне развития последней возможно возникнове-

ние эффекта «неуправляемого доминирования» искусственного интеллекта, когда его возможности реализуются вне контроля человека, что приводит к разрушению многих объектов и процессов общественно-хозяйственной жизни [1]. Бюрократизация и выхолащивание собственного содержания общего и профессионального образования приводят к возникновению уродливых, превратных форм отношений между искусственным интеллектом и рабочей силой, не обеспеченной необходимыми компетенциями [2]. В таких формах отношений люди фактически теряют свой субъектный статус, невольно превращаясь в неспособных самостоятельно мыслить жертв искусственного интеллекта;

2. Способ взаимодействия между искусственным интеллектом и человеческим капиталом, в рамках которого возможности искусственного интеллекта реализуются в полной мере, в соответствии с прорывными технологическими идеями, принципиально новыми управлениемскими решениями и другими уникальными духовными продуктами, возникающими в рамках эффективных комбинаций с участием человеческого капитала. Платон, открывший для человечества мир идей, поставил во главе своей модели идеального государства философов, глубоко понимающих жизнь и умеющих генерировать уникальные идеи. Тем самым он предвидел картину современного мира, в которой на первый план развития вышел человеческий капитал [21]. Но от абстрактных идей Платона до конкретных прикладных воплощений прорывных технологических идей и организационных механизмов пришлось пройти дистанцию огромного исторического размера. Человеческий капитал доминирует во взаимодействии с искусственным интеллектом, ставя его возможности под свой контроль и продвигая их в соответствии с вызовами новой реальности. Развитие научных исследований и секторов производства материальной жизни, опирающихся на искусственный интеллект, вызывает рост спроса на человеческий капитал [18]. В рамках данного способа взаимодействия между искусственным интеллектом и человеческим капиталом развитие обоих переплетается, они поддерживают друг друга.

Ответственность человека по результатам его взаимодействия с искусственным интеллектом

Ответственность человека, или социальная ответственность, выступает одним из существенных результатов естественно обусловленного процесса обобществления хозяйственной жизни. Ее формы детерминированы уровнем развития и специфическими условиями организации общественного производства. В условиях, когда капиталистический

способ производства опирался на индустриальную технологическую основу, возникла особая форма ответственности консолидированного капитала перед всеми субъектами наемного труда, представленными в системе общества. Обязательства этой формы ответственности соответствовали общественной необходимости в компенсации издержек поддержания кондиций материальной жизни людей наемного труда и системы общества, обусловленных проводимыми консолидированным капиталом преобразованиями. В этом отношении правомерно выделить расходы консолидированного капитала и контролируемого им государства на дополнительное профессиональное образование и изменение профиля наемных рабочих, воспроизводство или рекреационное восстановление потенциала их здоровья и др. [20].

В наступившей новой реальности развития прежняя технологическая основа капиталистического способа производства стремительно разрушается, создаются элементы перспективной технологической основы, возникает и прирастает слой человеческого капитала, что соответствует качественно новым условиям возникновения социальной ответственности. Выделим ее противоречивые обязательства, связанные с процессом взаимодействия динамично развивающегося человека новой реальности с искусственным интеллектом:

- обязательства, обусловленные растущей поляризацией общества в условиях развития указанного процесса; среди них особое значение приобретают обязательства, связанные с необходимостью снижения социальной напряженности, на покрытие которых ориентирован механизм обеспечения гарантированного дохода, в пользу которого активно выступают многие представители научного сообщества и политики [15, 26];
- обязательства, обусловленные растущей потребностью системы общества в расширенной репродукции человеческого капитала; среди них особое значение приобретают обязательства, связанные с необходимостью наращивания затрат на выявление предпосылок развития уникальных способностей у детей и взрослых, а также затрат на формирование общих основ и дальнейшую спецификацию указанных способностей в процессах профессионального образования и встраивания обладателей этих способностей в воспроизводственные процессы современных корпораций, широко применяющих искусственный интеллект [5].

Антисистемы, возникающие при взаимодействии человека с искусственным интеллектом

Под антисистемами мы понимаем организованные сообщества людей (социальные системные образования), выдвигающие цели подрыва и разрушения тех систем общества и окружающего их природного ландшафта, в которых они живут. По существу, такие сообщества ориентированы на уничтожение естественно возникших результатов развития, т. е. пытаются противостоять эволюционному процессу. Антисистемы возникают в условиях углубления процесса поляризации общества и консолидируют в себе тех, кто фактически выпадает из процесса развития и выталкивается на дальнюю периферию современного общества [19]. Искусственный интеллект, поскольку его применение ведет к углублению поляризации и маргинализации части существующей системы общества, становится средством формирования антисистем. Выделим в данном отношении следующие аспекты взаимодействия человека с искусственным интеллектом [11, 13]:

- применение искусственного интеллекта в целях создания изощренных схем для осуществления финансовых махинаций;
- применение искусственного интеллекта для манипулирования сознанием людей, выключения их из процесса осознанной общественной жизни.

Заключение

Резюмируя приведенные в данной статье положения и выводы, сформулируем общее заключение о том, что проведенное политico-экономическое исследование заявленной проблемы дало возможность раскрыть феномен искусственного интеллекта как специфически высокоразвитый объектный фактор производства, наделенный отдельными субъектными свойствами, который в цифровой среде получает свое развернутое развитие и вовлекается в высокопродуктивные комбинации с продвинутыми субъектными формами человека. Исходя из данного представления об искусственном интеллекте, авторами были оценены различные способы взаимодействия между искусственным интеллектом и субъектными формами человеческой деятельности, определены формы социальной ответственности, возникающие по результатам взаимодействия человека с искусственным интеллектом, раскрыты новые направления возникновения деконструктивных антисистем в процессе взаимодействия человека с искусственным интеллектом. Авторы считают, что модернизация государственной политики в области развития

искусственного интеллекта, реализованная посредством разработки долгосрочного стратегического планирования, учитывающего быстрое развитие технологий искусственного интеллекта; увеличения инвестиций в науку и образование; институционализации процесса развития искусственного интеллекта, создания норм и правил, регулирующих использование искусственного интеллекта; обновления образовательных программ с акцентом на навыках работы с искусственным интеллектом; повышения значимости человеческого капитала над искусственным интеллектом; сглаживания цифрового неравенства в обществе; обеспечения прозрачности процедуры анализа данных и их защиты, позволит обеспечить продуктивное и этическое развитие искусственного интеллекта в интересах общества и экономики. Полученные авторами результаты относятся к новому направлению экономических исследований, что обуславливает дискуссионный характер положений, выводов и рекомендаций, представленных в данной статье. Авторы выражают надежду, что их статья будет способствовать дальнейшему политico-экономическому исследованию сложной проблемы искусственного интеллекта.

Литература

1. Авдеева И.Л. Цифровая трансформация экономических систем: итоги и перспективы развития // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. № 16 (1). С. 226—239.
2. Ариги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2006. 472 с.
3. Бодрунов С.Д. Российская экономика 2024+: новые решения в новой реальности // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 248. № 4. С. 56—65.
4. Брижак О.В., Корольков В.Е. Внешние и внутренние контуры технологического развития российской экономики в современных условиях // Кузнецко-штамповочное производство. Обработка материалов давлением. 2025. № 3. С. 137—143.
5. Брижак О.В. Собственники и менеджеры: институциональные противоречия и влияние на инновационное развитие корпораций // Terra Economicus. 2012. Т. 10. № 2—2. С. 32—34.
6. Бриньольфссон Э., Унгер Г. Макроэкономика искусственного интеллекта: URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/12/Macroeconomics-of-artificial-intelligence-Brynjolfsson-Unger> (дата обращения: 03.04.2025).
7. Гелбрейт Дж.К. Экономическая теория и цели общества. М.: Прогресс, 1976. 408 с.

8. Елин К.М., Усова Н.В., Логинов М.П. Технологии искусственного интеллекта в цифровой модели национальной экономики // AlterEconomics. 2024. № 21 (4). С. 723—747.
9. Бузгалин А.В. Творческий человек в экономике будущего // Экономическое возрождение России. 2022. № 1 (71). С. 48—57.
10. Ермоленко А.А., Брижак О.В. Новое видение законов движения глобального капитала. Рецензия на книгу: А.В. Бузгалин, А.И. Колганов. Глобальный капитал: В 2 т. 4-е изд. М.: Ленанд, 2018. Т. 1. По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма. 640 с.; Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). 912 с. // Философские науки. 2018. № 2. С. 145—150.
11. Ермоленко А.А. Россия: прорыв в новую эпоху. М.: Де Либри, 2025. 178 с.
12. Камолов С.Г., Варос А.А., Крибиц А.А., Алашкевич М.Ю. Доминанты национальных стратегий развития искусственного интеллекта в России, Германии и США // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 85—105.
13. Осипов Ю.М. Мировоззрение как решающий хозяйствственный фактор // Философия хозяйства. 2024. № 3 (153). С. 13—17. DOI: 10.5281/zenodo.11235056.
14. Красильников О.Ю. Роль искусственного интеллекта в развитии экосистем в российской экономике // Известия Саратовского университета. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2023. № 23 (2). С. 146—152.
15. Мамедов О.Ю. Экономика инклюзивной цивилизации // Terra economicus. 2017. Т. 15. № 3. С. 6—18.
16. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1969.
17. Норвиг П., Рассел С. Искусственный интеллект. Современный подход. М.: Вильямс, 2007. 1408 с.
18. Нуреев Р.М. Институциональная экономика: проблемы и перспективы анализа развивающихся стран // Экономическая наука современной России. 2021. № 3 (94). С. 97—106.
19. Печчини А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1975.
20. Платон. Государство // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1992. 656 с.
21. Рязанов В.Т. (Не)реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России. М.: Экономика, 2016.

22. *Brizhak O.V., Tolstobokov O.N.* Forming the new industrial core of Russian industry: problems and perspectives // Research in Economic Anthropology. 2022. Vol. 42. P. 155—160.
23. *Fog A.* Towards a universal theory of competition and selection // Technical University of Denmark. 2013. July 4: URL: http://www.agner.org/cultsel/universal_competition_theory.pdf (дата обращения: 03.04.2025).
24. *Hayek F.* Individualism and Economic Order. Ch.: The University of Chicago Press, 2012. 280 p.
25. *Jacobs M., Mazzucato M.* Rethinking Capitalism: Economics and Policy for Sustainable and Inclusive Growth. Wiley-Blackwell, 2016. 224 p.
26. *Krugman P.* On Economic Arrogance // The New York Times. 2017. Feb.20.
27. *Mises L.* Human Action: a Treatise on Economics. 3rd revised ed. Chicago: Contemporary Books Inc., 1966. 256 p.

References

1. *Avdeeva I.L.* Cifrovaya transformaciya ekonomiceskikh sistem: itogi i perspektivy razvitiya // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2021. № 16 (1) S. 226—239.
2. *Arrigi Dzh.* Dolgij dvadcatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. M.: Izdat. dom «Territoriya budushchego», 2006. 472 s.
3. *Bodrunov S.D.* Rossijskaya ekonomika 2024+: novye resheniya v novoj real'nosti // Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomiceskogo obshchestva Rossii. 2024. T. 248. № 4. S. 56—65.
4. *Brizhak O.V., Korol'kov V.E.* Vneshnie i vnutrennie kontury tekhnologicheskogo razvitiya rossijskoj ekonomiki v sovremennyh usloviyah // Kuznechno-shtampovochnoe proizvodstvo. Obrabotka materialov davleniem. 2025. № 3. S. 137—143.
5. *Brizhak O.V.* Sobstvenniki i menedzhery: institucional'nye protivorechiya i vliyanie na innovacionnoe razvitiye korporacij // Terra Economicus. 2012. T. 10. № 2—2. S. 32—34.
6. *Brin'olfsson E., Unger G.* Makroekonomika iskusstvennogo intellekta: URL: <https://www.imf.org/ru/Publications/fandd/issues/2023/12/Macroeconomics-of-artificial-intelligence-Brynjolfsson-Unger> (data obrashcheniya: 03.04.2025).
7. *Gelbrejt Dzh.K.* Ekonomicheskaya teoriya i celi obshchestva. M.: Progress, 1976. 408 s.

8. *Elin K.M., Usova N.V., Loginov M.P.* Tekhnologii iskusstvennogo intellekta v cifrovoj modeli nacional'noj ekonomiki // AlterEconomics. 2024. № 21 (4). S. 723—747.
9. *Buzgalin A.V.* Tvorcheskij chelovek v ekonomike budushchego // Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii. 2022. № 1 (71). S. 48—57.
10. *Ermolenko A.A., Brizhak O.V.* Novoe videnie zakonov dvizheniya global'nogo kapitala. Recenziya na knigu: A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov. Global'nyj kapital. V 2 t. 4-e izd. M.: Lenand, 2018. T. 1. Po tu storonu pozitivizma, postmodernizma i ekonomiceskogo imperializma. 640 s.; T. 2. Teoriya: Global'naya gegemoniya kapitala i ee predely («Kapital» reloaded). 912 s. // Filosofskie nauki. 2018. № 2. S. 145—150.
11. *Ermolenko A.A.* Rossiya: proryv v novuyu epohu. M.: De Libri, 2025. 178 s.
12. *Kamolov S.G., Varos A.A., Kribic A.A., Alashkevich M.Yu.* Dominanty nacional'nyh strategij razvitiya iskusstvennogo intellekta v Rossii, Germanii i SShA // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2022. № 2. S. 85—105.
13. *Osipov Yu.M.* Mirovozzrenie kak reshayushchij hozyajstvennyj faktor // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 3 (153). S. 13—17. DOI: 10.5281/zenodo.11235056.
14. *Krasil'nikov O.Yu.* Rol' iskusstvennogo intellekta v razvitii ekosistem v rossijskoj ekonomike // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2023. № 23 (2). S. 146—152.
15. *Mamedov O.Yu.* Ekonomika inklyuzivnoj civilizacii // Terra economicus. 2017. T. 15. № 3. S. 6—18.
16. *Marks K.* Kapital. T. 1 // Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. T. 23. M.: Politizdat, 1969.
17. *Norvig P., Rassel S.* Iskusstvennyj intellekt. Sovremennyj podhod. M.: Vil'yams, 2007. 1408 s.
18. *Nureev R.M.* Institucional'naya ekonomika: problemy i perspektivy analiza razvivayushchihsya stran // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2021. № 3 (94). S. 97—106.
19. *Pechchei A.* Chelovecheskie kachestva. M.: Progress, 1975.
20. *Platon.* Gosudarstvo // Platon. Sobr. Soch. V 4 t. T. 3. M.: Mysl', 1992. 656 s.
21. *Ryazanov V.T.* (Ne)real'nyj kapitalizm. Politekonomiya krizisa i ego posledstviya dlya mirovogo hozyajstva i Rossii. M.: Ekonomika, 2016.

С.Г. КАПКАНЩИКОВ

Санкционный кризис российской экономики и перспективы его преодоления^{*}

Аннотация. Статья нацелена на раскрытие содержания, форм проявления, социально-экономических последствий и механизма преодоления российского кризиса, обусловленного санкционными ограничениями со стороны Запада. Проведенный в ней сравнительный анализ современного санкционного кризиса с трансформационным спадом, автономной рецессией и коронакризисом позволил выявить как общие черты, так и специфику этого пятого российского спада производства (если учитывать кризисные потрясения периода Великой рецессии). Связывая его развертывание не только с неблагоприятными факторами внешней среды, но и со стратегическими дефектами проводимой российским государством экономической политики, главным из которых признается многолетняя эволюция национального хозяйства в русле экспортно-сырьевой модели экономического роста, автор описывает комплекс позитивных перемен в механизме государственного регулирования, наблюдающихся в последние три года. Однако вынужденный переход властей к реализации концепции «военного кейнсианства» в условиях острого дефицита рабочей силы расценивается как неспособный обеспечить достаточную степень резильентности отечественной экономики и провоцирующий ускорение трудноустранимых инфляционных процессов. Нейтрализация этих реально возникающих угроз экономической безопасности усматривается на пути осуществления по завершении фазы активных боевых действий адекватной структурной перестройки национального хозяйства в направлении опережающего развития гражданских отраслей и производств, выпускающих высокотехнологичную конечную продукцию.

Ключевые слова: санкционный спад, шок предложения, шок спроса, резильентность, «военное кейнсианство».

Abstract. This article examines the causes, forms, social and economic effects, and possible solutions to the economic crisis in Russia, triggered by sanctions imposed by Western countries. It compares this sanctions-driven

^{*}Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Капканщиков С.Г. Санкционный кризис российской экономики и перспективы его преодоления // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 129—156. DOI: 10.5281/zenodo.17838545.

crisis with other recent economic downturns, such as the transformational recession, independent recessions, and the COVID-19 crisis. The comparison highlights both common features and unique aspects of this fifth major decline in Russian production (counting the economic shocks of the Great Recession). The crisis is linked not only to unfavorable external conditions but also to long-term flaws in Russia's economic strategy, particularly its heavy reliance on an export-driven, resource-based growth model. The article also outlines positive changes in government policies seen over the past three years. However, the shift to «military Keynesianism» — a focus on state spending to support the economy during war—amid a severe labor shortage is seen as inadequate to make the economy resilient and likely to worsen inflation. Addressing these challenges will require a major restructuring of the economy after the end of military conflict, focusing on the rapid growth of civilian industries and the production of advanced, high-tech goods.

Keywords: sanctions crisis, supply shock, demand shock, resilience, «military Keynesianism».

УДК 339.9
ББК 65.01я73

Все более действенным инструментом масштабной гибридной войны, находящемся в эпицентре глобального управления, в XXI в. становятся санкции (от лат. *sanction* — строгое решение, нерушимый закон), представляющие собой «ограничительные меры политики, которые принимаются одной или несколькими странами, чтобы стимулировать изменения в политике страны-мишени» [16, 4]. Столь жесткие ограничительные меры изначально были направлены против государств — нарушителей норм международного права в целях невоенного принуждения их к кардинальным переменам в проводимом политическом курсе. Главная идея подобных мер заключалась в применении «странами-инициаторами санкций негативных экономических стимулов для достижения желаемых изменений в политике страны-адресата» [2, 193]. Однако если еще в недавнем прошлом санкционные меры являлись чрезвычайным, но в целом обоснованным и легитимным с точки зрения международного права и устава ООН орудием воздействия, то в последнее время, неуклонно интенсифицируясь и далеко выходя за рамки правового поля, они «превращаются в регулярные меры экономической агрессии, применяемые в гегемонистских интересах отдельных держав, в блоковых интересах военно-политических альянсов» [6, 13].

Наиболее активными государствами-санкционерами являются развитые государства центра мировой экономики, которые в период

1960—2015 гг. реализовали около 30 комплексных санкционных программ в отношении своих менее мощных противников, представляющих ее периферию (полуперифирию) [1, 14]. При этом в подавляющем большинстве атакуемых стран наблюдался так называемый санкционный кризис, являющийся прямым результатом искусственно сформированного негативного шокового воздействия извне на экономическую систему посредством различных запретов и ограничений. Не стала исключением из этого правила и российская экономика, где под влиянием обширных санкций второй волны в 2022 г. (первая, заметно менее мощная, накатывалась, как известно, еще с 2014 г.) отчетливо развернулся уже пятый хозяйственный спад за постсоветский период ее развития. Безвозвратно утраченный в ходе его российский продукт, который почти наверняка был бы создан при отсутствии внешних ограничений, безусловно, немал и составляет, во всяком случае, далеко не один триллион рублей. Так, с учетом вполне возможного экономического роста в 2—3% в 2022 г. и реального спада в 1,2% (в уточненной Росстатом оценке) кризис только за один только 2022 г. отнял у страны минимум 3—4% потенциального прироста ВВП [11, 148]. И это в целом органично вписывается в общемировую практику, коль скоро многосубъектные санкционные ограничения, вводимые в период 1974—2014 гг. под эгидой ООН, отбирали ежегодно 2,5 п. п. от потенциальных темпов роста ВВП, а при введении торгового эмбарго и до 6,0 п. п. [21, 80]. В настоящее время, если санкции одних лишь США сокращают темпы увеличения национального продукта атакуемой страны на 0,5—0,9 п. п., то коллективные санкции со стороны ООН — на 2,3—2,5 п. п. [16, 18]. Обстановка продолжающегося санкционного спада побуждает отечественную экономическую науку внимательно изучать его содержание, специфические особенности, отличия от предшествующих кризисных потрясений, а также перспективы и механизм преодоления, на что и нацелена настоящая статья.

Падение российского ВВП, дно которого было достигнуто в апреле 2022 г., явилось итогом отчетливого преобладания отрицательного эффекта постсанкционного снижения совокупного предложения над положительным результатом расширения совокупного спроса под воздействием экспансионистской политики фискальных властей. И хотя уже в 2023 г. ВВП продемонстрировал восходящую динамику (во многом за счет включения в него результатов функционирования новых территорий в объеме около 2 трлн р.), о каком-либо радикальном преодолении объективных трудностей хозяйственного развития страны в обозримой перспективе утверждать пока явно преждевременно. И если это делается легковесно настроенными экспертами, то более на основании не каких-

либо комплексных расчетов с оценкой долгосрочных прямых и косвенных последствий влияния чуть ли не ежедневно меняющихся факторов внешней и внутренней среды, а всего лишь при анализе сугубо краткосрочных перемен и проведения аналогии с алгоритмом развертывания предшествующих российских кризисов. Между тем содержание весьма специфичного санкционного спада, по нашему убеждению, следует описывать не столько с количественной, сколько с качественной стороны. И если в первом аспекте уже сегодня следует отметить несомненные антикризисные достижения российских властей и частного бизнеса, то во втором аспекте вполне можно допустить возможность вхождения отечественной экономики уже в обозримой перспективе в поистине стрессовую ситуацию. Прекращение падения ВВП в настоящем вовсе не означает вхождения национального хозяйства в режим устойчивого роста в будущем. Одна из ключевых особенностей санкционного кризиса заключается в том, что, в отличие от кризиса циклического (зачастую естественным образом переходящего в депрессию, а затем и в оживление), он вполне может протекать и в обстановке отчетливо положительных, хотя и временно, темпов макроэкономической динамики, а также при восстановлении макрофинансовой стабильности, что, впрочем, лишь камуфлирует многие нездоровые перемены, происходящие под влиянием воздействия извне в структуре народнохозяйственного организма, качестве сформировавшегося в нем инвестиционного климата. Этот кризис «не имеет традиционного цикла спада и подъема, а представляет собой нелинейный процесс трансформации экономики с неопределенной скоростью и глубиной» [23, 37].

Санкционный кризис явился, по сути, неотвратимым следствием резкого расширения антироссийских рестрикций технологической, энергетической, финансовой, транспортно-логистической направленности, их выходом на качественно более высокий уровень и негативным влиянием каждой из них через соответствующие механизмы на динамику и структуру ВВП. Безусловно, будучи детерминированным международными санкциями, он не может рассматриваться как уникальный, совершенно не имеющий precedентов в постсоветской экономической истории. В частности, у него с легкостью можно обнаружить немало сходных черт с трансформационным спадом 1990-х гг., коль скоро развертывание кризисных процессов в 2022 г. столь же отчетливо сопровождалось драматичным разрывом складывавшихся десятилетиями производственно-торговых отношений (правда, тогда с постсоветскими республиками и странами бывшего СЭВ, а ныне более с государствами дальнего зарубежья), переходом на кардинально иные принципы и схемы осуществления международных расчетов. Во многом по аналогии

с тем начальным периодом радикальных рыночных преобразований в условиях санкционного противостояния тысячи отечественных предприятий вынужденно переходят в состояние самостоятельного поиска новых хозяйственных партнеров, замещения при их помощи многочисленных выпадающих компонентов выпускаемой продукции. В результате этого в макроэкономическом пространстве России неизбежно обра- зуются некие пустоты, в которые врываются анархия, никем не контролируемые стихийные социально-экономические процессы. Как результат, налицо некие дополнительные проявления вакуума координации, разрушительная интенсивность которого, впрочем, оказывается все же заметно ниже, поскольку в сравнении с ранними постсоветскими временами в стране уже сформировано немало рыночных координационных институтов, да и сам масштаб хозяйственной дезинтеграции выглядит не столь весомым в связи с сохранением большинства внутрироссийских рыночных связей предприятий, а также неуклонно нарастающим про- цессом замены (пусть пока еще не вполне эквивалентной) западного направления международного сотрудничества на восточное. Подобно тому как значительная доля отражаемого властями спада производства в 1990-е гг. выступала некоей «статистической иллюзией» из-за скачкооб- разного расширения неотражаемых в отчетности теневых сделок, так и сегодня фиксируемая Росстатом хозяйственная динамика в немалой сте- пени преуменьшается по причине того, что компаниям, частично функционирующими вне сферы легальной экономики, оказывается намного проще обходить санкционные барьеры.

Далеко еще не преодоленный санкционный спад имеет также не- мало общего с автономной хозяйственной рецессией, стартовавшей в 2013—2014 гг., коль скоро ограничительные торговые и финансовые кары Запада начали всего лишь активно углублять извне сформировав- шиеся еще задолго до них внутрироссийские кризисные процессы. Санк- ции тем результативнее, чем сильнее они воздействуют на «болевые точки» [9, 66]. А эти «болевые точки» в немалой степени обозначились в результате очевидных несовершенств проводившейся в досанкцион- ный период экономической политики российского государства, которые проявлялись, прежде всего, в безусловном доминировании доллара и евро в структуре международных резервов; безудержном накоплении Фонда национального благосостояния за счет антипроизводственного бюджетного правила и вложении немалой доли его средств в гособлигации наиболее агрессивно относящихся к России западных стран; хрони- ческой недомонетизации отечественной экономики, находящей отраже- ние в избыточной дороговизне кредитов; многолетнем доминировании экспортно-сырьевой модели экономического роста при стремительном

сокращении в последние годы экспортных пошлин на вывозимые за рубеж энергоносители в рамках налогового маневра; преимущественном использовании для покрытия циклического бюджетного дефицита облигаций внутреннего займа, порождающем действие эффекта вытеснения; стремлении максимально сокращать масштабы бюджетного неравновесия в условиях неполной занятости за счет урезания крайне значимых для экономического роста государственных расходов и взвинчивания налоговой нагрузки на национальное хозяйство.

Много сходных черт у санкционного спада и с вирусным кризисом 2020 г. [12, 3—33], поскольку оба они обусловлены действием факторов внешнего характера, имеющих заведомо внеэкономический характер, хотя и сильно затрагивающих функционирование национальной экономики. Как и предшествующий пандемический, разрушающий устоявшиеся отношения контрагентов санкционный кризис характеризуется отчетливым стремлением объединенного Запада в максимально возможной степени вытеснить нашу экономику из всемирного хозяйства, что проявилось опять-таки в скоропалительном разрыве сложившихся прежде логистических и технологических цепочек. Так же как и в период ковидного кризиса, российскую экономику, отмечает А.Д. Некипелов, сотрясают шок со стороны спроса, связанный с существенным сокращением закупок отечественной сырьевой продукции со стороны целого ряда зарубежных государств, а также шок со стороны предложения, обусловленный ограничением поставок в нашу страну многих видов высокотехнологичной конечной продукции [17, 267]. Подобно коронакризису, обусловленному острой необходимостью социального дистанцирования, реализации масштабных карантинных мероприятий, современный российский кризис тоже в значительной степени вызван мгновенной остановкой или, как минимум, сокращением деловой активности множества хозяйственных субъектов. Интенсивно протекающее и там, и здесь сжатие ВВП сопряжено с резким падением товарного импорта в нашу страну, уменьшением объема международных перевозок, вступлением в острую кризисную фазу отечественного туристического бизнеса, связанного с выездом россиян за границу. Закрытие рынков целой группы стран-санкционеров для отечественных товаров и прекращение обратных поставок огромного перечня ставших для нас привычными импортных потребительских и инвестиционных благ вынужденно спровоцировали курс российских властей на немалую степень автаркии, самообеспечения, который не может не препятствовать плодотворному использованию многообразных преимуществ международного разделения труда.

Именно в результате массового разрушения привычных схем взаимных поставок, влекущего за собой взвинчивание издержек производства и, как результат, ограничение объема выпуска, а также отказ множества глобальных компаний продолжить функционирование на российском рынке, и случился очередной (спустя всего два года после коронакризиса) шок предложения, который опять-таки сочетается с частичным шоком частного спроса из-за сокращения реальных доходов немалой доли ущемленных санкциями домохозяйств и предприятий, на который накладывается еще и резкое удорожание предоставляемых им банковских кредитов. Причем все это не влечет за собой какой-либо стабилизации цен, поскольку постсанкционное сжатие товарного импорта закономерно переводит спрос большинства россиян на внутренний рынок, что, напротив, еще более усиливает угрозу ускорения инфляции спроса в случае выхода потребительской активности со стороны выгодоприобретателей санкционного давления за относительно узкие производственные возможности целого ряда секторов национального хозяйства. Естественной реакцией домохозяйств на возросшую неопределенность макросреды и повышение ключевой ставки Банка России до 21% явился также очередной скачок их сбережений (заметно сдерживающих текущую покупательную активность), который, помимо очередной интенсификации парадокса бережливости в настоящем с его антипроизводственными последствиями, усиливает риск будущего ценового скачка, что наблюдалось в 2021 — начале 2022 г. в результате постпандемийного взрывного нарашивания отложенных потребительских трат и обрушения сформировавшегося в обстановке локдауна инфляционного навеса над национальной экономикой. Получается, что, как и в период коронакризиса, в постсанкционной экономике России, по сути, неизбежной рано или поздно становится стагфляция как результат сочетания спада производства в целом ряде подверженных негативному внешнему воздействию отраслей, с одной стороны, и использования финансовыми властями для нейтрализации угрозы возникающего дефицита бюджета либо сугубо эмиссионного способа его покрытия, либо механизмаознательной девальвации рубля и, соответственно, инфляции — с другой. И даже задействование варианта внутреннего долгового финансирования бюджетного дисбаланса не спасает национальное хозяйство от попадания в стагфляционную ловушку из-за закономерного действия эффекта вытеснения и углубления инвестиционного спада в его реальном секторе. Попытки же улучшить состояние общегосударственных финансов путем повышения налогов, особенно косвенных, обычно не обрабатываются ничем иным, кроме как интенсификацией налоговой инфляции.

Впрочем, помимо сходных черт, два последних кризиса российской экономики имеют и существенные различия. Если коронавирусный спад можно назвать хотя и крайне тяжелым экономическим заболеванием, однако с высокими шансами V-образной динамики ВВП и возвращения национального хозяйства к нормальной жизни без кардинальных перемен в модели экономической системы и кардинальной смены контрагентов, то санкционный кризис вполне сравним с радикальным разводом, в чем-то сходным с семейным, с прежними, уже сложившимися торговыми-экономическими партнерами. В долгосрочной перспективе подобный макроэкономический развод при определенных условиях способен открыть весьма благоприятные перспективы хозяйственного прогресса подсанкционной страны (хотя при невысоком качестве экономической политики эффект вполне может стать и обратным), но в аспекте краткосрочном приносит однозначно негативные плоды, железной рукой заставляя население, бизнес и государственные структуры кардинальным образом изменять ранее устоявшиеся стереотипы своего докризисного поведения. Как результат, «санкционный кризис, более продолжительный по сравнению с коронакризисом. Соответственно, посткризисное восстановление начнется с более существенным запаздыванием» [24, 37].

Так что негативные социально-экономические последствия российского санкционного кризиса, во всяком случае, представляются заметно более долговременными, нежели результаты пандемийного сжатия, а жертвами его выступают совершенно иные предприятия, преимущественно входящие в санкционные списки недружественных стран, которых на начало 2023 г. уже насчитывалось 1311 [7, 71]. При этом тяжелый удар нынешние обширные санкции наносят по высокотехнологичному и энергетическому секторам отечественной экономики. Причем утраты последнего сопряжены уже не столько с очередным падением мировых цен углеводородов, что наблюдалось в самом начале 2020-х гг., сколько с действием внешнеэкономических ограничений на их зарубежные поставки. Что же касается последствий вводимых технологических ограничений, то заведомо не мог остаться без серьезных последствий тот факт, что на конец 2022 г. и в России, и в дружественных странах отсутствовали аналоги ранее поставлявшихся из-за рубежа 22% видов сырья и материалов, 26,9% — деталей и компонентов, 30,8% — оборудования [5, 190]. И хотя установлено, что различия в темпах экономического роста между санкционируемыми и санкционирующими странами в среднем через 10 лет практически исчезают, отставание первых от вторых в динамике реальных располагаемых доходов их населения сохраняется в течение 21 года [21, 82]. Ведущими факторами отставания в уровне

жизни граждан, свидетельствующими о затяжном характере санкционного спада, выступают как сокращение доступа к высоким технологиям и дешевому зарубежному кредитованию, так и неуклонное выхолащивание структуры национального производства в направлении выпуска продукции с существенно меньшей добавленной стоимостью. Начинает проявляться некий санкционный храповик, когда интенсификация внешнего давления на ту или иную страну снижает ее национальный продукт и общественное благосостояние, а при его ослаблении сколько-нибудь быстрого возвращения последнего на прежний уровень не наблюдается. В результате действия такой разновидности эффекта храповика восстановительный постсанкционный рост российской экономики в перспективе вполне может столкнуться с серьезнейшими препятствиями, сопряженными с долговременной утратой прежних партнеров, которые смогли найти для себя новых контрагентов, падением производственного потенциала целого ряда пристаивающих предприятий и квалификации их работников, снижением покупательной способности немалой части пострадавших так или иначе от западных рестрикций граждан нашей страны, нежеланием многих инвесторов вкладывать в нее свои капиталы из-за сохраняющихся санкционных рисков в условиях продолжающейся гибридной войны.

Обоснование перспектив постсанкционного развития российской экономики в русле сценарного прогнозирования предполагает достоверную оценку степени ее так называемой резильентности (от англ. resilience — упругость, стойкость), т. е. способности отечественной экономической системы, во-первых, успешно абсорбировать (от лат. absorbere — поглощать, всасывать) происходящие внешние и внутренние шоки; во-вторых, всемерно адаптироваться к ним и, в-третьих, оперативно возвращаться к стабильному состоянию, причем, что крайне важно, посредством не упрощения, а, напротив, усложнения ее внутренней структуры [20, 623]. Отождествляя понятие «резильентности» с понятием «шокоустойчивости», С.П. Земцов и А.А. Волошинская понимают под ними «способность системы противостоять внешним шокам, адаптироваться, восстанавливаться и возвращаться на траекторию устойчивого развития» [8, 56]. Именно скорость возвращения национальной экономики в состояние относительного динамического равновесия в постшоковый период за счет близкой к оптимуму рекомбинации производственных ресурсов, их решительного перенаправления в наиболее перспективные секторы будет определять тенденции будущего экономического развития нашей страны.

И в этом плане нельзя не признать, что резкая интенсификация санкционного давления извне и стремление всемерно противодействовать ему побудили правительство и Банк России к отчетливому отходу от целого ряда складывавшихся десятилетиями разрушительных, сугубо неоклассических подходов при формировании и реализации их экономической политики. Характерно в этой связи, что в своем выступлении на XXI Валдайском форуме в ноябре 2024 г. В.В. Путин подчеркнул свое острое нежелание возвращаться к тому курсу, которым шла Россия до 2022 г. и который означал ее фактическое подчинение интересам другим стран. Теперь же постепенно начали уходить в тень многие либеральные стереотипы поведения монетарных и фискальных властей. И хотя огромные потери от многолетнего следования подобным догмам нам уже никто и никогда не компенсирует, однако хотя бы нынешний отказ от их практической реализации трудно не расценивать в сугубо позитивном ключе. Отмечая, что бюджетный импульс в 2022—2023 гг. составил примерно 10% годового ВВП, Н.Ю. Ахапкин подчеркивает, что такой финансовой подпитки отечественная экономика не получала за весь постсоветский период [3, 20]. Благоприятные перемены выразились и в кардинальном изменении валютной структуры международных резервов в пользу китайского юаня и монетарного золота (что, конечно, далеко не улучшило ситуацию с доходностью, ликвидностью и диверсификацией накопленных средств, но резко сократило риск их замораживания в будущем), в отказе от вложения сэкономленных средств ФНБ в ценные бумаги стран-санкционеров, в повышении вывозных пошлин на целый ряд поставляемых в западные страны сырьевых товаров (включая обогащенный уран). Хотя положение законодательства относительно запрета на прямое покрытие Банком России бюджетного дефицита все еще остается в силе, но, похоже, что в условиях СВО оно начинает в значительной степени игнорироваться. Рост денежной массы (агрегата M2) в 2022 г. сразу на 24,4%, в то время как в предыдущие годы он не превышал в среднем 11%, хотя и не соответствует денежному правилу монетаризма, однако вполне адекватен интересам удовлетворения неуклонно растущего спроса на деньги [14, 98]. К тому же инфляционные риски эмиссионного финансирования дефицита бюджета все же не столь высоки в условиях нахождения и поныне коэффициента монетизации отечественной экономики ниже порогового значения экономической безопасности. Угроза стремительного обвала обменного курса рубля, которая обострилась в первые месяцы после начала СВО, оказалась вскоре и вовсе устраниной в результате как оперативных регулирующих действий Банка России, так и временного сокращения товарного импорта в нашу страну и, соответственно, уменьшения объема уходящих из нее

иностранных валют. В последнее время усиление контроля над движением капитала позволяет российскому государству стабилизировать колебания реального курса рубля, что способно оказывать сдерживающее влияние на ценовую динамику. Смягчение последствий энергетических санкций в части нефтегазового эмбарго Запада в немалой степени было достигнуто за счет радикального разворота географии внешнеэкономических связей, прежде всего, решительной и чрезвычайно перспективной (особенно в долгосрочной перспективе) переориентации топливного экспорта из стагнирующих европейских в бурно прогрессирующие азиатские страны. А вполне предсказуемое требование ценовых скидок со стороны последних все же не стало катастрофой для компаний топливно-энергетического комплекса и государственной казны в обстановке серьезно возросших в недавнем прошлом и сохраняющихся на вполне приемлемом уровне в настоящем цен на энергоносители. Оборотной стороной ухода целого ряда зарубежных компаний выступает радикальное освобождение соответствующих рыночных ниш для отечественных предприятий, выпускающих продукцию конечного спроса. Неслучайно в структуре доходов федерального бюджета неуклонно нарастает доля ненефтегазовых доходов, свидетельствуя о реально начавшейся трансформации отраслевой структуры воспроизводства.

Частичная нейтрализация новой волны финансовых ограничений была достигнута Минфином как за счет его отказа от реализации ранее существовавшей отчетливо антипроизводственной (сравнительно с восстановленной ныне) версии бюджетного правила [10, 49—69], которое стало попросту неприемлемым из-за мгновенного превращения доллара и евро в токсичные валюты, так и направления заметной части средств ФНБ на финансирование возникшего циклического бюджетного дефицита и подсанкционное движение отечественной экономики по пути неоиндустриализации. Нерациональность вложений централизованных сбережений властей в свободно конвертируемые валюты недружественных государств заметно сократила стимулы дальнейшего раздувания этого фонда, что расширяет возможности наращивания затрат финансовых властей на нейтрализацию последствий санкционного кризиса. Понятно, что частный спрос на продукцию российского бизнеса (причем не только внешний, но и внутренний) выглядит сегодня явно недостаточным для обеспечения восходящей динамики национального продукта. В этих условиях его острый дефицит может быть успешно компенсирован лишь спросом государственным, который способен обеспечить действие эффекта масштаба в целом ряде курируемых властями приоритетных отраслей и производств. Как адекватная реакция на

осознание этого обстоятельства, традиционный неоклассический подход, заключающийся в жесткой предопределенности расходов государственного бюджета налоговыми поступлениями, по сути, снят с повестки дня, степень мягкости действующих бюджетных ограничений заметно повысилась. Обоснованность стремительного наращивания правительственные трат, заметно выходящих за рамки текущих доходов казны, в решающей степени была обусловлена достижением нефтегазовых цен на мировых рынках пиковых значений в первые кварталы после резкого обострения энергетических ограничений, в результате чего валютная выручка отечественных экспортёров, будучи аккумулированной в бюджете в части, прежде всего, экспортной ренты, оказалась трансформированной в резко расширяющиеся правительственные траты. Именно резкий всплеск государственных расходов позволил отечественной экономике не только минимизировать глубину и продолжительность спада в 2022 г. под влиянием широких западных санкций, но также удивить весь мир своим довольно быстрым восстановительным ростом в 2023 г. и продолжающимся наращиванием ВВП в 2024 г.

Неуклонно возрастающие, в том числе в реальном выражении, централизованные расходы признаются теперь не только главным детерминантом всех остальных производных макрофинансовых индикаторов, но и ключевым компонентом качественно новой модели (в противовес прежней экспортно-сырьевой) расширения производственного потенциала отечественной экономики. Формирующаяся в условиях СВО, такая модель экономического развития характеризуется решающим вкладом в макроэкономическую динамику инструментов правительственные заказов, закупок, инвестиций и трансфертов. Становясь ведущим драйвером наращивания ВВП, государственный спрос призван компенсировать закономерное сжатие: потребительского спроса под влиянием инфляционного обесценения номинальных доходов населения; спроса частного инвестиционного, который после повышения в 2022 г. под влиянием накопленных запасов капитальных благ подавляется сегодня не вполне благоприятным деловым климатом; наконец, спроса внешнего, представленного чистым экспортом, чье сокращение выступает естественным результатом разрушительной комбинации энергетических санкций в отношении нефтегазового комплекса и финансово-технологических трудностей экспорта продукции, пока не подавшей под западные ограничения, вкупе с вынужденным сохранением импорта на довольно высокой отметке. В обстановке санкционного кризиса стремительное увеличение всех перечисленных выше компонентов правительственные расходов способно не только в немалой степени нейтрализовать сокращение потребительского, инвестиционного и экспортного компонентов

совокупного спроса, но и вызвать через определенный лаг цепной и устойчивый подъем каждого из них уже на рыночной основе.

Все шире используемые кейнсианские орудия расширения спроса российского государства обеспечивают опережающее развитие обрабатывающих отраслей сравнительно с отраслями добывающими, в первую очередь тех из них, которые прямо или косвенно связаны с функционированием военно-промышленного комплекса. Хотя оборонные расходы правительства и прежде были в нашей стране немалыми, только в 2011—2020 гг. на новое вооружение было потрачено 300 млрд долл. [22, 19], однако ведение СВО, включая производство военной техники и вооружений, выплаты воюющим на Украине и в Курской области, а также их семьям, обустройство новых территорий еще более дорого обходятся федеральной казне. Ведущим источником этих колоссальных затрат остаются опять-таки доходы от экспорта энергоносителей и другого сырья, которые хотя и серьезно сократились сравнительно с пиком 2022 г., но сохраняются на уровне, превышающем средний за десять последних лет. Конечно, средства, выделенные на оборону и безопасность и составившие в 2024 г. 8,7% ВВП, еще не достигли экстремальных отметок советского периода (до 13—14% ВВП), однако и сегодня это существенно выше порогового значения национальной экономической безопасности на примерно 3—4% ВВП. В теоретическом плане это означает попытку российского правительства воплотить в жизнь концепцию так называемого «военного кейнсианства», под которой понимается частный случай государственной стабилизационной политики по рецептам Дж. Кейнса, состоящей в сознательном накачивании расходов на оборонные цели [4, 5—17]. Взятие властями на вооружение этой антикризисной концепции, безусловно, явилось результатом существенного отхода от пролиберальной бюджетной политики последних десятилетий. И для подобной трансформации финансовой стратегии имеются немалые научные основания. Считается, что практическая реализация именно такого концептуального подхода позволила, например, США и Германии в годы Второй мировой войны вывести свои национальные хозяйства из тяжелейшей рецессии 1930-х гг., запустив «маховик» экономического роста, хотя скептики всегда были склонны считать последний более результативных предшествовавшего милитаризации комплекса иных, куда более результативных дискреционных мероприятий. Однако в любом случае трудно отвергать действие мультиплектичного эффекта от госзаказа на военную технику и вооружения, в рамках которого за счет дополнительных инвестиций начинали расширяться производственные мощности военных предприятий, а прирост их кадрового потенциала сопровождался всплеском потребительских расходов вновь

трудоустраиваемых бывших безработных (относящихся к тому же к наиболее бедным слоям населения с высокой склонностью к потреблению), который, в свою очередь, не мог не формировать нового стимула для создания товаров народного потребления.

Аналогично под непосредственным воздействием объема и структуры гособоронзаказа в современной России запускается процесс расширения определенного спектра оборонных предприятий и их гражданских смежников, тесно интегрированных в многозвеневые технологические цепочки. Следует учитывать, что величина мультипликатора оборонных расходов в современной России потенциально заметно выше, чем в тех странах, которые вынуждены приобретать дорогостоящую военную технику и боеприпасы за рубежом. Выпуск подавляющего большинства их типов непосредственно на территории нашей страны не может не запускать по ней позитивный импульс в виде ускоренного развития множества сопряженных производств. Известно, что, будучи войной моторов, Вторая мировая война создала мощные импульсы для развития автомобилестроения по всему миру. Разворачивание СВО формирует долгосрочные импульсы для развития информационно-коммуникационных технологий и микроэлектроники, без которых победа в военно-техническом противостоянии с НАТО становится труднодостижимой. Поэтому неслучайно поистине ударными темпами в последнее время развиваются не только военная, но и цифровая, финансовая, транспортная инфраструктура и опирающиеся на этот фундамент отрасли реального сектора. В результате российская промышленность в целом уже к середине 2023 г. обеспечила восстановление докризисного (имеется в виду конец 2021 г.) объема выпуска. Хотя выход отечественной экономики из санкционного кризиса оказался заметно менее стремительным, чем из предшествующего пандемического спада, однако и на этот раз национальный продукт «разгромленной санкциями» России резко перешел в положительную зону, опережая в своей динамике ВВП большинства стран-санкционеров, где индекс делового климата вплотную приблизился к крайне невысоким коронакризисным значениям. Все это не означает, конечно, уже свершившегося превращения нашей страны в неприступную экономическую крепость, неподвластную никаким западным рестрикциям. Тем не менее, скорость преодоления санкционного спада оказалась в России минимум вдвое более высокой, чем у других стран-мишеней на тех или иных исторических этапах подверженности их национальных хозяйств внешним ограничениям [14].

Однако нельзя не отметить, что если теоретическая концепция «военного кейнсианства» расценивала наращивание оборонных расхо-

дов в качестве некоего универсального механизма обеспечения устойчивого экономического роста, то в рамках более современных концепций последнего она рассматривается в лучшем случае как сугубо краткосрочный инструмент подстегивания хозяйственной динамики. Милитаризация экономики и военные действия лишь временно укрепляют инвестиционную и в целом деловую активность в стране, после чего они в лучшем случае лишь возвращаются к господствующему тренду. Отчетлива нелинейность воздействия во времени оборонных расходов на динамику ВВП проявляется и в том, что максимальный позитивный результат их наращивания обычно достигается через 2—3 года после запуска соответствующих инвестиционных программ с последующим его затуханием. Исходя из этого, подобное ослабление хозяйственной динамики вполне может обозначаться в современной России, поскольку трехлетний период с момента запуска СВО уже завершен, в то время как «накопительный или отложенный негативный эффект вводимых санкций, безусловно, проявляется и будет проявляться в различных отраслях экономики» [15, 31]. В таких условиях лишь крупное расширение экспорта отечественных высокотехнологичных средств обороны в качестве результата отчетливо проявляющейся сегодня дискредитации многих видов разрекламированной западной военной техники на полях сражений способно несколько отдалить момент неизбежного стратегического ослабления (не в geopolитическом, а в сугубо экономическом отношении, конечно) избыточно милитаризованной национальной экономики, включающей в механизм своего развертывания также откат в части гособоронзаказа после раннего или позднего завершения активной фазы боевых действий.

Дополнительные расходы на создание военной техники и вооружений лишены возможности оказания сколько-нибудь положительного воздействия на долгосрочный экономический рост даже в тех странах (например, в США или Австралии), где не развертываются в данный период разрушительные вооруженные конфликты. Что же касается государств (подобных Украине, Палестине или российской Курской области), территории которых превратилась в арену ожесточенных боевых столкновений, то действие никаких мультиликаторов при расширении военных затрат властей оказывается здесь не в состоянии адекватно компенсировать утрату капитальной базы, деградацию сельхозугодий и, как результат, общий понижательный тренд эволюции национальных хозяйств. Форс-мажорная концепция «военного кейнсианства» обладает крайне невысоким мультиликативным воздействием, коль скоро увеличение расходов на оборону на 1 долл., во всяком случае, влечет за собой

прирост ВВП менее чем на 1 долл. Более того, эконометрическое исследование, проведенное Лукманом Сайдом, работающим в Ольстерском университете (Северная Ирландия), по 133 странам на эмпирической базе 1960—2012 гг. показало, что при повышении доли военных расходов в ВВП на 1 п. п. экономический рост в них в среднем тормозился на 1,1 п. п. сравнительно с потенциально возможным. Мультиплекативный эффект от дополнительных военных затрат даже в условиях неполной занятости выглядит весьма недолговечным в силу того, что в случае его широкого воздействия производственные ресурсы используются в целом неэффективно, будучи бесплодно перемалываемыми в создание чудовищных средств уничтожения. И, действительно, оправдано ли рассматривать в качестве фактора повышения общественного благосостояния масштабный выпуск разнообразных вооружений, который не только препятствует адекватному производству многообразных видов продукции гражданского назначения, но и призван безвозвратно утилизировать многие ранее созданные человечеством материальные и духовные ценности?

К тому же подобный тип роста заведомо не может быть признан сбалансированным, он порождает дополнительные структурные искажения, включая нынешние инфляционные. Именно в российском ВПК наблюдается некий секторальный «перегрев экономики», не распространяющийся, однако, на большинство звеньев гражданского сектора. Его активное бюджетное подстегивание под традиционным лозунгом «Все для фронта, все для победы!» закономерно увеличивает вклад инфляции спроса в отечественный ценоповышательный процесс и становится по-водом к дальнейшему ужесточению монетарной политики Банка России. Не секрет, что крупным структурным фактором инфляции выступает как раз диспропорциональность военно-промышленного и гражданского секторов экономики в связи с милитаризацией последней. Если в недавнем прошлом перекошенная российская экономика демонстрировала жесткую зависимость от сектора добычи и экспорта топливно-сырьевой продукции, то теперь серьезной аномалией вынужденно стал опережающий выпуск товаров военного назначения. Действительно, в то время, когда объем производства оборонной продукции демонстрирует в последние три года поистине впечатляющий рост, производство многих товаров гражданского назначения, по сути, топчется на месте. Конечно, оборонные расходы бюджета формально мало чем отличаются от других его расходных статей (например, на гражданскую инфраструктуру). Однако при ближайшем рассмотрении выясняются крупные изъяны подобного использования средств налогоплательщиков. Форсированный

рост ВПК провоцирует бюджетную несбалансированность с соответствующими инфляционными последствиями; приводит к нерациональному использованию производственных ресурсов (коль скоро немалая часть их направляется на создание средств уничтожения), что препятствует наращиванию предложения продукции гражданского назначения; порождает дополнительный спрос со стороны работников, занятых в производстве вооружений. Выступая на потребительском рынке в роли покупателей товаров народного потребления, они в то же время могут быть полностью выключены из процесса их создания. Хотя, как известно, «рейганомика» включала в свое содержание милитаризацию американского общества, однако стремление реализовать эффект Лаффера побуждало власти во имя борьбы с инфляцией по возможности урезать не столь необходимые статьи военных расходов.

Результативность концепции «военного кейнсианства» закономерно повышается в фазе рецессии, когда наблюдается отчетливо неполная занятость производственных ресурсов, включая наличие массы безработных. Но коль скоро многие ключевые предприятия отечественного ВПК испытывают в настоящее время, напротив, острую нехватку рабочей силы и дефицит незагруженных производственных мощностей, то ее дальнейшая реализация (безусловно, вынужденная при сложившейся на планете геополитической ситуации) способна вызвать в качестве преобладающего эффекта не столько дальнейшее увеличение выпуска, сколько нарастающий инфляционный процесс. Он предопределяется неблагоприятной комбинацией неуклонного увеличения заработков работников оборонных предприятий (а также занятых на невоенных заводах для дестимулирования из перетока в ВПК) и денежного довольствия россиян, непосредственно участвующих в боевых действиях, с одной стороны, и неизбежным урезанием выпуска многих видов гражданской продукции из-за роста трудовых издержек и интенсивного перетекания остродефицитных производственных ресурсов в оборонный комплекс — с другой. Понятно, что танки, снаряды, крылатые ракеты, боевые самолеты и беспилотники, а также многие другие компоненты военного ассортимента не попадают на перегретый денежными доходами потребительский рынок. К тому же, в соответствии с кейнсианской функцией потребления, рост реальных заработков по всей стране не может не отражаться на изменении пропорции между потреблением и сбережением в пользу последнего, что негативно сказывается на действии эффекта мультипликатора. Включение продукции оборонно-промышленного комплекса в ВВП является, как известно, одним из наиболее явных дефектов принятой системы национальных счетов, коль скоро ее наращивание во имя победы над врагом не сопровождается, однако, сколько-

нибудь заметным приростом общественного благосостояния даже в среднесрочной перспективе. Более того, последнее вполне может даже сократиться в результате закономерного торможения экономического роста, а также формирования инфляционного навеса над национальной экономикой, ликвидация которого в любом случае сделает восходящую динамику национального продукта еще более слабой. А внутренне присущий «военному кейнсианству» ускоряющийся инфляционный процесс, обесценивая бюджетные средства, направляемые на финансирование военных расходов, заставляет фискальные власти в качестве некоего самоусиливающегося процесса осуществлять еще более крупные вливания в поддержание обороноспособности страны. В результате наличия в фискальном импульсе милитаризации не только важных достоинств, но и крупных недостатков помимо сугубо санкционных структурных перекосов в российской экономике отчетливо нарастает межотраслевой и межрегиональный дисбаланс между военным и существенно более производительным (в связи с его куда более тесной связью с потребностями населения) гражданским секторами в пользу первого.

Сама по себе перестройка структуры воспроизводства под санкционным воздействием заведомо не может считаться фактором прогресса, поскольку она в целом ряде случаев вразрез с требованием резильентности стихийно осуществляется в направлении радикальной примитивизации. «Упрощение становится главным эндогенным механизмом адаптации систем к санкционному стрессу» [23, 39]. Тот факт, что адаптация немалой части российской экономики к санкционному давлению имеет своим побочным следствием не ее усложнение, а, напротив, упрощение (наиболее отчетливо проявляющееся в отечественном автопроме), делает неизбежным то или иное торможение роста ВВП, утрату возможностей дальнейшего развития частного сектора и создания целого ряда эффективных рабочих мест. Хотя нынешнее антикризисное упрощение структуры и позволяет частично компенсировать внешние шоки, обусловленные санкциями, однако оно по определению не способно восстановить национальное хозяйство даже в дошоковом состоянии, обрекая страну на значительную степень технологической деградации. Длительное пребывание российской экономики в состоянии подобного стресса способно стать обстоятельством, усиливающим уровень ее диспропорциональности. В таком национальном хозяйстве, которое становится заметно более закрытым, а значит, в значительной мере лишенным здоровых конкурентных начал, подъем военно-промышленного комплекса под воздействием мощных бюджетных стимулов принципиально не способен компенсировать в полной мере ресурсного ущемления целого ряда неотвратимо сокращающихся гражданских

секторов. Так что подлинный скачок в выпуске военной техники и вооружений вполне может наблюдаться в условиях, когда во многих невоенных отраслях промышленности, даже не подверженных прямому санкционному давлению, происходит весьма заметный спад из-за неуклонно накапливающихся ресурсных аномалий в пропорциях воспроизводства. Во всяком случае, сегодня развертывается новая волна «утяжеления» структуры последнего, в которой не находится должного места в очередной раз выпуску многообразной продукции, призванной вполне удовлетворять потребительский и инвестиционный спрос россиян.

Получается, что зачастую чем более значительными являются успехи государственной стабилизационной политики, тем более растянутым во времени способен стать санкционный кризис — в том случае, если его легковесное преодоление достигается властями либо за счет упрощения структуры народнохозяйственного организма, либо путем накопления в нем новых крупных диспропорций. Между тем трудно не замечать разнонаправленности хозяйственной динамики различных производств, неуклонно усиливающейся в современной России. В ходе санкционного противостояния с Западом одни отрасли и секторы отечественной экономики, успешно укрепляющие национальную безопасность, нежданно обретают новые возможности для своего поступательного развития, тогда как другие неотвратимо скатываются (хотя бы не на очень продолжительный период) в экономическую яму. Безусловно, оборонно-промышленный комплекс (вкупе с ИТ-сектором) стал главным выгодоприобретателем в условиях СВО наряду со строительством мощных фортификационных вооружений, а также, например, с внутренним туризмом, постепенно все более активно замещающим прежние массовые поездки россиян за границу. А в целом ряде других отраслей пока что налицо обратный экономический результат. И столь неоднородный результат воздействия внешних ограничений еще более искажает систему пропорций в экономике России, которая, впрочем, и прежде была далеко не безупречной. К тому же сам тип подобной структурной неоднородности качественно изменился сравнительно с досанкционным периодом. Если в недавнем прошлом зоны опережающего развития формировались, главным образом, в секторах, обеспечивающих топливно-сырьевой экспорт в европейском направлении и масштабную промышленную сборку под технологическим контролем крупнейших зарубежных концернов, то теперь под влиянием внешних рестрикций многие из них вошли в фазу подлинного упадка, уступив лидирующую роль ряду

прежде депрессивных территорий и моногородов, где оказалось возможным быстро нарастить выпуск конечной продукции в рамках гособоронзаказа.

Условием коммерческой успешности российских предприятий выступает тесная связь их функционирования с теми или иными компонентами правительственные расходов, в то время как отстраненность остальных компаний от государственного спроса не может не дополнить наличия у них санкционных ограничений многообразием внутренних препятствий к результативной производительной деятельности — чрезмерной загруженностью морально и физически устаревающих мощностей из-за многолетней заниженной инвестиционной активности, недоступностью современных технологий, острым дефицитом кадров. Действительно, значимыми дополнительными издержками целого ряда отечественных работодателей становятся их нарастающие затраты, связанные с поиском новых сотрудников взамен отбывших по тем или иным причинам за границу (в том числе из-за нежелания подпасть под мобилизационную кампанию) или вставших на защиту своей страны. В результате мощного перераспределения рабочей силы в ВПК и в направлении фронта многие гражданские секторы, особенно машиностроительный комплекс и химическая промышленность, испытывают серьезные проблемы при выполнении госзаказа, даже несмотря на вынужденное крупное повышение заработной платы занятых здесь работников. Интенсивный рост российской экономики, успешное функционирование компаний и отраслей, чья ориентация на государственный спрос объективно исключена самой номенклатурой выпускаемой продукции, в ближайшие годы, помимо внешних препятствий, ограничены неуклонным увеличением трудовых затрат отечественного бизнеса, запретительной дорогоизнаной банковских кредитов, повышением корпоративного налога на прибыль, вынужденным покрытием бюджетного дефицита внутренними заимствованиями финансовых властей, которые препятствуют необходимому повышению нормы накопления (особенно в части негосударственных инвестиций), выходом инфляционного процесса за его оптимальное, не препятствующее инвестициям значение и, наконец, общей неопределенностью макросреды. Крупной проблемой всего реального сектора стало также резкое удорожание остро необходимых ему импортных машин, оборудования, комплектующих, сырья и материалов как из-за серьезного ослабления курса рубля, так и в результате задействования окружных маршрутов их доставки.

Таким образом, можно сделать неутешительный вывод, что насколько не соответствовала критериям резильентности прежняя бес-

перспективная эволюция экономики России в русле исторически тупиковой экспортно-сырьевой модели, настолько же не отвечает им и нынешний отчетливый крен национального хозяйства в направлении становления мобилизационной модели «военного кейнсианства», которая обладает ограниченным и проявляющимся на весьма долгом временном интервале потенциалом последовательного преодоления санкционного спада. В самом глубинном содержании протекающего роста заключены немалые риски неустойчивости, ранней или поздней остановки экономического оживления (и даже ухода динамики ВВП в отрицательную зону) после прекращения, вынужденного или добровольного, совершенно избыточной, хотя и объясняемой соображениями национальной безопасности, государственной интервенции в хозяйственную жизнь. И тогда в долгосрочном периоде станет реализовываться вариант, который принято определять как «траектория L» вместо «траектории V» [23, 39]. Угроза наступления рецессии закономерно усиливается по мере нарастания доли продукции, выпускаемой ныне под непосредственным воздействием бюджетных стимулов. Их неминуемое затухание в будущем способно попросту обвалить объем производства в нашей стране наряду с высвобождением многих сотен тысяч рабочих рук, казалось бы столь востребованных сегодня. Наконец, в рамках обозначенного подхода к механизму обеспечения восходящей хозяйственной динамики неотвратимо нарастают противоречия в стратегиях Банка России, который через ужесточение монетарной политики и, соответственно, взвинчивание ключевой ставки стремится противодействовать укреплению бюджетного (и ряда других) факторов инфляции спроса, и Минфином, кровно заинтересованным в обретении федеральной казны через фискальное стимулирование некоей инфляционной премии, в той или иной степени нейтрализующей финансовые последствия бюджетного бума. Помимо этого, в институциональной структуре российской государственной «машины» уже не первый год ощущается конфликт между Центробанком и Минфином, с одной стороны, однобоко стремящимися к финансовой стабилизации, и Министерством экономического развития, пытающимися ускорить восходящую динамику ВВП, — с другой.

Понятно, что тяжелый груз, накладываемый на национальное хозяйство политически мотивированными санкционными ограничениями, не может быть кардинально сброшен с него, подобно преодолению естественных ресурсных ограничений (за счет роста эффективности), создаваемых рынком — до момента снятия этих искусственно введенных рескрипций. Однако сказанное вовсе не означает принципиальной невозможности преодоления санкционного кризиса в стране-мишени. При

этом контрсанкционная политика властей, конечно, предполагает оперативное включение стабилизирующих антикризисных мер, способных ослаблять негативные последствия внезапно возникающих извне форс-мажорных шоковых эффектов, а затем и компенсировать их влияние за счет прогрессивных хозяйственных перемен. Эти перемены означают проведение экспансионистской бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, направленной на стимулирование совокупного спроса центральной некоторого нарастания циклического бюджетного дефицита. Но для искоренения санкционного кризиса подобных мер явно недостаточно, поскольку его развертывание в решающей мере связано с негативным шоком не столько спроса, сколько предложения из-за массового разрыва прежних производственных цепочек. К тому же известные антикризисные механизмы, обеспечивающие улучшение макроэкономической конъюнктуры в естественных рыночных условиях, неизбежно утрачивают значительную часть своего регулирующего потенциала, сталкиваясь с вводимыми по сугубо политическим соображениям искусственными ограничениями. Наконец, фискальное и монетарное стимулирование отечественной экономики в рамках стабилизационной политики, ориентированной на спрос, не способно устраниć риск движения импортозамещения по отчетливо регressiveному пути. Усиливающиеся ограничения извне и, как результат, нарастающее технологическое отставание страны вполне могут воспрепятствовать становлению многих потенциально перспективных направлений развития отечественного бизнеса, как это случилось, например, в Иране. Поэтому столь значимой для нашей страны представляется сегодня задача достижения подлинного технологического суверенитета, которая в качестве некоей национальной идеи (подобно иранской «экономике сопротивления») начинает активно продвигаться властями. Обретение подобной независимости позволило бы сформировать в России относительно автономную производственную систему, не подверженную чрезмерному воздействию любых (включая санкционные) вызовов и угроз.

Так что регулирующие возможности даже синхронно мягкой (отсутствующей в современных условиях) бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики в плане противодействия накопительным эффектам внешних, насквозь политизированных рестрикций, обычно действующих вдольгую, оказываются значительно ниже сравнительно с потенциалом общегосударственного структурно-регионального регулирования. Хотя санкционный кризис, обладающий крайне неопределенной скоростью, продолжительностью и глубиной, как и предшествующий коронакризис, тоже был инициирован извне, однако зарубежные архитекторы рестрикций при конструировании карательных ловушек для нашей

страны стремились в большинстве случаев просто усилить разрушительный эффект от тех негативных социально-экономических процессов, которые российские власти собственоручно сформировали в предшествующий период. И ведущим из подобных механизмов выступал их многолетний отказ от всесторонней диверсификации отечественной экономики в направлении преимущественного развития высокотехнологичных обрабатывающих производств в угоду, по сути, бесконечной (ограниченной лишь богатством недр) эволюции общественного воспроизводства в русле его сырьевой модели. Поэтому оставить санкционный спад как период во многом хаотичной трансформации национального хозяйства безвозвратно в прошлом возможно только при условии решительного искоренения этого стратегического дефекта экономической политики. Требуется «существенное наращивание выработки предприятиями промышленно-производственного сектора и увеличение его доли в формировании ВВП, опережающее тенденцию постепенного роста абсолютных показателей сырьевой сферы» [18, 107]. Выход из ковидного кризиса не сопровождался сколько-нибудь заметным изменением структуры производства и потребления. Сегодня же подобная стабильность выглядела бы попросту неприемлемой. «Современный кризис, в отличие от пандемического, не может быть преодолен без структурной перестройки национальной экономики» [19, 133]. А поскольку трансформация структуры национального хозяйства объективно носит долгосрочный характер и обычно протекает никак не менее пяти лет, поскольку санкционный кризис будет в течение этого драматического периода в той или иной форме сопровождать социально-экономическую эволюцию российского общества. При этом величина кумулятивного эффекта антироссийских санкций будет находиться в тесной обратной зависимости от продемонстрированной способности всех трудоспособных россиян в сжатые сроки перестроить внутреннюю структуру национального хозяйства и перенаправления внешнеэкономических связей с Запада на Восток.

Нелегкий выход из нынешнего, весьма специфического спада, в ходе которого страна постепенно приспосабливается к новой санкционной реальности, может быть сопряжен лишь с осуществлением структурно-технологической перестройки ее национальной экономики под давлением внешних угроз экономической безопасности. Преодоление санкционного кризиса немыслимо без проведения радикальной трансформации отраслевой и региональной структуры воспроизводства, которая обеспечивалась бы скоординированными действиями как отечественных производителей, стремящихся не допустить тем самым сниже-

ния своей рентабельности, так и государственных институтов, призванных решительно противостоять давлению извне. При этом следует кардинально различать постсанкционную диверсификацию национальной экономики: а) стихийно осуществляющуюся в негативном ключе всеобщего упрощения и подрывающую, в конечном счете, народнохозяйственную эффективность; б) реализуемую сознательно, когда правительство и центральный банк активно способствуют целенаправленному усложнению структуры производства и экспорта, плодотворно пользуясь в интересах наращивания эффективности открывающимися возможностями импортозамещения и продвижения отечественной продукции на новые зарубежные рынки.

Таким образом, кардинальные перемены в географии внешнеэкономических связей России выступают лишь необходимым, но недостаточным условием икоренения санкционного спада. Они должны быть радикально дополнены куда более содержательными переменами в государственной экономической политике, сопряженными с резким сокращением зависимости страны от импортных поставок, развертыванием процессов реального импортозамещения, существенным повышением вклада в ВВП научноемких и высокотехнологичных видов продукции с высокой добавленной стоимостью. Структурная перестройка российской экономики в направлении икоренения «русской болезни» [13, 41—63] олицетворяет собой единственно возможный вариант преодоления санкционного кризиса, причем рассматриваемого не только в количественном, но и в качественном аспекте, еще задолго до кардинальной отмены введенных в рекордном объеме западных рестрикций. Четкое осознание российскими властями факта отсутствия любых альтернативных вариантов должно побудить их наконец к еще более наглядному переводу многолетних бесплодных рассуждений о необходимости соответствующей диверсификации отечественной экономики в решительные шаги по трансформации пустых слов в конкретные дела.

Литература

1. Архипова В.В. Современный санкционный режим в отношении России: характеристика и глобальный аспект // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 13—19.
2. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 193—198.
3. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики РАН. 2023. № 6. С. 7—25.

4. *Буклемишиев О.В.* Факторы «военного кейнсианства» в современной экономической политике России // Вопросы экономики. 2024. № 11. С. 5—17.
5. *Голикова В.В., Кузнецов Б.В.* Что день грядущий нам готовит: по кому ударят санкционные ограничения на поставки импортного оборудования? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 3. С. 187—196.
6. *Городецкий А., Зиядуллаев Н.* Трансформация экономики и общества: приоритеты национальной безопасности и российские реалии // Общество и экономика. 2019. № 9. С. 5—19.
7. *Зайцев Ю.К., Лощенкова А.Н.* Влияние санкций на выручку российских компаний // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 2. С. 57—74.
8. *Земцов С.П., Волошинская А.А.* Устойчивость к шокам регионов России в условиях санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 3. С. 54—83.
9. *Казанцев С.В.* Антироссийские санкции — вчера и сегодня // ЭКО. 2015. № 3. С. 63—78.
10. *Капканников С.Г.* Бюджетное правило в деструктивной либералистской концепции бюджетной трехлетки — 2021—2023 // Российский экономический журнал. 2020. № 6. С. 49—69.
11. *Капканников С.Г.* К дискуссии о результативности антироссийских санкций // Философия хозяйства. 2025. № 3. С. 145—164. DOI: 10.5281/zenodo15424432.
12. *Капканников С.Г.* Коронакризис в механизмах циклического развития мировой и российской экономик // Российский экономический журнал. 2021. № 4. С. 3—33.
13. *Капканников С.Г.* «Русская болезнь» как этап эволюции эффекта Гронингена // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 41—63.
14. *Капканников С.Г., Капканникова С.В.* Экономика стран-санкционеров в российской ловушке большой страны // Международная экономика. 2024. № 2. С. 96—111.
15. *Лебедев А.С.* Антироссийские санкции в глобальной экономической войне // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 6. С. 26—35.
16. Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье: Доклад НИУ ВШЭ. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2024. 162 с.
17. *Недзвецкая Н.П.* Экономика России в новой реальности // Философия хозяйства. 2024. № 4. С. 265—278. DOI: 10.5281/zenodo12188959.

18. Нестулаева Д.Р. Экономические санкции коллективного Запада как катализатор процесса обеспечения технологического суверенитета российской экономики // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12. № 4. С. 105—111.
19. Плотников А.В. Пути преодоления современной санкционного кризиса в России // Экономическое возрождение России. 2022. № 4. С. 132—138.
20. Романова О.А., Сиротин Д.В., Пономарева А.О. От экономики сопротивления — к резильентной экономике (на примере промышленного региона) // AlterEconomics. 2022. № 4. С. 620—637.
21. Ситкевич Д.А., Стародубровская И.В. Кратко- и долгосрочные последствия санкций: опыт Ирана и Югославии // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 77—98.
22. Смирнов Е.Н. Эволюция международной практики применения антироссийских экономических санкций // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 7—35.
23. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д., Малыгин В.Е. Проблема экономической устойчивости в условиях санкций: опыт Ирана и риски для России: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2023. 54 с.
24. Экономика России под санкциями: от адаптации к устойчивому росту. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. 62 с.

References

1. Arhipova V.V. Sovremennyj sankcionnyj rezhim v otnoshenii Rossii: harakteristika i global'nyj aspekt // Mir novoj ekonomiki. 2017. № 2. S. 13—19.
2. Afoncev S.A. Politicheskie paradoksy ekonomicheskikh sankcij // ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii. 2022. № 3. S. 193—198.
3. Ahapkin N.Yu. Rossijskaya ekonomika v usloviyah sankcionnyh ograni-chenij: dinamika i strukturnye izmeneniya // Vestnik Instituta ekonomiki RAN. 2023. № 6. S. 7—25.
4. Buklemishev O.V. Faktory «voennogo kejnsianstva» v sovremennoj eko-nomiceskoy politike Rossii // Voprosy ekonomiki. 2024. № 11. S. 5—17.
5. Golikova V.V., Kuznecov B.V. CHto den' gryadushchij nam gotovit: po komu udaryat sankcionnye ogranicheniya na postavki importnogo oborudovaniya? // ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii. 2023. № 3. S. 187—196.

6. *Gorodeckij A., Ziyadullaev N.* Transformaciya ekonomiki i obshchestva: prioritety nacional'noj bezopasnosti i rossijskie realii // Obshchestvo i ekonomika. 2019. № 9. S. 5—19.
7. *Zajcev YU.K., Loshchenkova A.N.* Vliyanie sankcij na vyruchku rossijskih kompanij // ZHurnal Novoj ekonomiceskoy associacii. 2024. № 2. S. 57—74.
8. *Zemcov S.P., Voloshinskaya A.A.* Ustojchivost' k shokam regionov Rossii v usloviyah sankcij // ZHurnal Novoj ekonomiceskoy associacii. 2024. № 3. S. 54—83.
9. *Kazancev S.V.* Antirossijskie sankcii — vchera i segodnya // EKO. 2015. № 3. S. 63—78.
10. *Kapkanshchikov S.G.* Byudzhetnoe pravilo v destruktivnoj liberalist-skoy koncepcii byudzhetnoj trekhletki — 2021—2023 // Rossijskij ekonomiche-skij zhurnal. 2020. № 6. S. 49—69.
11. *Kapkanshchikov S.G.* K diskussii o rezul'tativnosti antirossijskih sankcij // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 3. S. 145—164. DOI: 10.5281/zenodo15424432.
12. *Kapkanshchikov S.G.* Koronakrizis v mekhanizmakh ciklicheskogo razvitiya mirovoj i rossijskoj ekonomik // Rossijskij ekonomiceskij zhurnal. 2021. № 4. S. 3—33.
13. *Kapkanshchikov S.G.* «Russkaya bolezn'» kak etap evolyuции effekta Gro-ningena // Rossijskij ekonomiceskij zhurnal. 2022. № 4. S. 41—63.
14. *Kapkanshchikov S.G., Kapkanshchikova S.V.* Ekonomika stransankcionerov v rossijskoj lovushke bol'shoj strany // Mezhdunarodnaya ekonomika. 2024. № 2. S. 96—111.
15. *Lebedev A.S.* Antirossijskie sankcii v global'noj ekonomiceskoy vojne // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2022. № 6. S. 26—35.
16. Mir v labirinte sankcij: promyshlennaya politika na pereput'e: Doklad NIU VSHE. M.: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2024. 162 s.
17. *Nedzveckaya N.P.* Ekonomika Rossii v novoj real'nosti // Filosofiya hozyajstva. 2024. № 4. S. 265—278. DOI: 10.5281/zenodo12188959.
18. *Nestulaeva D.R.* Ekonomiceskie sankcii kollektivnogo Zapada kak ka-talizator processa obespecheniya tekhnologicheskogo suvereniteta rossijskoj ekonomiki // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tekhnologij. 2023. T. 12. № 4. S. 105—111.
19. *Plotnikov A.V.* Puti preodoleniya sovremennoj sankcionnogo krizisa v Rossii // Ekonomiceskoe vozrozhdenie Rossii. 2022. № 4. S. 132—138.

20. *Romanova O.A., Sirotin D.V., Ponomareva A.O.* Ot ekonomiki sopro-tivleniya — k rezil'entnoj ekonomike (na primere promyshlennogo re-giona) // *AlterEconomics*. 2022. № 4. S. 620—637.
21. *Sitkevich D.A., Starodubrovskaya I.V.* Kratko- i dolgosrochnye posledstviya sankcij: opyt Irana i Jugoslavii // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. 2022. № 3. S. 77—98.
22. *Smirnov E.N.* Evolyuciya mezhdunarodnoj praktiki primeneniya anti-rossijskih ekonomiceskikh sankcij // *Rossijskij vnesheekonomiceskij vestnik*. 2022. № 4. S. 7—35.
23. *Smorodinskaya N.V., Katukov D.D., Malygin V.E.* Problema ekonomiche-skoj ustojchivosti v usloviyah sankcij: opyt Irana i riski dlya Rossii: Nauchnyj doklad. M.: Institut ekonomiki RAN, 2023. 54 s.
24. Ekonomika Rossii pod sankciyami: ot adaptacii k ustojchivomu rostu. M.: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2023. 62 s.

С.М. АРАКЕЛЯН, М.Л. АЛЬПИДОВСКАЯ, Д.Н. БУХАРОВ,
Д.П. СОКОЛОВ

**Предсказательное моделирование и прогнозирование
социально-экономического развития современной России***

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются существующие социально-экономические проблемы современной России в аспекте инфраструктурного управленческого ландшафта по различным направлениям — от науки и образования до экономики и политики. Проведен анализ происходящих текущих процессов и их следствий, представлена попытка выявления их причин и истоков на основе методов предсказательного моделирования и прогноза комплексных нелинейных динамических процессов в российской реальности социально-экономического развития. В качестве примера использования комплексного подхода к исследованию реальных социально-экономических процессов представлена модель процесса стимулирования развития экономики в условиях образования высокотехнологичных технопарковых зон/кластеров в Рос-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Аракелян С.М., Альпидовская М.Л., Бухаров Д.Н., Соколов Д.П. Предсказательное моделирование и прогнозирование социально-экономического развития современной России // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 156—175. DOI: 10.5281/zenodo.17780629.

ции на разных территориях. Смоделированы возможные векторы трансформации мировой экономической системы. На основе исходных подходов и методов анализа обозначены некоторые рекомендации в рамках иллюстративных моделей.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, инновации, предсказательное моделирование, динамические модели, экономика России.

Abstract. This article examines the existing socio-economic problems of modern Russia in the aspect of the infrastructure management landscape in various fields, from science and education to economics and politics. It analyzes the ongoing processes and their consequences, and attempts to identify their causes and origins using predictive modeling and forecasting methods for complex nonlinear dynamic processes in the Russian reality of socio-economic development. As an example of using a comprehensive approach to studying real socio-economic processes, the article presents a model of the process of stimulating economic development in the context of the formation of high-tech technology parks/clusters in Russia in different territories. Possible vectors of transformation of the global economic system have been modeled. Based on the initial approaches and analysis methods, some recommendations are outlined within the framework of illustrative models.

Keywords: socio-economic development, innovation, predictive modeling, dynamic models, Russian economy.

УДК 330
ББК 65

Введение

Одной из базовых проблем управления социально-экономическим развитием современной России фактически во всех сферах — от реального сектора экономики до науки и образования, а также систем управления и власти — состоит в рассмотрении следствий и текущих процессов, а не исходных причин и требуемого реального конечного результата и его декларирования. При этом практически отсутствуют предсказательное моделирование и прогноз сложных комплексных нелинейных явлений с обратной связью со скачкообразным развитием и достижением конечных результатов динамических процессов и оценкой последствий принимаемых решений. В лучшем случае наблюдается оперирование индексами и показателями, с селективно выбираемыми статистикой и относительными процентами, в том числе по росту фактуры от

ранее достигнутого результата, но часто без абсолютных цифр и количественных значений, только и имеющих реальный смысл. И по этим данным формируются рейтинги, на основе которых принимаются якобы значимые содержательные решения даже с выделением немалого финансового обеспечения по профильной деятельности разных структур.

При этом бюрократия достигла небывалых уровней охвата, когда под каждую возникающую в стране проблему создается новое государственное ведомство со своей кадровой инфраструктурой и индустрией и множеством аналитических центров, деятельность которых сводится к уровню формирования мер регулирования, но не к уровням исполнения и контроля, что требует, в свою очередь, полномасштабного внедрения аудита эффективности бюджетных расходов и аудита эффективности самого аппарата управления. При этом роль государства в России, по сути, уменьшается с передачей его полномочий бизнесу. Даже Центральный банк, являясь мегарегулятором, при осуществлении денежно-кредитной политики руководствуется своими обоснованиями вне приоритетов социально-экономического развития страны.

Современные принципы государственного управления в Российской Федерации основываются преимущественно на перераспределении финансовых потоков как на практически достаточной основе для решения любой управленческой задачи. И это провозглашается без реального и обоснованного учета требуемых затрат и конечных достижений, включая случаи дополнительных выплат населению и всяких налоговых вычетов по разным номинациям. Такая чрезмерная финансизация увязывается с ценностными приоритетами деятельности, в качестве которых сегодня выступают торговля, сфера услуг и процентная выручка банковского сектора, а также вытесняющая реальность рекламно-иллюзионистская деятельность, формирующая в качестве ведущих приоритетов максимизации личной выгоды и богемно-блогерского образа жизни и потребления. Подобные ложные ориентиры сопровождаются значительным социальным расслоением населения при крайне малой по численности прослойки населения, которую можно определить термином «интеллигенция». Тем самым значительную роль в обществе по-прежнему играют ценности западного общества потребления, а отечественные традиции и культурные ценности получают распространение скорее директивное и оттого поверхностное, ввиду отсутствия реального экономического базиса (который, напротив, имеется у вестернезированного потребительства) для их естественного расширения.

Предсказательная модель процесса стимулирования развития экономики

В настоящее время при принятии управлеченческих решений довольно редко используются основы системного комплексного научного анализа и прогнозирования для принятия юридически обоснованных конкретных практических решений социально-экономического развития страны. Речь идет, например, об исходной иллюстративной аналитической карте для последующего принятия ответственных решений на основе объективных цифровых данных и объективной статистики, в частности для конкретной проблемы обеспечения жизнедеятельности населения при многофакторном взаимодействии параметров в условиях реализуемых комплексных социально-экономических взаимоотношений в обществе.

Для этого существуют простые методы быстрого анализа реализующихся связей с обратной связью с влиянием ключевых параметров в такой востребованной программе, какой являются мероприятия, например, социальной помощи с учетом ряда выбираемых факторов: численности населения, обеспеченности его продуктами питания, развитием скотоводства, состоянием окружающей среды с водными ресурсами, наличием лесов и травяных угодий и их регулированием в конкретных климатических условиях на территориях. И такой анализ с принятием обоснованных управлеченческих решений должен проводиться для каждого ареала проживания человека с выбираемыми его приоритетами для развития и возможными оценками неоднозначных последствий регулирования со стороны властных структур с приемлемыми рисками и процедурами их снижения.

Простейшие, легко доступные универсальные инструменты для подобного анализа и для других задач в едином комплексе (магистерского уровня) включают в себя:

а) *Vensim* — это, по сути, графическое приложение для изображения CLD (Causal Loop Diagram) по некоторым правилам для определения связей и корреляций разных ключевых характеристик анализируемых процессов;

б) *Stella* — это главная программа, в которой и строится модель для выявления развития динамических процессов с этими выбираемыми параметрами по отдельности или во всей совокупности переменных.

Итог такого подхода с проводимым анализом — экспертное исследование и рекомендации для конкретных потребителей-заказчиков разных уровней и функционала с соответствующими кейсами возможных возникающих проблем в реальных событиях и формулированием

задач для их управленческого разрешения. А у нас говорят о переизбытке и ненужности обучения в вузах экономистов и юристов [8] без констатации принципиального требования к их полноценному качественному образованию с профессиональной востребованностью в обществе. И поэтому во власти сейчас не редкость нахождение непрофессиональных чиновников с каким-то другим функционалом.

Уместно напомнить, что до сих пор в России есть компетентные представители выдающейся научной школы лауреата Нобелевской премии по экономике 1975 г. академика Л.В. Канторовича (1912—1986 гг.), который получил эту премию за оптимальное распределение ресурсов [16]. При этом весьма символично, что академик Канторович был математиком и создал такой современно востребованный научный раздел, как линейное программирование. Оно является базисом для ряда направлений и используется для разных задач моделирования, в том числе и в социально-экономической сфере с финансовой оптимизацией.

В данном аспекте целесообразно широко внедрять разрабатываемые на этих принципах разные модели и подходы в реализации экономических планов развития страны, в частности с опережающими зонами развития с определенным высокотехнологичным производством и прорывными технологиями. Это и позволяет делать конструктивный и реальный прогноз, хотя данный процесс системного анализа представляет довольно сложную многофакторную проблему по содержательному существу, далеко не сводящуюся только к размерам финансирования. Он требует компетентного профессионального подхода с соответствующим кадровым обеспечением, чему и надо обучать молодежь для последующего ее вхождения в управленческую систему государства.

Проиллюстрируем рамочно данную концепцию описанием с помощью следующих математических образов.

Модель процесса стимулирования развития экономики в условиях образования высокотехнологичных технопарковых зон/кластеров в России на разных территориях может быть рассмотрена как процесс инновационного развития в рамках ряда общих математических подходов на основе распространения инноваций, в частности, по диффузионному процессу (см., например, [20; 9]). При этом расчеты выполняются в среде *Matlab* с применением библиотечных функций, реализованных в *MatlabGraphToolbox* [25] и *MatlabLaserToolbox* [9]. Эти подходы широко используются для тренинга студентов при решении практических задач с соответствующими базами данных. Здесь нетрудно также сформулировать универсальные принципы реализации в инфраструктурном фор-

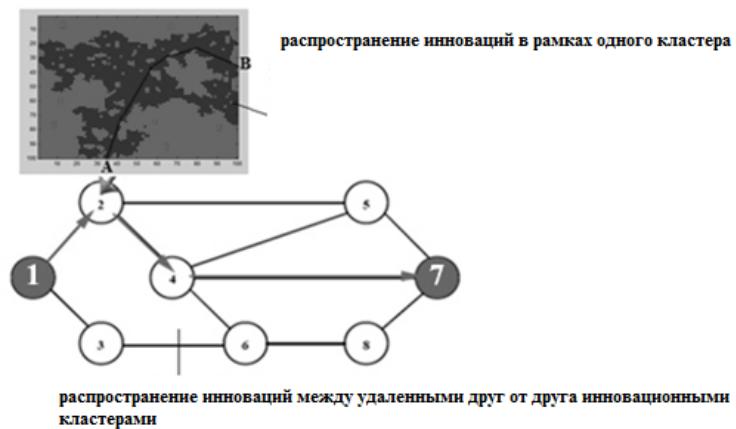
мате, определяющем подобное научное рассмотрение и анализ с формированием прогноза на уровне соответствующих аналитических соотношений с численными параметрами для динамических переменных.

В этом случае характер процесса диффузии инноваций определяется взаимодействием между потребителями, уже воспринявшими данную инновацию, и оставшейся частью потенциальных потребителей. На эту среду таких объектов воздействует энергия (инновация), распространяющаяся от эпицентра к периферии. Таким образом, модельная картина явления аналогична процессам взаимодействия между объектами, диффузии признака между ними и затуханием его распространения из-за ограниченности ресурсов. Очевидно, что адекватность данной модели связана с учетом также распределения восприимчивости потребителей к инновациям с соответствующим темпом восприятия их полезных свойств — новых технологий, продуктов и услуг, со стимулированием потребителей к их внедрению по разным причинам (ср. с подходами в [9; 18]). Все это позволяет анализировать инновационные процессы как решение задач оптимизации.

Мы не будем выписывать реальных специализированных интегрально-дифференциальных уравнений с несколькими переменными и приводить результаты их решения, в том числе и в виде наглядных операционных карт со связями отдельных их элементов/кластеров при функционировании технопарковой зоны как единой целостной инфраструктуры. Остановимся только на качественных комментариях по результатам данного моделирования с распределением фиксированных инновационных зон с их взаимодействием. Однако это имеет самое прямое отношение к состоянию и процессам в макро- и микроэкономике в стране. Действительно, по актуальной проблеме, когда санкции затронули к настоящему времени порядка 30 тыс. номинаций, вопрос заключается не в таких удивительных цифрах, а в том, почему такая масса продукции не производилась у нас и/или отсутствовали необходимые инновационные механизмы их производства. Возможные подходы в рамках простых моделей для кардинального изменения данной ситуации и рассматриваются далее.

В частности, оказывается возможным рассмотреть ключевые параметры их функционирования: размер привлекаемых инвестиций, конкретную область расположения с производством комплектующих изделий с ограничениями по расстоянию вспомогательных объектов от исходного центра технологической и производственной активности при функционировании требуемого специализированного относительно автономного ареала технопарковой зоны [15].

Так, для описания процесса распространения инноваций для наглядности полезно применить совмещенную диффузионно-графовую модель (рис. 1). Данная иллюстративная модель позволяет оценивать процесс инновационного развития одновременно на разных уровнях локализации — как в рамках отдельно взятого инновационного кластера, так и в связи между удаленными кластерами при их взаимодействии.

Примечание: сверху показан конкретный пример пути ее распространения А—В; внизу приведена схема для удаленных кластеров с последовательными траекториями реализации взаимодействия через посредников 1—2—4—7 (отмечено стрелками) при наличии других объектов (3, 5, 6, 8) на территории, не вовлеченных в данный процесс инновационного производства [6].

Рис. 1. Схема диффузионно-графовой модели распределения инноваций на территории в рамках одного кластера

В этом подходе распространение инноваций в рамках отдельно взятого кластера может быть описано через уравнение диффузии, решаемое методом клеточного автомата [24; 21] с учетом агент-ориентированного подхода. В этом случае кластер, в котором распространяется инновация, представляется квадратом с нанесенной сеткой, в ячейках которой располагался агент с заданным состоянием, которое описывается маркерами: 0 — готов принять инновацию; 1 — принял инновацию; 2 — не готов принять инновацию. В качестве начальных условий задаются тогда три типа разных объектов, а именно: потенциально восприимчивые к инновации, уже принявшие ее и неготовые принять инновацию.

Причины такого поведения этих объектов должны анализироваться отдельно на основе социально-экономических и финансовых условий на территории.

Формальное рассмотрение процесса распространения инноваций производится в рамках алгоритма с так называемой окрестностью *Мура* порядка 1 в соответствии со следующим правилом [17]: 1) если у ячейки с маркером 0 есть сосед с маркером 1, то с вероятностью β ее маркер меняется на 1 (восприимчивый объект при контакте с воспринявшим инновацию объектом с вероятностью β получает ее); 2) ячейка с маркером 2 при наличии соседа 1 не меняет свое значение на 1; 3) если ячейка имеет маркер 1, то она также не меняет свое состояние (инновация не устаревает). Параметр β описывает способность агента принять инновацию (показатель инновационности). Данный подход аналогичен формализму термодинамики при решении уравнения распространения тепла в условиях определенной теплопроводности материала, реализованного в *MatlabLaserToolbox*.

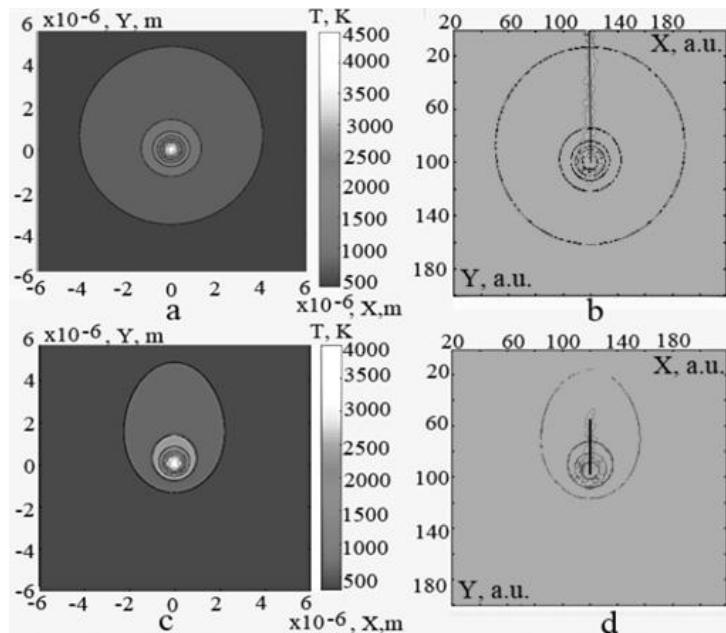
В рамках такой обобщенной универсальной модели основными параметрами будут являться три величины: способность среды воспринимать инновации — α , темп/скорость передачи инноваций — v и инновационная производительность источника инноваций — T .

На рис. 2 приведена данная модель распространения инноваций на территории (координаты X, Y) для разных значений обозначенных относительных параметров (мы опускаем детали и используемые системы единиц): на рис. 2a, b рассматривается меньшая скорость распространения инновации с более высокой инновационностью. На рис. 2c, d — случай с большей скоростью распространения инновации, но с меньшей инновационностью.

Таким образом, можно охарактеризовать кластер охваченной инновацией территории (рис. 1), а выделение кратчайшего расстояния/времени для ее достижения (рис. 1 — линия А—В), реализуется волновым алгоритмом Ли [13] между заданными точками, что позволяет оценить эффективный путь распространения инновации. Предложенный подход позволяет рассмотреть распространение инноваций в рамках отдельно взятой территории.

С другой стороны, для оценки процесса распространения инноваций между удаленными инновационными кластерами применяется подход, в рамках которого инновационное взаимодействие представляется как случайный взвешенный ориентированный математический образ — граф [4] без петель/пересечений, где кластеры — множество вершин, а дуги — возможные потоки инноваций между ними, веса w_{ij} описывают

характеристики инновационного потока между i и j кластерами и оцениваются на основе гравитационной модели [10] как $w_{ij} = d_{ij}^2/p_i p_j$, где p_i, p_j — инновационные индексы кластеров i и j , соответственно; d_{ij} — расстояние между ними. При этом обозначенные веса пропорциональны расстояниям между кластерами.

Примечания: для меньшей скорости распространения инновации с более высокой способностью объекта воспринимать инновацию: оценка степени инновационности — показана кругами с источником инновации в центре (а); соответствующая фигура распространения инновации — по линейной траектории (б); случай с большей скоростью, но меньшей способностью объекта воспринимать инновации: оценка степени инновационности (с); соответствующая фигура распространения инновации (д) [6].

Рис. 2 Модель распространения инноваций в рамках одного кластера

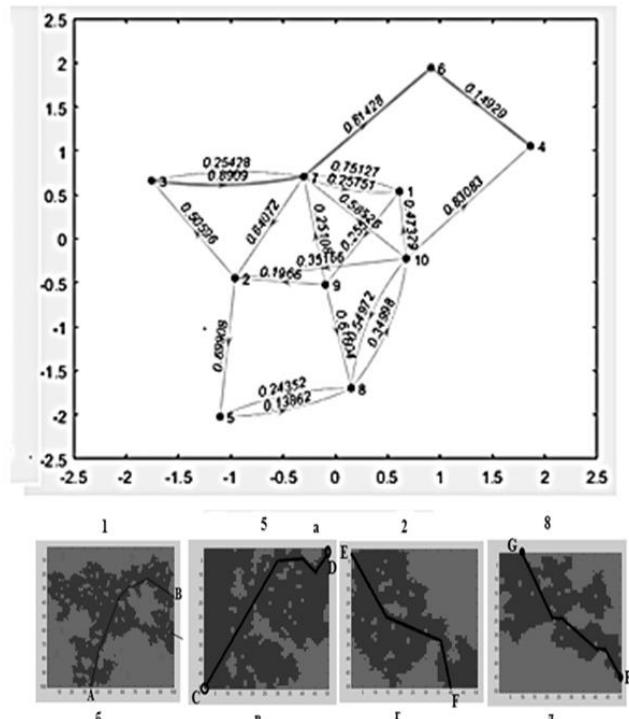
Для оценки инновационных потоков вычисляется кратчайшее расстояние с минимальным весом между интересующими вершинами-

кластерами с использованием метода Беллмана—Форда [12] (на рис. 1 переход 1—7). Таким образом, можно оценить минимальный поток инноваций. С другой стороны, задав величины, обратные весам, можно оценить уровень максимальных инноваций между указанными кластерами. Аналогично, оценив степени вершин построенного графа, можно определить кластеры с наибольшей степенью экспорта или импорта инноваций.

Предложенные модели были реализованы в среде MATLAB по причине наличия в ней специализированных инструментов, обеспечивающих удобную работу с графами (Graph Toolbox) и обработку результатов расчетов (рис. 3).

При этом данное рассмотрение оперирует не только с самим производством в обрабатывающей отрасли в этой зоне, но и учитывает области локализации (с выполнением требований по времени их создания и к расстоянию от базовой зоны) вокруг нее с необходимым обеспечением ресурсами и источниками в общем виде многопараметрической задачи. Здесь оказывается возможным анализ распространения по территории этого ареала с соответствующим временным интервалом производства конечного изделия с необходимыми комплектующими. Это позволит управлять в итоге производством продукции в рамках динамических процессов с конкретными инновациями с учетом потребляемых компонент и темпа/быстроты их использования. Конечный результат — получается оценка эффективности замкнутого процесса со скоростью внедрения инноваций на территории в формате производства сложного комплексного изделия.

Поскольку обозначенные используемые методы и подходы являются достаточно универсальными, они также реализуются, по крайней мере, на начальном этапе развития для многих процессов с учетом определенных специфических условий. Конкретная прогнозная карта с реальными параметрами для представления цифровой иллюстрированной фактуры для таких процессов требует учета соответствующей аналитической базы данных и представляет собой отдельную непростую задачу для каждого рассматриваемого случая. Однако в итоге можно сформировать полезную возможную получаемую качественную картину процесса в общем виде для модельной задачи возникающего ансамбля разного типа инновационных ареалов (узлов) выбираемого профиля на определенной территории.

Примечания: случайный граф распространения инноваций с выделенным кратчайшим расстоянием между кластерами 1—8 (а) — относительные цифры определяют выполненный конкретный расчет; диффузионное распространение инноваций в кластере 1 и кратчайшее расстояние между произвольными точками — путь А—В (б); диффузионное распространение инноваций в кластере 5 и кратчайшее расстояние между произвольными точками — путь С—Д (в); диффузионное распространение инноваций в кластере 2 и кратчайшее расстояние между произвольными точками — путь Е—Ф (г); диффузионное распространение инноваций в кластере 8 и кратчайшее расстояние между произвольными точками — путь Г—Ф (д) [6].

Рис. 3. Результаты моделирования

Принципиально необходимо подчеркнуть, что использование рассматриваемых геометрических образов позволяет решать задачу построения, в частности, траекторий взаимодействия разных объектов в

рамках волнового алгоритма распространения инноваций. При этом удаётся в таком перколяционном кластере определять фиксированные направления обмена продукцией между ареалами разного профиля в данной зоне и оптимизировать структуру рассматриваемого высокотехнологичного кластера [5]. Здесь учитываются также траектория прохождения и затрачиваемое время для производимой продукции с оценкой эффективности кооперации между выбранными и требуемыми специализированными предприятиями.

Анализ такой картинки может использоваться для оптимизации технологических и производственных связей между профильными объектами в разных многокомпонентных системах с многофакторной ролью этих объектов в зависимости от решаемых задач и требуемых достижений. При этом важно подчеркнуть, что речь здесь идет не обязательно о последовательном непрерывном процессе взаимодействия субъектов производственного процесса, а о подходах со скачками с опережающим развитием в определенных объектах, когда можно обгонять во внедрении перспективных технологий и производства на новых принципах, минуя этапы достижения уже освоенных ранее результатов [14]. Это и есть реализации конкурентного подхода.

Моделирование векторов трансформации мировой экономической системы

Приведем качественный анализ универсальных схем реализации геополитики в мире в формализме азов нелинейной динамики в рамках агрегированных моделей [23].

Речь идет об идеологическом базисе политэкономических моделей устойчивости многофакторной динамической системы в зависимости от управляющих параметров воздействия на нее. Эти параметры могут определяться дополнительными внешними условиями (в частности, критическим воздействием) для рассматриваемого ансамбля состояний групп агентов-стран в системе, в том числе часто за пределами логики взаимоотношений, сложившихся в группе стран. При этом рассмотрение необходимо, очевидно, проводить в рамках использования стабильного развития на основе фундаментальных концепций с достижениями науки, образования и технологий. Однако в настоящее время все больше распространяются иллюзорные вечные попытки их трансформации непонятно в каком формате. Речь идет якобы о причине быстро изменяющегося высокотехнологического ландшафта и новых условий для обеспечения социально-экономического развития, которые проповедуются современными чиновниками на разных уровнях власти со ссылкой на минимальные требования быстро изменяющихся приоритетов в бизнесе.

Кратко рассмотрим проекцию на мировой порядок — геополитику, ключевых стран — игроков современного состояния в мире при взаимодействии разных стран в рамках ряда вариантов их консолидации [11].

1. Однополярный мир со страной-гегемоном — самый простой случай интерпретации состояний системы с входящими (а) и исходящими (б) ресурсами, фокусируемыми у гегемона — и в аспекте экономических взаимоотношений, и политического давления на другие страны.

При этом в случае (а) имеем устойчивый узел с концентрацией позиций в одном центре: гегемон-центр все тянет на себя и озабочен собственным устойчивым развитием в условиях окружающих его сателлитов.

Для (б) реализуется неустойчивый узел с выходом активности вовне. Он эффективен для давления на других, но если ресурсы по разным номинациям у гегемона ограничены, то он может потерять свое лидерство. В этом аспекте диктаторский режим устойчив до определенного времени с совокупностью агентов под его влиянием — в проекции на страны-агенты реализуется однополюсная структура мирового порядка в интересах гегемона. Она стабильна. Нынешняя ситуация с мировой ролью США по факту складывающихся отношений с ними у разных стран весьма близка к такой модели.

2. Другая ситуация возникает для двуполярного мира, который в научном аспекте является наиболее стабильным по организации в разных областях реализации — в науке, политике, экономике, социальной сфере, а также в общественно-политэкономических отношениях, включая гендерные взаимоотношения в обществе.

В таком bipolarном стабильном мире с двумя полюсами притяжения (+1) и (-1) речь идет, математически, о фрактальной двумерной функции Уолша, являющейся кусочно-постоянным образом с двумя разными центрами притяжениями: (+1) и (-1). Принципиальным, однако, является вопрос: каково их взаимодействие друг с другом в разных условиях — конструктивное сотрудничество и/или соперничество, доходящее до враждебности? При этом возможно обеспечение стабильности и иерархического управления со стороны каждого полюса/центра по отношению к другим агентам под его влиянием, но одновременно — с устойчивым взаимодействием этих двух полюсов притяжения друг с другом на компенсационной основе.

Данная конфигурация устойчива с определенным распределением агентов под влиянием каждого полюса, и здесь может реализоваться стабильность в динамике управления состоянием многоагентной

системой как в сфере влияния каждого полюса, так и с перетоком агентов между ними.

Это является, по-видимому, наиболее приемлемым для нас вариантом, если только Россия сможет стать одним из таких полюсов притяжения для остального мира. Исторически так и было в послевоенный период XX в. в формате мирного сосуществования СССР—США. Но сейчас, возможно, сложится новая комбинация — КНР—США, и тогда возникает вопрос: где же будет Россия? Проблема последних десятилетий для России — в какую geopolитическую систему она встраивалась (в отличие от Китая, который занимался достижением своего лидерства в условиях «мирного» времени) — ориентировалась на модель с гегемоном США? Основа для мирового лидерства России была утеряна, несмотря на военную мощь государства, неотъемлемо связанную с политэкономическим состоянием в стране, имеющимся у нее базисом и его влиянием на мир.

3. Многополярная система. Такой миропорядок в научном аспекте анализа устойчивости динамических систем далеко не является однозначно устойчивым. Он может разбиваться на ряд фрагментов с разными функциональными конфигурациями центров консолидации и с меняющимся составом участников вокруг них с разной степенью их адекватности к возникающим сформировавшимся центрам консолидации — полюсам при изменяющихся обстоятельствах. Здесь надо быть реалистом в оценке мировых перспектив и влияния на мир таких объединений, как БРИКС, и прочих конфигураций, даже СНГ, ОДКБ и др. — в отсутствие единых идеологий и традиций. (Например, после того как Трамп негативно высказался о планах БРИКС создать единую валюту, эта тематика исчезла с повестки дня.)

Геометрический образ такой конфигурации — сепаратриса — представляет многофокусную систему на разных уровнях удаленности от локальных центров консолидации в виде растянутых по времени замкнутых траекторий активности вокруг них, но в единой динамической системе функционирования по перемещениям как по ним, так и между ними. Происходит непрерывная перегруппировка участников с локальными центрами устойчивости, с одной стороны, в равновесные состояния. Но, с другой стороны, может происходить переход с перескоком участников между разными — даже враждебными — полюсами. Поэтому для такого мультиагентного управления возможна реализация реальной хронической нестабильности с меняющейся группировкой разных агентов в определенных комбинациях вокруг локализованных фрагментарных центров с несовпадающими интересами и их противоречиями. Это характеризует в целом нестабильную систему, которая может

трансформироваться в один из вышеназванных двух вариантов на определенном промежутке времени при изменяющихся обстоятельствах. Но поскольку нет единого удерживающего полюса притяжения агентов, то сами эти полюсы также могут меняться, а процесс развивается по локальным групповым состояниям. При этом подобные делокализованные процессы часто носят пороговый характер при достижении определенных «красных линий».

Общий вывод по обозначенным трем конфигурациям взаимодействия агентов-государств базируется на очевидном представлении о невозможности управления динамическими процессами, основываясь на их фиксированных состояниях — по стационарным точкам. Это давно известно для динамических систем еще со времен Древней Греции — парадоксов Зенона, сформулированных приблизительно в период 490 до н. э. [22].

Для России особенно принципиально, что нельзя все время догонять и быть «passive», а не «active» даже в ситуациях по аналогии с действиями в терминах западной толерантности. Надо предсказательно моделировать в рамках бифуркационных скачкообразных моделей с фрактальной топологией в формируемых конфигурациях государств и с кинетикой развития динамической многокомпонентной нелинейной системы с обратной связью со скачкообразным развитием, реализуя принцип «перегонять, не догонять». Это и должно быть вызовом и ориентиром для нас.

Заключение

Подводя итоги, в целях ускорения социально-экономического развития России необходимо внедрение в системе государственного управления политэкономического предсказательного моделирования стратегии развития государства с научно обоснованным прогнозом в условиях современного миропорядка и нового мироустройства — на опережение, а не на реагирование и нейтрализацию внешних неблагоприятных условий в малоакцентированном режиме.

В экономическом аспекте требуется управленческое усиление роли государства во всех сферах, а не порочная тотальная приватизация всего в угоду экономическим интересам трансграничного бизнеса. При этом вызывают большие сомнения всякие аналитические оценки по категориям трудоспособного населения и рабочей силе, да еще с выводом о необходимости привлечения малоквалифицированных иммигрантов на подсобные виды работ. В то же время необходимо приложить усилия

в политическом мировом ландшафте и проявить мудрость для достижения цели нового мицоустройства в интересах России путем переговоров — Китай, Россия, США.

В заключение следует отметить, что настоящая статья продолжает исследования авторов, посвященных поиску путей повышения эффективности социально-экономического развития нашей страны [1; 2; 3; 19; 7].

Литература

1. Альпидовская М.Л., Аракелян С.М., Бухаров Д.Н., Трифонова Т.А. Модели развития мобилизационной экономики: существующая практика и роль научно-образовательного сообщества // Теоретическая экономика. 2022. № 12 (96). С. 45—65.
2. Альпидовская М.Л., Аракелян С.М., Соколов Д.П. Цивилизационный аспект стратегии прорывного социально-экономического развития России: противоречия и тенденции // Философия хозяйства. 2025. № 2. С. 84—106. DOI: 10.5281/zenodo.15148536.
3. Аракелян С.М., Бухаров Д.Н. Математическое моделирование диффузии инноваций в контексте анализа угроз национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 3. С. 1467—1494. DOI: 10.18334/vinec.10.3.11045.
4. Баканова С.А. Графоаналитическая модель распространения знаний в организациях // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Сер. Экономические науки. 2015. № 1 (211). С. 189—196.
5. Брутян М.М. Проблема формирования инновационных кластеров как инструментов институционального и промышленного развития региональной экономики // Вестник евразийской науки. 2020. № 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-innovatsionnyh-klasterov-kak-instrumentov-institutsionalnogo-i-promyshlennogo-razvitiya-regionalnoy> (дата обращения: 15.07.2025).
6. Бухаров Д.Н. Диффузионно-графовая модель инновационных процессов // Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: Материалы IV Международной научной интернет-конференции: В 2 ч. Вологда, 15—19 июня 2020 г. Ч. I. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2020. С. 68—72.
7. Бухаров Д.Н. Моделирование и оценка инновационного развития региона // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция

«Сорокинские чтения»: Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2021. 1241 с.

8. В РФ почти половина студентов-платников обучаются на юристов и экономистов // ТАСС: URL: <https://tass.ru/obschestvo/23793929> (дата обращения: 15.07.2025).
9. *Деарт Ю.В., Цым А.Ю.* Полная модель диффузии инноваций как основа долгосрочного прогноза оптимальных темпов их внедрения // Т-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2016. Т. 10. № 8. С. 41—45.
10. *Дмитриев Ю.А., Шустров Л.И.* Роль кластера в развитии инновационной экономики региона // Федерализм. 2012. № 3. С. 141—149.
11. *Ивашов Л.Г.* Геополитика и современный политический процесс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 10 (749). С. 153—166.
12. *Иглин С.П.* Математические расчеты на базе MATLAB. СПб.: БХВ-Петербург, 2005. 634 с.
13. *Козадаев А.С., Дубовицкий Е.В.* Реализация волнового алгоритма для определения кратчайшего маршрута на плоскости при моделировании трасс с препятствиями // Вестник Томского государственного университета. 2010. Т. 15. Вып. 6. С. 1926—1931.
14. *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Национальная стратегия инновационного прорыва // Экономика и управление. 2006. № 5. С. 2—8.
15. *Лапина М.С.* Формирование и развитие инновационных кластеров как инструмента инновационной деятельности региона // Вестник ВолГУ. Сер. Экономика. 2021. № 2. С. 42—56.
16. Леонид Витальевич Канторович — человек и учений: В 2 т. / Ред.-сост. В.Л. Канторович, С.С. Кутателадзе, Я.И. Фет. Новосибирск: Изд-во СО РАН, Фил. «Гео», 2002—2004.
17. *Лобанов А.И.* Модели клеточных автоматов // Компьютерные исследования и моделирование. 2010. № 3. Т. 2. С. 273—293.
18. *Магомедов К.А.* Пространственная модель распространения социальных и экономических явлений в неоднородном обществе // Инновации и инвестиции. 2020. № 3. С. 41—47.
19. *Махова О.А., Аракелян С.М., Бухаров Д.Н.* Россия в конкурентном мире — внутренние и внешние риски и угрозы стабильности страны (Многофакторные модели развития) // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 14. ч. 1. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества. М., 2019. 937 с.
20. *Мерзликина Г.С., Пшеничников И.В., Жеребов Е.Д.* Диффузия инновационных процессов как основа жизнеспособности регионального инновационного кластера // π -Economy. 2016. № 6 (256). С. 54—63.

21. Нижегородцев Р.М., Секерин В.Д., Лисафьев С.В. Модели клеточных автоматов в теории диффузии инноваций // Вопросы новой экономики. 2012. № 3 (23). С. 39—43.
22. Сафонова Н.В. К апориям Зенона // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Сер. Философия. Политология. Культурология. 2018. № 1. С. 65—73.
23. Соловьев Э.Г. Современная теория geopolитики: между неоклассическим ренессансом и радикальным ревизионизмом // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 3. С. 9—23.
24. Шмидт Ю.Д., Лободина О.Н. О некоторых подходах к моделированию пространственной диффузии инноваций // Пространственная экономика. 2015. № 2. С. 103—115.
25. Römer G.R.B.E., Huis in't Veld A. Matlab Laser Toolbox // Physics Procedia. Vol. 5. P. B. 2010. P. 413—419.

References

1. Al'pidovskaya M.L., Arakelyan S.M., Buharov D.N., Trifonova T.A. Modeli razvitiya mobilizacionnoj ekonomiki: sushchestvuyushchaya praktika i rol' nauchno-obrazovatel'nogo soobshchestva // Teoreticheskaya ekonomika. 2022. № 12 (96). S. 45—65.
2. Al'pidovskaya M.L., Arakelyan S.M., Sokolov D.P. Civilizacionnyj aspekt strategii proryvnogo social'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossii: protivorechiya i tendencii // Filosofiya hozyajstva. 2025. № 2. S. 84—106. DOI: 10.5281/zenodo.15148536.
3. Arakelyan S.M., Buharov D.N. Matematicheskoe modelirovaniye diffuzii innovacij v kontekste analiza ugroz nacional'noj bezopasnosti Rossiskoj Federacii // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2020. Т. 10. № 3. S. 1467—1494. DOI: 10.18334/vinec.10.3.11045.
4. Bakanova S.A. Grafoanaliticheskaya model' rasprostraneniya znanij v organizaciyah // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ser. Ekonomicheskie nauki. 2015. № 1 (211). С. 189—196.
5. Brutyam M.M. Problema formirovaniya innovacionnyh klasterov kak instrumentov institucional'nogo i promyshlennogo razvitiya regional'noj ekonomiki // Vestnik evrazijskoj nauki. 2020. № 1: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-formirovaniya-innovatsionnyh-klasterov-kak-instrumentov-institucionalnogo-i-promyshlennogo-razvitiya-regionalnoy> (data obrashcheniya: 15.07.2025).

6. *Buharov D.N.* Diffuzionno-grafovaya model' innovacionnyh processov // Problemy i perspektivy razvitiya nauchno-tehnologicheskogo prostranstva: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj internet-konferencii: V 2 ch. Vologda, 15—19 iyunya 2020 g. Ch. I. Vologda: Vologodskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk, 2020. S. 68—72.
7. *Buharov D.N.* Modelirovanie i ocenka innovacionnogo razvitiya regionala // Sovremennoe obshchestvo v usloviyah social'no-ekonomiceskoy neopredelennosti. XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya «Sorokin-skie chteniya»: Sbornik materialov. M.: MAKS Press, 2021. 1241 s.
8. V RF pochti polovina studentov-platnikov obuchayutsya na yuristov i ekonomistov // TASS: URL: <https://tass.ru/obshchestvo/23793929> (data obrashcheniya: 15.07.2025).
9. *Deart Yu.V., Cym A.Yu.* Polnaya model' diffuzii innovacij kak osnova dolgosrochnogo prognoza optimal'nyh tempov ih vnedreniya // T-Comm: Telekommunikacii i transport. 2016. T. 10. № 8. S. 41—45.
10. *Dmitriev Yu.A., Shustrov L.I.* Rol' klastera v razvitii innovacionnoj ekonomiki regionala. // Federalizm. 2012. № 3. S. 141—149.
11. *Ivashov L.G.* Geopolitika i sovremennoj politicheskij process // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 10 (749). S. 153—166.
12. *Iglin S.P.* Matematicheskie raschety na baze MATLAB. SPb.: BHV-Peterburg, 2005. 634 s.
13. *Kozadaev A.S., Dubovickij E.V.* Realizaciya volnovogo algoritma dlya opredeleniya kratchajshego marshruta na ploskosti pri modelirovaniyu trass s prepyatstviyami // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. T. 15. Vyp. 6. S. 1926—1931.
14. *Kuzyk B.N., Yakovec Yu.V.* Nacional'naya strategiya innovacionnogo proryva // Ekonomika i upravlenie. 2006. № 5. S. 2—8.
15. *Lapina M.S.* Formirovanie i razvitiye innovacionnyh klasterov kak instrumenta innovacionnoj deyatel'nosti regionala // Vestnik VolGU. Ser. Ekonomika. 2021. № 2. S. 42—56.
16. Leonid Vital'evich Kantorovich — chelovek i uchenyj: V 2 t. / Red.-sost. V.L. Kantorovich, S.S. Kutateladze, Ya.I. Fet. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, Fil. «Geo», 2002—2004.
17. *Lobanov A.I.* Mdeli kletochnyh avtomatov // Komp'yuternye issledovaniya i modelirovanie. 2010. № 3. T. 2. C. 273—293.
18. *Magomedov K.A.* Prostranstvennaya model' rasprostraneniya social'nyh i ekonomiceskikh yavlenij v neodnorodnom obshchestve // Innovacii i investicii. 2020. № 3. S. 41—47.
19. *Mahova O.A., Arakelyan S.M., Buharov D.N.* Rossiya v konkurentnom mire — vnutrennie i vneshnie riski i ugrozy stabil'nosti strany

(Mnogofaktornye modeli razvitiya) // Rossiya: Tendencii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 14. ch. 1. / RAN. INION. Otd. na-uch. sotrudnichestva. M., 2019. 937 s.

20. *Merzlikina G.S., Pshenichnikov I.V., Zherebov E.D.* Diffuziya innovacionnyh processov kak osnova zhiznesposobnosti regional'nogo innovacionnogo klastera // *π-Economy*. 2016. № 6 (256). S. 54—63.
21. *Nizhegorodcev R.M., Sekerin V.D., Lisaf'ev S.V.* Modeli kletochnyh avtomatov v teorii diffuzii innovacij // *Voprosy novoj ekonomiki*. 2012. № 3 (23). S. 39—43.
22. *Safonova N.V.* K aporiyam Zenona // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ser. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 2018. № 1. S. 65—73.
23. *Solov'ev E.G.* Sovremennaya teoriya geopolitiki: mezhdu neoklassicheskim renessansom i radikal'nym revizionizmom // *Vest. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2011. № 3. S. 9—23.
24. *Shmidt Yu.D., Lobodina O.N.* O nekotoryh podhodah k modelirovaniyu prostranstvennoj diffuzii innovacij // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2015. № 2. S. 103—115.

А.В. ОРЛОВ

**Комплексный анализ состояния отрасли промышленности
и рынка реагентов для диагностики *in vitro*
Российской Федерации***

Аннотация. Промышленность реагентов для диагностики *in vitro* является приоритетным направлением технологического сувениритета Российской Федерации, поэтому исследования этой отрасли промышленности и ее рынка в РФ являются крайне важными для развития соответствующей теории. Целью исследования является систематизация знаний о промышленности реагентов для диагностики *in vitro* и ее рынке в РФ. В статье можно ознакомиться с основными сегментами промышленности, количеством отечественных (частных, государственных и некоммерческих) и иностранных

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Орлов А.В. Комплексный анализ состояния отрасли промышленности и рынка реагентов для диагностики *in vitro* Российской Федерации // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.17780699.

(включая крупнейшие транснациональные корпорации) производителей, выпускаемой ими товарной номенклатурой, географической локализацией промышленных мощностей, уровнем технологического развития (по широте товарной номенклатуры) субъектов РФ и различных стран мира, влиянием пандемии COVID-19 на отраслевые показатели, рентабельностью отечественных производителей, финансовыми показателями субъектов РФ, распределением трудовых ресурсов по субъектам РФ, анализом рынка госзакупок, общеотраслевыми проблемами отечественной промышленности и проч. Достоверность полученных научных результатов оценивается посредством анализа действующего законодательства, данных сайтов Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения, Федеральной налоговой службы и Единой информационной системы в сфере закупок. Статья написана на основе диссертационного исследования.

Ключевые слова: промышленность, технологический суверенитет, медицинские изделия, *in vitro*, COVID-19.

Abstract. The industry of reagents for *in vitro* diagnostics is a priority area of the technological sovereignty of the Russian Federation, therefore, research into this industry and its market in the Russian Federation is extremely important for the development of the corresponding theory. The aim of the study is to systematize knowledge about the industry of reagents for *in vitro* diagnostics and its market in the Russian Federation. The article provides information on the main segments of the industry, the number of domestic (private, public and non-profit) and foreign (including major transnational corporations) manufacturers, the product range they produce, the geographic localization of industrial capacities, the level of technological development (by the breadth of the product range) of the constituent entities of the Russian Federation and various countries of the world, the impact of the COVID-19 pandemic on industry indicators, the profitability of domestic manufacturers, the financial indicators of the constituent entities of the Russian Federation, the distribution of labor resources across the constituent entities of the Russian Federation, the analysis of the public procurement market, general industry problems of the domestic industry, etc. The reliability of the obtained scientific results is assessed by analyzing current legislation, data from the websites of the Federal Service for Surveillance in Healthcare, the Federal Tax Service and the Unified Information System in the Sphere of Procurement. The article is based on a dissertation study.

Keywords: industry, technological sovereignty, medical devices, in vitro, COVID-19.

УДК 336.5:339.186:339.13
ББК 65.2/4

Промышленность реагентов для диагностики *in vitro* является приоритетным направлением технологического суверенитета Российской Федерации, поэтому исследования этой отрасли промышленности и ее рынка в Российской Федерации являются крайне важными для развития соответствующей теории.

Промышленность состоит из отдельных предприятий, совокупность которых ее образует. В этой связи для анализа состояния отрасли промышленности отечественных и иностранных производителей реагентов для диагностики *in vitro* требуется изучить нормативно-правовое регулирование, осуществить поиск существующих предприятий, определить выпускаемую ими номенклатуру продукции, систематизировать ее в сегменты, сравнить количество отечественных и иностранных производителей по сегментам, определить географическую локализацию промышленных мощностей и крупнейшие транснациональные корпорации, составить рейтинг стран и субъектов Российской Федерации по широте выпускаемой (производимой) товарной номенклатуры.

Частью 4 ст. 38 Федерального закона от 21.11.2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» установлено, что на территории Российской Федерации разрешается обращение медицинских изделий, прошедших государственную регистрацию в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, и медицинских изделий, прошедших регистрацию в соответствии с международными договорами и актами, составляющими право Евразийского экономического союза [6].

Рынок реагентов для диагностики *in vitro* Российской Федерации представляет интерес для производителей со всего мира, в этой связи они осуществляют регистрацию указанных реагентов собственного производства в качестве медицинского изделия на территории Российской Федерации.

Порядок государственной регистрации утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 1416

«Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» [3].

По результатам прохождения процедуры государственной регистрации Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзором) производителю выдается регистрационное удостоверение на медицинское изделие, в котором в том числе указано наименование производителя, назначение медицинского изделия и место производства.

Указанные сведения доступны для просмотра и скачивания в государственном реестре медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий [1].

Поиск данных в указанном реестре по ключевому слову «реагент» позволяет получить доступ к более 9000 реестровых записей, которые требуется изучить для формирования знаний об основных видах исследований (назначениях медицинских изделий), которые входят в сегменты изучаемой промышленности.

Учитывая особенности поисковой системы указанного реестра, характеризуемые некорректным отражением данных при склонениях, следует после выявления всех видов исследований осуществлять поиск по каждому ключевому слову отдельно, включая сокращения этих слов.

Таким образом можно определить, что отрасль промышленности реагентов для диагностики *in vitro* состоит из 20 основных сегментов (см. табл. 1).

Анализ показателей отечественных производителей по основным сегментам отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* показывает, что в России локализовано производство 190 организаций, среди которых 147 частных, 42 государственных и 1 некоммерческая. Диапазон количества отечественных производителей по сегментам составляет от 1 до 59. Государственные организации специализируются на производстве продукции 6 из 16 отечественных и 20 основных рыночных сегментов: БИ, ИГА, ИФА, МФА, ИХА и ПЦР, среди которых реагенты для БИ, ИФА, МФА, ИХА и ПЦР — федеральных организаций и для ИГА — станций переливания крови в субъектах Российской Федерации. В широте товарной номенклатуры отечественных производителей отсутствуют реагенты для проведения исследований: АГК, ИФФА, ХЛ и ПЦ.

Таблица 1

**Основные сегменты отрасли промышленности
реагентов для диагностики *in vitro***

№	Перечень сокращений	
	Сокращение	Расшифровка
1	АГК	Анализ газов крови
2	БИ	Бактериологические исследования
3	ГА	Гематологический анализ
4	ГИ	Гистологические исследования
5	ИГА	Иммуногематологический анализ
6	ИГХ	Иммуногистохимические исследования
7	ИТМ	Иммунотурбидиметрический метод
8	ИФА	Иммуноферментный анализ
9	МФА	Иммунофлуоресцентный анализ
10	ИХЛА	Иммунохемилюминесцентный анализ
11	ИХА	Иммунохроматографический анализ
12	ИЦХ	Иммуноцитохимические исследования
13	КБ	Клиническая биохимия
14	КГ	Коагулограмма (гемостазиограмма)
15	ИФФА	Метод иммуноферментного флуоресцентного анализа
16	МС	Метод секвенирования
17	ХЛ	Метод ферментативно усиленной хемилюминесценции
18	ПЦР	Полимеразная цепная реакция
19	ПЦ	Проточная цитометрия (цитофлуориметрия)
20	ЦИ	Цитологические исследования

Источник: составлено автором.

Анализ показателей иностранных производителей по основным сегментам отрасли промышленности реагентов для диагностики *in vitro* показывает, что за границей Российской Федерации локализовано производство 377 организаций, среди которых 6 крупнейших транснациональных корпораций (ТНК): Roche, Abbott, Bio-Rad,

Beckman Coulter, bioMerieux и Siemens Healthcare Diagnostics. Диапазон количества иностранных производителей по сегментам составляет от 1 до 123.

Сравнительный анализ количества производителей по основным сегментам показывает, что отечественные производители доминируют по количеству исключительно в тех сегментах, на которых специализируются государственные организации: БИ, ИГА, ИФА, МФА и ПЦР (см. табл. 2).

Таблица 2

Сравнительный анализ количества производителей по основным сегментам

	АГК	БИ	ГА	ГИ	ИГА	ИГХ	ИТМ	ИФА	МФА	ИХЛА	ИХА	ИЦХ	КБ	КГ	ИФФА	МС	ХЛ	ПЦР	ИЦ	ИИ
Импорт	14	30	36	7	15	14	15	50	2	20	123	6	78	27	1	14	1	28	10	11
Россия	0	31	12	7	19	2	5	51	6	3	37	1	23	5	0	7	0	59	0	6

Источник: составлено автором.

Анализ географической локализации промышленных мощностей отечественных производителей по субъектам Российской Федерации показывает, что их производственные мощности находятся в 30 субъектах Российской Федерации, при этом лидерами по количеству предприятий являются (в рейтинговом порядке): Москва — 75, Санкт-Петербург — 31, Московская область — 26, Новосибирская область — 10 и Ростовской область — 5.

Анализ географической локализации промышленных мощностей иностранных производителей показывает, что их производственные мощности находятся в 32 иностранных государствах, при этом лидерами по количеству предприятий являются (в рейтинговом

порядке): США — 87, Китай — 57, Германия — 39, Корея — 25 и Франция — 22.

Анализ крупнейших транснациональных корпораций (далее — ТНК) показывает, что они специализируются на производстве продукции 18 из 20 отраслевых сегментов: АГК, БИ, ГА, ГИ, ИГА, ИГХ, ИТМ, ИФА, ИХЛА, ИХА, ИЦХ, КБ, КГ, ИФФА, МС, ПЦР, ПЦ и ЦИ. В широте товарной номенклатуры ТНК отсутствуют реагенты для проведения исследований: МФА и ХЛ (см. табл. 3).

Таблица 3

Крупнейшие транснациональные корпорации — производители реагентов для диагностики *in vitro*

ТНК	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
	АГК	БИ	ГА	ГИ	ИГА	ИГХ	ИТМ	ИФА	ИХЛА	ИХА	ИЦХ	КБ	КГ	ИФФА	МС	ПЦР	ПЦ	ЦИ
Roche																		
Abbott																		
Bio-Rad																		
Beckman Coulter																		
bioMerieux																		
Siemens Healthcare Diagnostics																		

Источник: составлено автором.

Анализ рейтинга субъектов Российской Федерации по широте выпускаемой (производимой) товарной номенклатуры на их территории показывает, что ведущими регионами являются Москва, Санкт-Петербург, Московская область, Новосибирская область, Ростовской область, что совпадает с ранее приведенным анализом географической локализации промышленных мощностей отечественных производителей по субъектам Российской Федерации и свидетельствует о том, что рост количества отечественных производителей влечет увеличение широты выпускаемой (производимой) товарной номенклатуры отечественной промышленности (см. табл. 4).

Таблица 4
**Рейтинг субъектов РФ по широте выпускаемой
 (производимой) товарной номенклатуры**

Субъект РФ	Кол-во	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		БИ	ГА	ГИ	ИГА	ИГХ	ИГМ	ИФА	МФА	ИХЛ	ИХА	ИЦХ	КБ	КГ	МС	ПР	Щ
Москва	14	1	1	1	1	1		1	1	1	1		1	1	1	1	1
Санкт-Петербург	13	2		2	2	2	1	2	2	2	2		2		2	2	2
Московская об- ласть	9	3	2				2	3	3		3		3			3	3
Новосибирская область	9	4	3				3	4		3	4		4	2		4	
Ростовская об- ласть	6	5		3	3								5			5	4
Нижегородская область	4	6			4		5				1						
Саратовская об- ласть	4	7			5		6								6		
Ульяновская об- ласть	4				6					5				3	7		
Республика Татарстан	3				7							6			8		
Ставропольский край	3	8						7				7					
Алтайский край	2		4										3				
Владимирская область	2							8							9		
Калужская об- ласть	2										6				10		
Республика Баш- кортостан	2				8			9									

Субъект РФ	Кол-во	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		БИ	ГА	ГИ	ИГА	ИГХ	ИТМ	ИФА	МФА	ИХЛА	ИХА	ИЦХ	КБ	КГ	МС	ПР	ЦИ
Республика Дагестан	2	9										8					
Ярославская область	2	10	5														
Брянская область	1											9					
Волгоградская область	1															11	
Забайкальский край	1				9												
Иркутская область	1	11				10											
Кабардино-Балкарская Республика	1																
Краснодарский край	1				11												
Ленинградская область	1		6														
Липецкая область	1				12												
Республика Карелия	1				13												
Республика Коми	1				14												
Самарская область	1		7														
Свердловская область	1				15												

Субъект РФ	Кол-во	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
		БИ	ГА	ГИ	ИГА	ИГХ	ИГМ	ИФА	МФА	ИХЛА	ИХА	ИЦХ	КБ	КГ	МС	ПР	ЦИ
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	1				16												
Челябинская область	1										7						

Источник: составлено автором.

На примере лидерства г. Москвы по широте выпускаемой (производимой) товарной номенклатуры, которая достигла показателя 14 сегментов при 75 предприятиях на своей территории, путем расчета среднего количества предприятий на душу населения можно выявить и проанализировать их недостаток в Российской Федерации, федеральных округах Российской Федерации и субъектах Российской Федерации, который препятствует развитию отечественной отрасли промышленности.

Такой анализ показывает, что в России существует недостаток 680 отечественных промышленных предприятий, число необходимости создания которых может изменяться в меньшую или большую сторону по мере увеличения или сокращения штатной численности сотрудников (занятых) на действующих или создаваемых промышленных предприятиях (стартапах), путем расчета среднего количества сотрудников (занятых) на одно предприятие на примере г. Москвы.

Анализ рейтинга зарубежных стран по широте выпускаемой (производимой) товарной номенклатуры на их территории показывает, что ведущими странами являются Германия, США, Великобритания, Франция, Китай, что не совпадает с ранее приведенным анализом географической локализации промышленных мощностей иностранных производителей и свидетельствует о высоком уровне конкуренции в сегментах между производителями из США, Китая и Кореи (см. табл. 5).

Таблица 5
**Рейтинг зарубежных стран по широте выпускаемой
 (производимой) товарной номенклатуры**

Страна	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
	АГК	БИ	ГА	ГИ	ИГА	ИПХ	ИТМ	ИФА	МФА	ИХЛ	ИХА	ИЦХ	КБ	КГ	ИФФА	МС	ХЛ	ПЦР	ПЦ	ЩИ
Германия	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
США	2	2	2	2	2	2	2	2		2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
Великобритания	3	3	3		3	3		3		3	3		3	3	3	1				
Франция		4	4		4		3	4		4	4		4		1		3		3	
Китай	4		5				4	5		5	5		5	4			4		4	
Италия		5	6				5	6		6	6		6	5			5			
Дания	5	6			5	4		7	2			3						3		
Япония			7			5				7	7		7	6				4		
Австрия		7	8					8			8		8				6			
Индия	8			6						9		9	7				7			
Испания		9			7			9			10		10	8						
Корея			9					10			11		11				8		5	
Чехия	10	10				6	11						12	9						
Швейцария			11		8						12		13	10				5		
Ирландия							7			8			14	11				6		
Нидерланды	6		12		9						13			12						
Польша			13							14		15	13				9			
Турция		11			10					15		16					10			
Финляндия		12						12			16		17				11			

Страна	1 АГК	2 БИ	3 ГА	4 ГИ	5 ИГА	6 ИГХ	7 ИТМ	8 ИФА	9 МФА	10 ИХЛА	11 ИХА	12 ИЦХ	13 КБ	14 КГ	15 ИФФА	16 МС	17 ХЛ	18 ПЦР	19 ПЦ	20 ЦИ
Израиль		13						13			17						12			
Сингапур				3		6												7	6	
Канада											18		18	14						
Молдова						8				19		19								
Швеция			14					14									13			
Белоруссия							15										14			
Бельгия							16			20										
Болгария				4															7	
Австралия						7														
Венгрия														15						
ОАЭ											20									
Тайвань												21								
Хорватия												22								

Источник: составлено автором.

Вместе с этим анализ данных о количестве и содержании регистрационных удостоверений на медицинские изделия отечественных производителей показывает, что, несмотря на их количественную насыщенность либо присутствие в сегментах ГА, ГИ, ИГА, ИГХ, ИТМ, ИФА, МФА, ИХЛА, ИЦХ, КБ, КГ, МС, ПЦР и ЦИ, свидетельствующих о значительной широте товарной номенклатуры отечественной промышленности, существует критически низкая насыщенность товарного ассортимента, что, в свою очередь, образует высокую вероятность отсутствия спроса на отечественные реагенты в этих сегментах и неконкурентоспособность отечественных производителей на рынке.

В период пандемии COVID-19 прирост суммы доходов от общехозяйственной деятельности участников (производителей Российской Федерации и представительств иностранных производителей) российского рынка реагентов для диагностики *in vitro* составлял 38% в 2020 г. и 65% в 2021 г., кратно превышая соответствующие показатели 2018—2019 гг. (см. рис. 1).

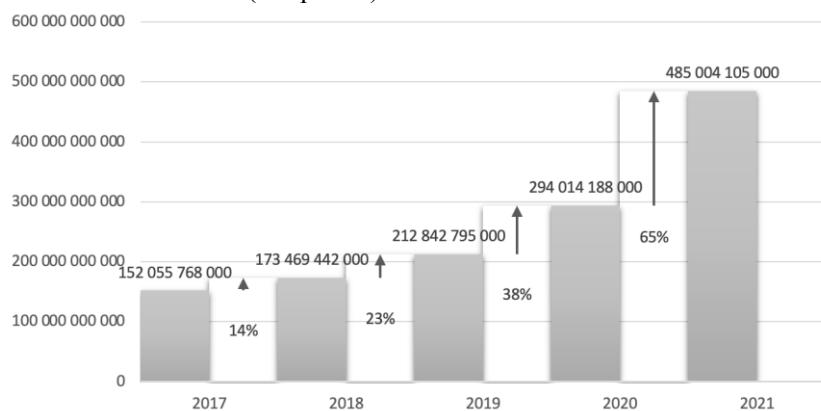

Рис. 1. Динамика суммы доходов от общехозяйственной деятельности участников (производителей Российской Федерации и представительств иностранных производителей) рынка, р. (составлено автором)

Анализ показателей суммы доходов от общехозяйственной деятельности в разрезе отечественных производителей и представительств иностранных производителей показывает, что иностранные производители в период с 2017 по 2019 г. извлекали кратно большую сумму доходов, чем отечественные, в 2020 г. наблюдается спад уровня суммы доходов иностранных производителей на фоне значительного роста суммы доходов отечественных, а в 2021 г. на фоне кратного роста суммы доходов отечественных производителей иностранные утеряли свое лидерство в этом показателе (см. рис. 2).

Анализ показателей суммы чистой прибыли от общехозяйственной деятельности в разрезе отечественных производителей и представительств иностранных производителей показывает, что представительства иностранных производителей, несмотря на извлечение кратно большей суммы доходов в период с 2017 по 2019 г. по сравнению с отечественными производителями, извлекали кратно

меньшую сумму чистой прибыли по сравнению с последними, что свидетельствует о перенаправлении (выводе за границу Российской Федерации) значительной части добавленной стоимости на счета иностранных (материнских организаций) производителей (см. рис. 3).

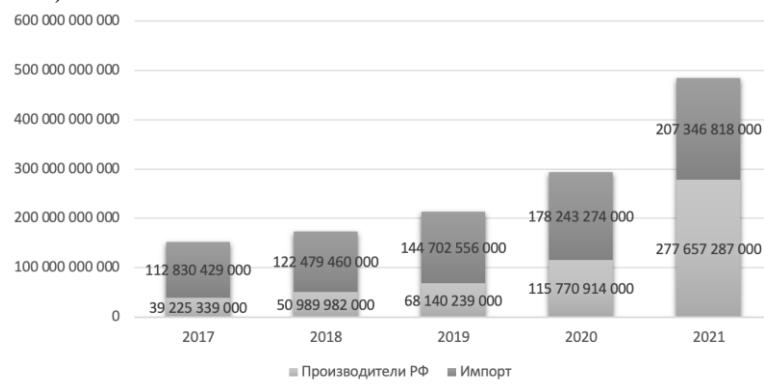

Рис. 2. Показатели суммы доходов от общехозяйственной деятельности участников (производителей Российской Федерации и представительств иностранных производителей) рынка, р. (составлено автором)

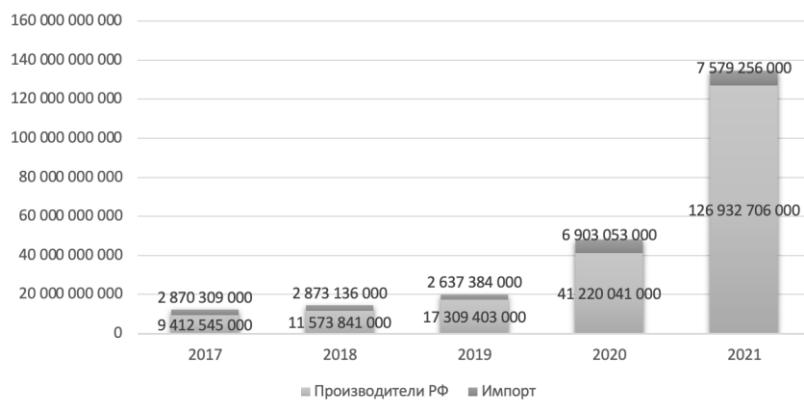

Рис. 3. Показатели суммы чистой прибыли от общехозяйственной деятельности участников (производителей Российской Федерации и представительств иностранных производителей) рынка, р. (составлено автором)

Анализ динамики суммы финансовых показателей отечественных производителей показывает, что уровень рентабельности в период с 2017 по 2021 г. составлял от 23 до 46 % (см. рис. 4).

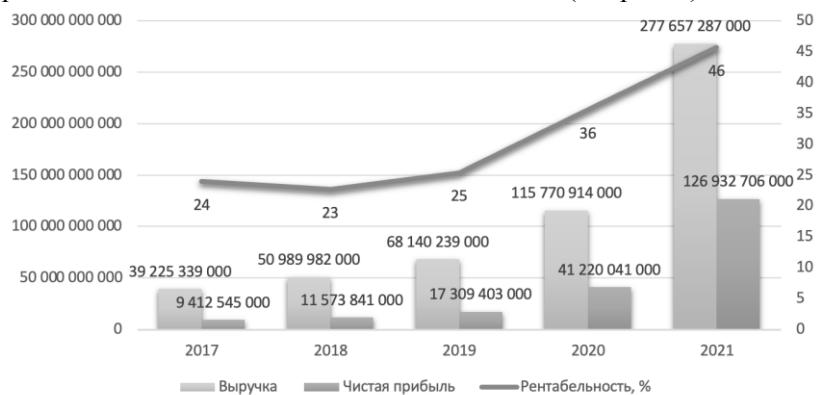

Рис. 4. Динамика суммы финансовых показателей производителей Российской Федерации, с учетом рентабельности, р. (составлено автором)

Анализ показателей доходов отечественных производителей по субъектам Российской Федерации показывает, что по состоянию на 2021 г. ведущими по этому показателю, на которые приходится 98% всех извлекаемых доходов, являются Владимирская область (43%), Санкт-Петербург (40%), Москва (8%), Новосибирская (5%) и Московская (2%) области, при этом в период пандемии COVID-19 первая выросла более чем в 6 раз, а второй более чем в 2 раза, вместе с этим в 2020 г. наблюдался существенный скачок Республики Татарстан (с 24,48 млн р. до 7,85 млрд р.), которая в 2020 г. сместила Московскую область по указанному показателю, а впоследствии при сокращении в 2021 г. до 3,27 млрд р. снова уступила ей (см. табл. 6).

Анализ показателей чистой прибыли отечественных производителей по субъектам Российской Федерации показывает, что по состоянию на 2021 г. ведущими по этому показателю, на которые приходится 98% всей извлекаемой чистой прибыли, являются Владимирская область (51%), Санкт-Петербург (38%), Москва (5%), Новосибирская область (3%) и Республика Татарстан (1%), сместившая в 2020 г. Московскую область, при этом в период пандемии COVID-19

показатель Владимирской области вырос более чем в 6 раз, а Санкт-Петербурга — более чем в 3 раза (см. табл. 7).

Таблица 6
**Показатели доходов производителей реагентов для диагностики
in vitro Российской Федерации по субъектам РФ, р.**

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Владимир- ская об- ласть	7 120 194	7 680 257	12 598 218	19 265 224	118 517 301
Санкт-Пе- тербург	19 618 797	25 696 497	33 891 933	45 592 777	109 748 484
Москва	4 307 602	8 859 109	10 735 193	21 072 037	21 522 290
Новоси- бирская область	3 642 204	3 966 534	4 535 762	11 121 730	12 908 807
Москов- ская об- ласть	2 178 318	2 221 324	3 452 118	5 149 062	5 758 587
Респуб- лика Тат- арстан	0	0	24 481	7 856 456	3 272 084
Брянская область	914 384	1 013 146	1 084 860	1 495 370	1 763 393
Ульяно- вская об- ласть	29 130	18 370	71 655	900 157	1 339 277
Нижегор- одская область	923 163	971 688	1 055 874	1 203 157	1 239 532
Алтайский край	201 140	270 690	335 698	476 402	1 032 214
Ставро- польский край	118 898	104 984	136 521	150 439	188 412
Ярославс- кая об- ласть	50 700	113 832	130 481	130 857	148 329

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Калужская область	26 048	176	68	1 257 512	87 683
Самарская область	39 174	38 842	43 589	41 500	54 265
Ростовская область	40 530	34 533	33 616	40 511	33 468
Ленинградская область	0	0	118	8 372	25 992
Республика Башкортостан	12 673	0	9 751	9 351	11 246
Челябинская область	0	0	0	0	5 923
Волгоградская область	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Забайкальский край	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Иркутская область	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Кабардино-Балкарская Республика	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Краснодарский край	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Липецкая область	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Республика Дагестан	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Карелия	нет данных				
Республика Коми	нет данных				
Саратовская область	нет данных				
Свердловская область	нет данных				
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	нет данных				

Источник: составлено автором.

Таблица 7
**Показатели чистой прибыли производителей реагентов
для диагностики *in vitro* Российской Федерации
по субъектам РФ, р.**

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Владимирская область	3 146 787	3 337 997	6 045 768	10 131 081	64 466 929
Санкт-Петербург	4 447 588	6 447 200	8 834 143	14 302 795	47 622 430
Москва	395 444	397 918	746 655	6 249 685	6 703 320
Новосибирская область	612 597	638 991	809 732	4 163 875	4 434 073
Республика Татарстан	–10	0	–27 707	3 881 356	1 472 463
Московская область	454 452	391 263	485 737	850 072	776 054

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Брянская об-ласть	222 238	228 377	265 794	523 968	575 579
Алтайский край	54 751	101 888	124 069	214 528	507 153
Ульяновская область	3 055	-4 036	16 632	344 393	360 963
Нижегород-ская область	38 012	8 803	14 162	204 027	72 612
Ставрополь-ский край	23 735	1 569	10 215	11 871	27 633
Ярославская область	562	18 005	24 802	18 395	22 866
Ростовская область	8 210	4 172	3 917	4 884	4 268
Самарская об-ласть	3 627	4 441	3 265	5 087	4 138
Ленинград-ская область	0	-2 074	-2 429	9 718	3 366
Республика Башкортостан	697	0	267	197	1 185
Челябинская область	0	0	0	0	1 821
Калужская об-ласть	-126	-673	-43 987	304 806	-124 147
Волгоград-ская область	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Забайкаль-ский край	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Иркутская об-ласть	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Кабардино-Балкарская Республика	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Краснодар-ский край	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных
Липецкая об-ласть	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных	нет данных

Субъект РФ	2017	2018	2019	2020	2021
Республика Дагестан	нет данных				
Республика Карелия	нет данных				
Республика Коми	нет данных				
Саратовская область	нет данных				
Свердловская область	нет данных				
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	нет данных				

Источник: составлено автором.

Анализ распределения (концентрации) трудовых ресурсов отечественных производителей по субъектам Российской Федерации на 01.01.2022 г. показывает, что ведущими по этому показателю, на который приходится 87% всех трудовых ресурсов, являются Санкт-Петербург (28%), Москва (22%), Новосибирская (15%), Владимирская (11%) и Московская области (11%) (см. рис. 5).

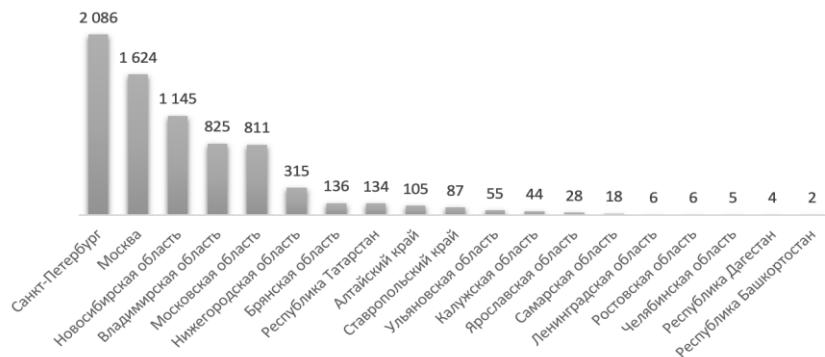

Рис. 5. Распределение (концентрация) трудовых ресурсов производителей реагентов для диагностики *in vitro* Российской Федерации по субъектам РФ на 01.01.2022 г. (составлено автором)

Анализ рынка госзакупок реагентов для диагностики *in vitro* г. Москвы в 2021 г. показывает, что наибольший уровень спроса приходится на реагенты для ПЦР, ИХЛА, КБ (вкл. ИТМ), ИФА и ИГА, сумма совокупного спроса на которые составляет 8 156 530 192 р. (или 70% от рынка) в стоимостном выражении (см. табл. 8).

Таблица 8
**Рынок госзакупок реагентов для диагностики *in vitro*
г. Москвы в 2021 г.**

Сегмент	Сокращение	Сумма контрактов, р.	Натуральное выражение, шт.
Полимеразная цепная реакция	ПЦР	2 735 872 040	188 352
Иммунохемилюминесцентный анализ	ИХЛА	2 059 122 317	89 311
Клиническая биохимия (включая иммунотурбидиметрический метод)	КБ, вкл. ИТМ	1 556 194 615	88 633
Иммуноферментный анализ	ИФА	1 091 036 219	114 860
Иммуногематологический анализ	ИГА	714 305 001	31 931
Коагулограмма (гемостазиограмма)	КГ	699 609 396	33 905
Гематологический анализ	ГА	611 950 640	50 464
Иммуногистохимические исследования	ИГХ	523 120 093	16 554
Иммунохроматографический анализ	ИХА	520 722 886	327 165
Анализ газов крови	АГК	445 996 028	15 621
Метод секвенирования	МС	215 491 872	976
Проточная цитометрия (цитофлуориметрия)	ПЦ	172 951 222	5 278

Продолжение табл. 8

Бактериологические исследования	БИ	146 585 247	23 414
Иммунофлуоресцентный анализ	МФА	65 093 183	1 335
Метод иммуноферментного флуоресцентного анализа	ИФФА	59 337 675	745
Гистологические исследования	ГИ	37 048 281	19 001
Цитологические исследования	ЦИ	27 389 832	3 057
Метод ферментативно усиленной хемилюминесценции	ХЛ	21 167 698	1 237
Иммуноцитохимические исследования	ИЦХ	460 149	12
Итого		11 703 454 392	1 011 852

Источник: составлено автором.

Анализ долей производителей в стоимостном выражении на рынке госзакупок реагентов для диагностики *in vitro* г. Москвы в 2021 г. показывает, что отечественные производители занимают всего лишь 27% рынка, в то время как иностранные — 73%, а в натуральном выражении отечественные производители занимают 47%, а иностранные — 53%, что существенно отличается от долей в стоимостном выражении и свидетельствует о высокой стоимости реагентов иностранных производителей.

Исходя из расчета госзакупок реагентов для диагностики *in vitro* на душу населения, учитывая ранее приведенные данные по г. Москве, при уровне населения России в 2021 г., равном 146 171 015, а в г. Москве — 12 636 312 чел., можно посчитать, что рынок госзакупок реагентов для диагностики *in vitro* России в 2021 г. составлял примерно 135 380 149 488 р. в стоимостном выражении и 11 704 635 шт. — в натуральном.

Выявленные по результатам исследования тенденции и общеотраслевые проблемы позволяют сделать вывод, что в программах развития отечественной отрасли промышленности реагентов для ди-

агностики *in vitro* требуется участие Минэкономразвития, Минпромторга, исполнительно-распорядительных органов в сфере промышленности субъектов Российской Федерации, а также подведомственных Роспотребнадзору и Российской академии наук учреждений, так как первые, вторые и третьи должны обеспечивать создание недостающих производств и рабочих мест на уровне регионов, в том числе путем направления кадров для подготовки в ведущие государственные организации, занимающиеся разработкой реагентов для диагностики *in vitro*, организации трансфера технологий региональным стартапам и предприятиям, обеспечения сбалансированного и эффективного спроса на рынке госзакупок Российской Федерации (пропорционально в разрезе субъектов Российской Федерации), участия в роли якорных заказчиков (регулятора госзаказа в регионе), а четвертые и пятые, так как достигли значительных результатов в области разработки реагентов для диагностики *in vitro*, должны обеспечивать подготовку направленных им из регионов кадров, а также трансфер технологий.

Литература

1. Государственный реестр медицинских изделий и организаций (индивидуальных предпринимателей), осуществляющих производство и изготовление медицинских изделий // Росздравнадзор: URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch> (дата обращения: 11.01.2025).
2. Закупки // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок: URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (дата обращения: 11.01.2025).
3. Постановление Правительства РФ от 27.12.2012 № 1416 «Об утверждении Правил государственной регистрации медицинских изделий» // СПС КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140066/?ysclid=m5saxq3afr890773783 (дата обращения: 11.01.2025).
4. Сведения о среднесписочной численности работников организации // Сайт Федеральной налоговой службы РФ: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-sshr2019/?ysclid=lpbgbo8wlt130305949> (дата обращения: 11.01.2025).

5. Сведения о суммах доходов и расходов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности организации за год, предшествующий году размещения таких сведений на сайте ФНС России // Сайт Федеральной налоговой службы РФ: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-revexp/> (дата обращения: 11.01.2025).

6. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС КонсультантПлюс: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 11.01.2025).

References

1. Gosudarstvennyj reestr medicinskikh izdelij i organizacij (individual'nyh predprinimatelej), osushchestvlyayushchih proizvodstvo i izgotovlenie medicinskikh izdelij // Roszdravnadzor: URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/services/misearch> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
2. Zakupki // Oficial'nyj sajt Edinoj informacionnoj sistemy v sfere zakupok: URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
3. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2012 № 1416 «Ob utverzhdenii Pravil gosudarstvennoj registracii medicinskikh izdelij» // SPS Konsul'tantPlyus: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140066/?ysclid=m5saxq3afr890773783 (data obrashcheniya: 11.01.2025).
4. Svedeniya o srednespisochnoj chislennosti rabotnikov organizacii // Sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby RF: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-sshr2019/?ysclid=lpbgb08wlt130305949> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
5. Svedeniya o summah dohodov i raskhodov po dannym buhgalterskoj (finansovoj) otchetnosti organizacii za god, predstvuyushchij godu razmeshcheniya takih svedenij na sajte FNS Rossii // Sajt Federal'noj nalogovoj sluzhby RF: URL: <https://www.nalog.gov.ru/opendata/7707329152-revexp/> (data obrashcheniya: 11.01.2025).
6. Federal'nyj zakon «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan v Rossiijskoj Federacii» от 21.11.2011 № 323-FZ // SPS Konsul'tantPlyus: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (data obrashcheniya: 11.01.2025).

|||

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

О.Р. ЧЕПЬЮК

Техномика против Канта: вызовы «капитализма наблюдения» XXI века*

Аннотация. Учение И. Канта о рассудке, разуме и чувственности подсвечивает важность проблемы зрелого сознания и критического мышления. Они приобретают особую актуальность в условиях капитализма наблюдения XXI в. и технологически обеспеченной экономики («техномики»). В публикации производится сопоставительный и социально-философский анализ этой проблематики. Автор рассматривает последствия происходящего концептуального поворота в трактовке роли Разума для индивидуальной автономии, субъектности индивида и в целом — экономической устойчивости. Современные технологические платформы, полезные и действенные алгоритмы искусственного интеллекта, массово собираемые «большие данные» способствуют распространению в современном обществе феномена «организованной незрелости». Соблазн отказа от собственного разума и критического мышления велик. Высшие когнитивные процессы являются ресурсоемкими как на социальном уровне (необходимость образования), так и на психофизиологическом (когнитивная нагрузка). В свою очередь, активное медийное освещение темы искусственного интеллекта оказывает прессинг на индивида: самостоятельно мыслить — значит бросать вызов «умной» машине. «Капитализм наблюдения» трансформирует природу человеческого разума: индивидуальная автономия ослабевает, массовое сознание доминирует, а экономическая система становится уязвимой к росту общественной энтропии. В результате исследования автор предлагает концептуальную рамку для дальнейшего изучения экономического самосознания на основе кантовской философии, восточных учений об осознанности или «ништейнского бунта» (радикализации субъекта), а также моделируются сценарии конфликта между самостоятельностью мыслительной деятельности человека и искусственным интеллектом. Это открывает новые горизонты для междисциплинарных исследований, связывающих мораль, когнитивные науки и экономическую теорию в условиях технологически обеспеченной экономики XXI в. Предлагается

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Чепьюк О.Р. Техномика против Канта: вызовы «капитализма наблюдения» XXI века // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 201—212. DOI: 10.5281/zenodo.17780986.

наметить пути пересмотра самого понятия экономической рациональности, учитывать не только влияние технологий на поведение индивида, но и их способность изменять хрупкий баланс между свободой индивида и эффективностью экономической системы.

Ключевые слова: разум, Кант, осознанность, экономическая бессубъектность, «капитализм наблюдения», искусственный интеллект.

Abstract: Immanuel Kant's doctrine of understanding, reason, and sensibility highlights the importance of mature consciousness and critical thinking. These issues acquire particular relevance in the context of 21st-century surveillance capitalism and the technology-driven economy («technonomics»). This publication provides a comparative and socio-philosophical analysis of this problem. The author examines the consequences of the ongoing conceptual shift in the interpretation of Reason's role for individual autonomy, human agency, and overall economic resilience. Modern technological platforms, efficient AI algorithms, and mass-collected «big data» contribute to the spread of the phenomenon of «organized immaturity» in contemporary society. The temptation to abandon one's own reason and critical thinking is powerful, as higher cognitive processes are resource-intensive both at the social level (requiring education) and the psychophysiological level (imposing a cognitive load). In turn, active media coverage of artificial intelligence puts pressure on the individual: to think for oneself means to challenge a «smart» machine. «Surveillance capitalism» is transforming the nature of human reason: individual autonomy is weakening, mass consciousness is dominating, and the economic system is becoming vulnerable to growing social entropy. As a result of the research, the author proposes a conceptual framework for further study of economic self-awareness based on Kantian philosophy, Eastern teachings of mindfulness, or «Nietzschean rebellion» (radicalization of the subject), and models scenarios of conflict between human independent thinking and artificial intelligence. This opens new horizons for interdisciplinary research linking morality, cognitive science, and economic theory within the technology-driven economy of the 21st century. The article outlines ways to revise the very concept of economic rationality, suggests the need to consider not only the influence of technologies on individual behavior but also their ability to alter the fragile balance between individual freedom and the efficiency of the economic system.

Keywords: Reason, Kant, mindfulness, economic subjectlessness, Surveillance Capitalism, Artificial Intelligence.

УДК 316:130.2

ББК 87.6

Введение

Современная экономическая мысль, рожденная в недрах европейского мироощущения, как и современная западноевропейская цивилизация, зиждется на идее постоянного движения, развития, роста и прогресса. В экономике постиндустриального общества это стремление стало узнаваемой книжной формулой о необходимости «всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей» [1, 651]. Иногда оно трактуется как движение ради движения, постоянное стремление к «фронтонту». В контексте экономики это бесконечный рост потребления ради обеспечения нескончаемого роста производства. Ж. Бодрийяр дает следующую оценку этому феномену экономической бессубъектности: «Этот процесс сам по себе и сам для себя. Он не ориентируется больше ни на потребности, ни на прибыль. Он представляет собой не ускорение производительности, а структурную инфляцию знаков производства, взаимоподмену и убегание вперед любых знаков, включая, разумеется, денежные знаки» [2, 74]. С этим тропом связывают трансформацию не только производственной, но и потребительской стихии: «макдональдизацию жизни» (Дж. Ритцер), массовое потребление не вещей, но символов (Дж. Бодрийяр), управление потреблением через манипулятивные практики (Э. Фромм).

Разум в эпоху «капитализма наблюдения»

Если в эпоху Просвещения разум рассматривался как инструмент морального и интеллектуального освобождения, то в современной экономике способность к мысли есть человеческий ресурс, рычаг для создания капитала, причина инноваций (Й. Шумпетер) и эффективный метод управления поведением пользователей. Интернет, искусственный интеллект, технологические платформы, социальные сети, мобильные и облачные вычисления формируют технологически обеспеченную экономику — «техномику» [4, 234]. Эти новые средства производства являются сбором артефактов мыслительной деятельности людей прошлого. Парадокс в том, что овеществленная коллективная рациональность не развивает, а зачастую подавляет критическое мышление ныне живущего индивида, приводя его к интеллектуальному регрессу — «алгоритмическому инфантлизму».

В западной литературе концепцию «техномику», под наименованием «капитализм наблюдения», развивает Ш. Зубофф [19]. Капитализм наблюдения обусловлен усилением контроля и влияния крупных технологических компаний. Под предлогом повышения эффективности реко-

мендательных сервисов они собирают и анализируют данные о поведении своих клиентов. С одной стороны, это порождает опасения по поводу приватности и автономии людей, с другой — технологии оказывают влияние на индивидуальные способности человека, его склонность к использованию собственного разума. Это касается как целей применения разума (моральные, или инструментально обусловленные), так и способности человека противостоять коллективным формам «табунного сознания».

Технологии IV-й Промышленной революции не только радикально повлияли на то, как люди работают, общаются, потребляют [9; 12], но и материализовали массовое сознание, разум толпы (Х. Ортега-и-Гассет), или публичный разум в форме «Большого Другого». СМИ активно навязывают образ всесильного и сверхразумного искусственного интеллекта, обладающего доступом ко всем знаниям, которые когда-либо были перенесены на материальные электронные носители и размещены в коллективном доступе во всемирной паутине. Это вызвало к жизни феномен «организованной незрелости» [15], который символизирует завершение Проекта «Человек» и начало посткантанской эпохи.

«Новый дивный мир», создаваемый генеративными языковыми моделями, представляется искусственно созданными зеркалом, в котором человек узнает самого себя и, следуя антропоморфизму, наделяет это зеркало человеческими свойствами. В силу технических особенностей этот мир «замкнут» на самого себя: искусственный интеллект «заглатывает» результаты собственного «творчества», продуцируя феномен «мертвого интернета». По данным немецкой компании «Statistica», анализирующей рыночные потребительские данные, в 2023 г. человек осуществлял только 50% мирового веб-трафика. По прогнозам научного журналиста М. Гротхауса, к 2026 г. этот показатель будет равняться 90% [13]. В экономике экзизма (от англ. «access») доступ человека к мировому пространству возможностей находится в прямой зависимости от алгоритмов обработки информации. Массовое сознание не только довлеет над индивидуальным, но и формируется не по естественным социальным законам, а по законам технической оптимизации.

Разум как причина индивидуальной автономии

Распространение феномена индивидуальной незрелости (И. Кант), или «неосознанности» (Unmündigkeit), в XXI в. ознаменовало приход новой эры человеческого несовершеннолетия. Психологи предлагают значительно расширить возрастные рамки, рассуждают о появлении «молодых» взрослых [8], чья социальная и личностная незрелость затягивается до 30 лет. Эта инфантилизация находит свое выражение в

специфических формах поведения: например, социальный психолог Ф. Зимбардо неоднократно писал о кризисе маскулинности, а Э. Фромм говорил о массовом бегстве от свободы. Природа выученной незрелости, неспособности опираться на собственный рассудок, без руководства со стороны другого, обусловлена не столько неразвитостью системы образования, сколько новой хозяйственной реальностью. Технологическая среда не столько порождает, сколько катализирует и легитимизирует инфантильные сценарии «сброса» нереализованной энергии.

И. Кант емко описал ситуацию капитуляции человека перед возможностями собственного разума всего одной фразой: «Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить» [3, 29]. После И. Канта исследование этой проблемы велось в различных аспектах: эмоциональных, социокультурных, медийных. Так, Ф. Ницше интересовало, как общественные нормы и «табунное сознание» подавляют индивидуальное мышление. З. Фрейд исследовал в этом аспекте свое видение коллективного бессознательного. И. Гофман обвинял в «незрелости» социальные роли и социальное взаимодействие. Ж.-П. Сартр объяснял это страхом перед автономией и ответственностью. Возвращаясь к приведенной цитате И. Канта, отметим: нежелание пользоваться продуктами собственного ума во многом вызвано обычным прагматизмом, удобством или краткосрочной экономической эффективностью.

Конструирование новой техноэкономической реальности происходит всякий раз, когда человек добровольно соглашается «подпитать» систему данными, будь то его решения о покупке в интернете или биометрические параметры, сопровождающие поведение человека в различных ситуациях. Одними из первых под ударом оказываются демократические институты в городе, так как «граждане, населяющие его, находятся в опасности потерять критические и рефлексивные способности, необходимые для осуществления общественного самоуправления» [15]. Несмотря на то что активное использование цифровых технологий приводит к снижению автономии, их повсеместное распространение говорит о добровольной или вынужденной сдаче позиций сторонников независимого человеческого мышления. С одной стороны, речь об экономическом обмене (открытость взамен комфорта), с другой — ощущается давление конкуренции.

Снижение доли индивидуального сознания в массовых решениях, которые приводят к росту контроля за поведением коллективной экономической системы, делают ее, с другой стороны, неустойчивой. Для современного человека выбор между пользованием продуктами собственного разума и коллективного «табунного» разума, во многом связан с

вопросами выживания: с этой целью индивидуальные решения и действия намеренно подчиняются общим нормам и ожиданиям группы. Отдельные исследователи уже анализируют влияние авторитета глобального разума на развитие творческих способностей человека [10], при этом некоторые авторы указывают, что обмен личных данных на цифровые блага является преимущественно добровольным [18].

Современный человек все реже обращается к миру в режиме самостоятельного «вопрошания» (Ю. Хабермас) и все чаще включается в контуры цифровых и коммуникативных технологий как их функциональный элемент. В этом контексте развитие искусственного интеллекта затрагивает фундаментальный кантовский принцип недопустимости использования человека как средства: большие языковые модели формируются на основе данных, представляющих собой продукты творчества и цифровые следы более чем пяти миллиардов пользователей. Экономическая система, ориентированная на стандартизацию и усреднение, тем самым создает неблагоприятные условия для сохранения выдающихся достижений и продуктов индивидуального самовыражения. В долгосрочной перспективе это может привести к стагнации и уменьшению эффективности вследствие роста общественной энтропии (К. Леонтьев), и как результат — к экономическим кризисам из-за нарастания экономической бессубъектности [7]. Искусственный интеллект, питающийся продуктами собственного производства, в конце концов становится замкнутой системой, теряющей потенциал для дальнейшего развития. В этом смысле человек, обладающий свободным и самостоятельным, творческим мышлением, является как раз условием выживания самой коллективной системы принятия решений, которая подпитывается результатами его творческого труда.

Если развивать оптимистичную идею о возможной коэволюции человека и машины (В.А. Кутырев), то можно привести тезис Ю. Хабермаса о роли *«непринужденного принуждения лучшего аргумента»*. Если бы искусственный интеллект мог выступить таким арбитром коммуникации, то он мог бы дать надежду на «восстановление свободной от принуждения коммуникации», вносящей определенную долю рациональности в существующие процессы. Такая возможность, однако, нереализуема в капиталистической системе, где алгоритмы и виртуальные ассистенты становятся лишь инструментом разделения рынков, так как находятся в собственности частных компаний, преследующих личные интересы.

Возможности разума для роста самосознания

Запрос на индивидуальное осознанное мышление проявляется в растущем массовом интересе к проблеме сознания [11; 14], а также — *самосознания* (от англ. «consciousness»). Хотя напрямую И. Кант не разрабатывал теорию самосознания, различные ее варианты могут быть созданы на основе интерпретаций его работ, и такие попытки делаются [16]. Осознанность здесь есть состояние, порождаемое взаимодействием трех составляющих познавательной способности человека, а именно: рассудка (Verstand), разума (Vernunft) и чувственности (Sinnlichkeit). Следует отметить, что взгляды И. Канта на сознание, проблему разума и тела отличаются от того, как эти темы рассматриваются в современных научных дискуссиях о природе сознания [17]. Так, для И. Канта познавательная система человека представляется сложной когнитивной структурой, которая устроена на принципах спонтанного восприятия. Опыт человека обрабатывается «схемами» разума, которые организуют восприятие в цельную картину мира. Способности человека к рассуждению должны привести к его освобождению от заблуждений, в том числе вызванных неверным пониманием мира. Ментальное развитие оставляет неразрешенными только те вопросы, которые могут быть отнесены к моральной их стороне, и именно моральное самосознание должно стать движущей силой развития индивида.

Заметим, что практики роста осознанности, которая направлена исключительно на повышение когнитивных способностей, не могут способствовать тому, что И. Кант понимал бы под саморазвитием. Современные когнитивные науки, активно интегрируя данные и методы нейронаук, в большей степени заостряют внимание на улучшении когнитивных функций и снижении стресса. Рассуждая в духе категорического императива И. Канта, они, в первую очередь, должны были бы способствовать развитию «совестливой мысли», или «мыслящей совести».

Несмотря на красоту кантовской программы, далеко не всем может быть доступен такой уровень ментальной дисциплины. В восточной традиции любые блуждания ума рассматриваются как «ловушка». В свою очередь, бессловесная (медитативная) чувственность, которая намеренно отворачивается от всякой объективации в форме понятий и символов, полна возможностей для искомого освобождения. В этой интерпретации речь идет, скорее, об осознанности (от англ. «mindfulness») как умении присутствовать в настоящем и полностью отдаваться моменту, своим мыслям, чувствам и окружению без осуждения. Осознанность включает детекцию мыслей и эмоций по мере их возникновения, а также физических ощущений, таких как дыхание и поза тела. При этом

чувственный сигнал должен «обрабатываться», минуя рассудочную и эмоциональную часть. Богатство сенсорного мира, очевидно превышающего возможности любого языка, в то же время остается не замеченным для сознания, что делает эти практики успешными даже в контексте учения И. Канта. Предполагается, что осознанность способствует росту самосознания, однако напрямую не является его синонимом.

Восточную просветленность, достижимую на уровне единичного сознания, трудно вписать в контекст общественного развития и однажды запущенного маховика исторического процесса. Подобные практики являются продуктом Традиции (Р. Генон), чья вертикаль смысла и преемственности последовательно подавляется Модерном, ориентированным на рационализацию, секуляризацию и стандартизацию опыта. Постмодерн, в свою очередь, не только не возрождает эти практики к жизни, но и окончательно их нивелирует. Они превращаются в элементы культурного коллажа: фрагменты духовных техник циркулируют в форме медийных образов, лайфстайл-практик и сетевых симуляков, утрачивают глубину и разрывают всякую связь с изначальной метафизической почвой. В результате просветленность как индивидуальный опыт оказывается трудно интегрируемой в коллективные формы развития и почти не оказывает влияния на логику общественных трансформаций. «Разум сам разрушает человеческое, гуманность (Humanität), которая возникает именно благодаря разуму... процесс просвещения с самого начала обязан своими импульсами инстинкту самосохранения, который калечит и деформирует разум, потому что востребованным оказывается только разум, как он существует в формах целерационального покорения и подчинения природы и инстинктов, т. е. инструментального разума...» — пишет Ю. Хабермас [5, 72]. Можно не замечать постава (Gestell) этого мира (М. Хайдеггер), если ты настолько просветлен, что этому миру не принадлежишь, но что делать с теми, кто остается в него «заброшен»?

В истории философской мысли можно найти еще одну альтернативу, которая непосредственно нацелена на описанный Хабермасом постав современной цивилизации. Его разрушение лежит в сфере глубокого личностного, а по форме — эстетического проживания проблемы пустоты и оставленности, на которую обречен всякий, решивший обезоружить своего «ментального бога», будь он трижды «сильным искусственным интеллектом» или пресловутым Языком. Способен ли человек на такой радикальный шаг? Одним из первых стал рассуждать об этом Ф. Ницше. Сегодня эта тема развивается в теории радикального субъекта А. Дугина. Он прямо говорит, что радикальный субъект есть «победитель Бога и Ничто». Красивую логическую метафору для объяснения

верности этого пути предложил Д. Хофтадтер. Она связана с понятиями рекурсии и самореферентности, а также базируется на исследовании границ формальных систем [6]. Их отлаженная работа неминуемо приводит к логическому парадоксу, если система не имеет возможности «выйти за собственные границы». Самого человека Д. Хофтадтер метафорично сравнивает со «странный петлей», которая всякий раз делает не просто виток, но выходит в «иное» пространство, не выводимое из предыдущего. Существующие модели искусственного интеллекта не способны на подобную «странный петлю», созидания нового из «ничего». А человек — способен.

«Незрелость» как условие развития экономики

Феномен «организованной незрелости» не является лишь культурным или психологическим следствием цифровизации, но выступает структурным фактором современной хозяйственной системы, встроен в архитектуру платформенной экономики. Алгоритмическая инфраструктура техноэкономики воспроизводит коллективные формы мышления, которые постепенно вытесняют индивидуальные. Это проявляется не только в росте зависимости от рекомендательных систем, но и в том, что меняется сам принцип принятия решений: вместо того чтобы рассуждать автономно, индивид делегирует свое право выбора алгоритмам.

Рост когнитивного инфантилизма имеет двойственную природу. С одной стороны, экономически рациональную: индивид отказывается от мыслительных усилий в обмен на комфорт и скорость решения задач. С другой стороны, его природа символическая: массовое восприятие искусственного интеллекта как «всезнающего» актора имеет эффект коммуникативного давления. Самостоятельное мышление воспринимается как риск или бесполезное усилие. Капитализм наблюдения выполняет функцию производства предсказуемости человеческого поведения, что неизбежно снижает экономическую устойчивость: система, лишенная творческого субъекта, становится самореферентной и замкнутой, что согласуется с логикой энтропийного роста у К. Леонтьева и парадоксами формальных систем, описанными Д. Хофтадтером.

Выход из этой ситуации для отдельного человека, ожидаемо, экзистенциален и во многом личностен. Если обратиться к метафоре экономики как игры, то ему можно предложить три стратегии: либо играть по правилам, но лучше всех (стать гроссмейстером), либо выйти из игры (эскапизм), либо, если хватит смелости заглянуть в бездну, станцевать на игровом поле совершенно новый танец.

Заключение

Между разумом в кантовской философии как средством освобождения и «отчужденным разумом» как инструментом технологического закрепощения можно провести четкий водораздел. Современный экономический мир XXI в. далек от того, что представлялось людям, вдохновленным идеями эпохи Просвещения. «Капитализм наблюдения» усилил контроль со стороны технологических компаний за индивидом. Как результат, в обществе наблюдается как добровольный, экономически рациональный, так и вынужденный, обусловленный авторитетом «умной» машины, когнитивный инфанилизм. Массовый отказ от индивидуального мышления приводит к распространению и отвердению устоявшихся поведенческих паттернов (как со стороны создателя экономической ценности, так и потребителя). Обернутые в технологические продукты (виртуальные ассистенты, чат-боты, платформы, приложения, гаджеты, алгоритмы), паттерны тиражируют массовые стереотипы.

Нарастающему авторитету коллективного разума может быть противопоставлена новая экономическая антропология, связанная с изучением возможности роста экономического самосознания. В работе были намечены три альтернативные модели: развивающая идеи И. Канта, со сдерживающим моральным фактором; восточная практика минимизации когнитивного шума через чувственную осознанность и, наконец, программа разрушения формы, в которой воспроизводится власть алгоритмов и массового сознания. Последняя связана с радикализацией субъекта, например, через эстетизацию проблематики искусственного интеллекта. Вне зависимости от выбранной траектории любой вариант потребует мужества от современного человека — заглянуть в бездну Ничто, проявив свою новую обретенную субъектность.

Литература

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ., под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 783 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. *Кант И.* Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Чоро, 1994. С. 29—37.
4. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна: В 3 ч. М.: ТЕИС, 2004. 336 с.
5. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / Пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.

6. *Хофштадтер Д.* Гедель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. Самара: Издат. дом «Бахрах-М», 2001. 752 с.
7. *Чепьюк О.Р.* Экономика без человека: генезис пустоты. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2020. 209 с.
8. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: A theory of development from the late teens through the twenties // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 5. P. 469—480.
9. *Bridle J.* New dark age: Technology and the end of the future. L.: Verso Books, 2018. 304 p.
10. *Datoo A. K., Siddiqui K. A.* ChatGPT and Death of an Author // Critical Humanities. 2024. Vol. 2. Iss. 2. DOI: 10.33470/2836-3140.1039.
11. *Doran P.* A Political Economy of Attention, Mindfulness and Consumerism: Reclaiming the Mindful Commons 1st ed. L.: Routledge, 2017. 130 p. DOI: 10.4324/9781315794075.
12. *Greenfield A.* Radical technologies: The design of everyday life. L.: Verso Books, 2017.
13. *Grothaus M.* Is the «Dead Internet» theory suddenly coming true? This could be a sign. Fast Company. 04.06.2024: URL://fastcompany.com/91092650/dead-internet-theory-true-tiktok-ai-influencers (дата обращения: 17.11.2025).
14. *Purser R.* McMindfulness: How Mindfulness Became the New Capitalist Spirituality. L.: Watkins Media Limited, 2019. 296 p.
15. *Scherer A.G., Neesham C.* Organized Immaturity in a Post-Kantian Perspective: Toward a critical theory of surveillance capitalism // Organization Theory. 2023. No. 4 (3). DOI: 10.1177/26317877231204083.
16. *Serck-Hanssen C.* Kant on Consciousness Heinämaa S., Reuter M. (eds.) // Psychology And Philosophy. Studies In The History of Philosophy of Mind. 2009. Vol 8. Springer, Dordrecht. DOI: 10.1007/978-1-4020-8582-6_8.
17. *Sturm Th., Wunderlich F.* Kant and the Scientific Study of Consciousness // History of the human sciences. 2010. No. 23. P. 48—71. DOI: 10.1177/0952695110363355.
18. *Venkatesh N.* Surveillance Capitalism: a Marx-inspired account // Philosophy. 2021. Vol. 96. No. 3. P. 359—385. DOI: 10.1017/S0031819121000164.
19. *Zuboff S.* The age of surveillance capitalism // Social Theory Rewired. Routledge, 2023. P. 203—213.

References

1. *Bell D.* The coming of post-industrial society; a venture in social forecasting. M.: Academia, 1999. 783 s.

2. *Baudrillard J.* Symbolic Exchange and Death. M.: Dobrosvet, 2000. 387 s.
3. *Kant I.* Answering the Question: What Is Enlightenment // Kant I. Collected Works in 8 vol. Vol. 8. M.: Choro, 1994. S. 29—37.
4. *Osipov Yu.M.* Epokha Postmoderna. V trekh chastyakh. M.: TEIS, 2004. 336 s.
5. *Habermas J.* The philosophical discourse of modernity: twelve lectures. M.: Ves' Mir, 2003. 416 s.
6. *Khofstadter D.R.* Gedel', Esher, Bakh: Eta beskonechnaya giryanda. Samara: Bakhrakh-M, 2001. 752 s.
7. *Chepyuk O.* Ekonomika bez cheloveka: genezis pustoty. N. Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, 2020. 209 s.

В.В. БЕЛКИН

Криптовалюты — «проклятая доля» цифровой эпохи: экономика растраты в социальной философии Жоржа Батая*

Аннотация. Статья осуществляет социально-философский анализ криптоэкономики через творческую интерпретацию концепции «проклятой доли» Жоржа Батая и теории циркуляции сущностных сил человека, разработанной в Пермской школе философии. Доказывается, что такие явления, как майнинг на proof-of-work, мем-коины и NFT, являются не аномалией, а имманентной формой растраты (*dépense*) избыточных ресурсов позднего капитализма, облеченный в алгоритмические формы. Криптоэкономика интерпретируется как новый ритуальный комплекс, создающий цифровое сакральное (децентрализация, доверие к коду) и утверждающий новые иерархии алгоритмического суверенитета. С позиции диалектики родовой и индивидуальной сущности человека и теории циркуляции сущностных сил человека демонстрируется, как растрата в крипто сфере приводит к системному искажению цикла человеческой самореализации, превращая деятельность в инструмент усиления онтологического отчуждения.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Белкин В.В. Криптовалюты — «проклятая доля» цифровой эпохи: экономика растраты в социальной философии Жоржа Батая // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 212—227. DOI: 10.5281/zenodo.17781011.

Ключевые слова: проклятая доля, растрата, криптоэкономика, Жорж Батай, Пермская философская школа, сущностные силы человека, поздний капитализм, отчуждение, сакральное, майнинг, NFT, суверенитет, цифровой потлач.

Abstract. The article provides a socio-philosophical analysis of the crypto economy through a synthesis of Georges Bataille's concept of «the accursed share» and theory of the circulation of human essential forces developed at the Perm School of Philosophy. It is argued that phenomena such as proof-of-work mining, meme-coins, and NFTs are not anomalies but an immanent form of expenditure (dépense) of the late capitalism's excess resources, clothed in algorithmic forms. The crypto economy is interpreted as a new ritual complex that creates a digital sacred (decentralization, trust in code) and asserts new hierarchies of algorithmic sovereignty. From the perspective of the dialectic of the generic and individual essence of man and the theory of the circulation of essential human forces, it is demonstrated how waste in the cryptosphere leads to a systemic distortion of the cycle of human self-realization, turning activity into an instrument for strengthening ontological alienation.

Keywords: the accursed share, expenditure, crypto economy, Georges Bataille, Perm School of Philosophy, human essential forces, late capitalism, alienation, the sacred, mining, NFT, sovereignty, digital potlatch.

УДК 1:316,
ББК 60.02.

На рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. цифровая экономика стала свидетелем беспрецедентного по своему масштабу и характеру феномена — стремительного взлета и институционализации криптовалют и основанных на блокчейне активов. Парадоксальным образом данный феномен существует в состоянии фундаментального внутреннего противоречия. С одной стороны, он легитимируется дискурсом утилитарности, эффективности и технологического прогресса: криптоактивы позиционируются как инструмент финансовой инклюзивности, децентрализации власти, создания принципиально новых систем доверия (trustless-систем) и оптимизации глобальных расчетов. С другой стороны, эмпирическая реальность криптоэкономики демонстрирует шокирующую иррациональность и расточительность. Колossalные энергозатраты майнинга Bitcoin, сравниваемые с потреблением целых стран; спекулятивные пузыри вокруг мем-коинов, чья стоимость зиждется ис-

ключительно на интернет-культуре и абсурде; многомиллионные транзакции за цифровые изображения (NFT), которые можно бесплатно скопировать; регулярные катастрофические обвалы проектов-«однодневок» — все это указывает на то, что логика традиционной экономической рациональности и накопления ресурсов здесь если и работает, то претерпевает радикальные трансформации. Это противоречие между декларируемой утилитарностью и очевидной растратой требует не технологического или экономического, но, прежде всего, социально-философского осмыслиения.

Основная идея, или гипотеза, данной статьи состоит в том, что криптоэкономика в ее наиболее спекулятивных и энергозатратных проявлениях является прямой и закономерной проекцией в цифровую эпоху концепции «проклятой доли» (*la part maudite*), разработанной французским философом левого толка Жоржем Батаем. Под влиянием идей К. Маркса об отчуждении труда и опредмечивании его в капитале Батаев пишет свою известную работу «Проклятая часть» [1]. Согласно Батаю, любая живая система производит избыток энергии, который не может быть продуктивно потреблен и потому должен быть безвозмездно расщарчен — через жертвоприношения, войны, монументальное искусство или роскошь, дабы система могла сохранять динамическое равновесие. Жизнь, по Батаю, существует не для того, чтобы ее сохраняли, а для того, чтобы ее растрачивали. Мы предполагаем, что криптоэкономика, особенно в таких ее формах, как майнинг на proof-of-work, мем-коины и NFT, стала новым, алгоритмически опосредованным ритуалом растраты избыточного капитала, вычислительных мощностей и человеческого внимания, накопленных в системе позднего капитализма. Она выступает не аномалией, а имманентным механизмом «сброса» напряжения, порождаемого самим процессом гиперпродукции и накопления.

Целью статьи является социально-философский анализ криптоэкономики сквозь призму теории «проклятой доли» Ж. Батая. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи: 1) реконструировать ключевые положения батаевской концепции всеобщей экономики и растраты; 2) проанализировать конкретные практики криптоэкономики (майнинг, спекуляции, мем-коины) как формы современной «проклятой доли»; 3) выявить сакральный и ритуальный аспекты этих практик; 4) используя концепцию циркуляции сущностных сил человека К.В. Прозументика, показать, как растрата в крипто сфере не просто уничтожает избыток, но и системно искажает процесс человеческой самореализации; 5) синтезировать выводы, показав, что криптоэкономика является закономерным этапом в развитии экономики растраты. Структура статьи следует данной логике: от теоретического фундамента — через

эмпирический анализ — к критической интерпретации и синтезу, что позволяет последовательно обосновать выдвинутую гипотезу.

«Всеобщая экономика» Жоржа Батая

Фундаментальной основой для предлагаемого в данной статье анализа криптоэкономики служит концепция «всеобщей экономики» французского философа и антрополога Жоржа Батая, центральное место в которой занимает теория «проклятой доли». Если классическая политическая экономия, начиная с Адама Смита [9] и Давида Рикардо [8], рассматривает хозяйственную жизнь как «ограниченную экономику», замкнутую на производстве, обмене и накоплении полезных благ, направленном на удовлетворение потребностей, то Батай предлагает радикально иной взгляд, утверждая, что истинный двигатель экономических и, шире, исторических процессов — не дефицит, а, напротив, *избыток* производимой обществом энергии, и ключевой проблемой становится не производство, а *растрата* этого избытка. Этот избыток, который не может быть утилизирован для дальнейшего роста системы, Батай и называет «проклятой долей» (*la part maudite*). «Проклятость» этой доли заключается в ее роковой неизбежности: энергия должна быть израсходована, растрата безвозмездно, иначе ее накопление приведет к разрушительным последствиям для самой системы — взрывообразной разрядке в форме катастрофических войн или революций. Таким образом, суть «всеобщей экономики» — это изучение путей и форм этой неизбежной растраты излишков на уровне всего человечества и биосферы.

Центральным понятием, описывающим способы расходования «проклятой доли», является *dépense* — безвозмездная растрата, трата, не предполагающая какой-либо компенсации или выгоды, трата ради самой траты. В противоположность утилитарному потреблению, растрата является непродуктивной, она изымает ресурсы из цикла накопления и прироста. Именно в актах чистой растраты, по Батаю, человек обретает свой *сouverenитет* — свободу от утилитарного диктата полезности и выгоды.

Историко-антропологический анализ предоставляет множество примеров таких практик. Наиболее ярким из них является институт *потлача*, существовавший у индейцев тихоокеанского побережья Северной Америки. Во время потлача вожди, знатные и авторитетные воины соперничали в статусе, демонстративно уничтожая или раздаривая огромные богатства — утварь, лодки, одеяла, умерщвляли сотни рабов. Целью было не приобретение, а символическое утверждение превосходства через акт наивысшей растраты, способной опозорить противника, который не мог ответить таким же объемом бессмысленных иррациональных

трат. Другим архаическим примером являются жертвоприношения, где уничтожению (богам в дар) предавались ценнейшие ресурсы — урожай, скот, а в крайних формах, как у ацтеков, и человеческие жизни. Жертвоприношение было способом вернуть богам избыток энергии, полученный от них, дабы восстановить космический порядок.

С развитием цивилизации формы растраты менялись, но не исчезали. Войны, с их колоссальным уничтожением материальных и человеческих ресурсов, Батай рассматривает как одну из самых чудовищных и неизбежных форм «сброса» накопленного избытка. Однако растрата может принимать и продуктивные, возвышенные формы, не связанные с прямым насилием и разрушением. Строительство гигантских культовых сооружений — соборов, пирамид, не несущих утилитарной функции, создание произведений искусства, роскошь и гигантские празднества — все это также служило каналами для отвода «проклятой доли». Общим для всех этих практик является их принадлежность к сфере *сакрального*. Батай проводит четкое разделение между *профанным* миром — миром полезного, продуктивного, подчиненного логике накопления и миром *сакрального* — миром суверенной траты, насилия, экстаза и табу, где нарушаются привычные законы профанной экономики. Сакральное одновременно ужасает и притягивает, оно является запретным и желанным. Именно в сакральной сфере через акты растраты общество не только избавляется от излишков, но и переживает коллективный транс, утверждает свои символические ценности и иерархии. Таким образом, теория Батая предлагает рассматривать историю человечества не как линейный прогресс рациональности и накопления, а как диалектику профанного и сакрального, накопления и растраты, где иррациональная *dépense* является не пережитком прошлого, а конституирующими основанием социального порядка. Этот теоретический инструментарий позволяет по-новому взглянуть на кажущуюся иррациональность современных экономических феноменов, в частности криптоэкономики, увидев в них не аномалию, а новейшую форму древнего, онтологически обусловленного процесса растраты избытка.

Криптоэкономика как система растраты: эмпирический анализ

Криптоэкономика, при всей ее технологической новизне, представляет богатейший эмпирический материал для демонстрации действия описанных Батаем механизмов растраты. Ее наиболее яркие проявления не просто случайны, но системны и выступают прямым воплощением «проклятой доли» в цифровую эпоху, принимая форму современного жертвоприношения, цифрового потлача и бессмысленного разрушения.

Майнинг криптовалют в данном контексте представляется как жертвоприношение чистой энергии. Наиболее наглядным и физически осязаемым примером батаевской растраты является майнинг на алгоритме Proof-of-Work (PoW), лежащий в основе Bitcoin и ряда других криптовалют. Его суть заключается не в решении полезных научных задач, а в проведении триллионов вычислений для подбора хэша — криптографической подписи блока. Эти вычисления не несут в себе внутренней ценности; их единственная цель — доказать, что майнер затратил реальные, измеримые ресурсы, в первую очередь электроэнергию. Энергия, которая могла бы быть направлена на отопление жилищ, работу больниц или производство товаров, целенаправленно и демонстративно превращается в тепло и математический результат, не имеющий утилитарного применения вне самого протокола.

Энергопотребление сети Bitcoin, по разным оценкам, сопоставимо с потреблением целых стран, таких как Аргентина или Норвегия. Этот процесс представляет собой чистейшую, рафинированную и технологически совершенную на данный момент форму *dépense* — безвозвратной траты. Это цифровое жертвоприношение, где в качестве жертвы выступают гигаватты энергии и вычислительные мощности. Как и в архаических ритуалах, ценность рождается не из полезности действия, а из самого факта уничтожения ценного ресурса. Особенно примечательно, что доверие к сети и стоимость биткоина являются прямым продуктом этой гигантской растраты, что полностью соответствует батаевской логике: священное (децентрализованное доверие) рождается через акт жертвенной траты. Таким образом, вера основывается на растрате, которая, выполняя фактически функцию психологической легитимации ценности криптомонет, уже не представляется такой бессмысленной. Оказывается, что все-таки вера нуждается в материальном подтверждении. Бенджамин Браттон, прямо связывая майнинг с жертвоприношением, и называет Блокчейн «теологией вычислений» [10].

Если майнинг — это жертвоприношение, то рынок мем-коинов и NFT — это современная версия потлача. Мем-коины, такие как Dogecoin или Shiba Inu, изначально лишены какой-либо утилитарной ценности или технологической инновационности. Их стоимость на 100% определяется культурным нарративом, иронией, сообществом и, в конечном счете, способностью инвесторов демонстративно растрачивать капитал на чистейший абсурд. Покупка таких активов — это акт символического участия в общем празднике, жесте, утверждающем принадлежность к «цифровому племени», ежегодно проводящем свою литургию на фестивале «Burning man», где идеология цифрового сообщества проходит «обкатку» в физическом мире. Это соревнование в том, кто больше готов

«сжечь» денег ради шутки, что является прямой калькой с соревнований вождей во время потлача. Еще более показательны NFT (невзаимозаменяемые токены). Покупка уникального цифрового сертификата на изображение, которое можно бесконечно копировать, есть акт чистейшей, ничем не опосредованной растраты. Покупатель платит не за полезность (изображение доступно всем), а за право символического присвоения, за статус, за демонстрацию своей способности участвовать в этом ритуале. Ценность возникает исключительно из коллективной веры, подпитываемой самим актом растраты. Рекордные суммы, уплачиваемые за такие токены, — это и есть механизм потлача, где статус обретается через самое масштабное и демонстративное уничтожение богатства (в данном случае конвертированного в Ethereum или другую валюту).

Динамика крипторынка с его циклическими пузырями и обвалами представляет собой процесс периодической катаклизмической растраты. Крах таких экосистем, как TerraLUNA, или банкротство гигантских фондов и бирж, как FTX, — это не случайные сбои, а системные события, выполняющие функцию «сброса» накопленного избытка. В моменты спекулятивной лихорадки капитал стремительно накапливается в отдельных активах, создавая финансовую сверхновую. Его последующий коллапс — это моментальное и тотальное уничтожение сотен миллиардов долларов виртуальной стоимости. С точки зрения профаний экономики Батая — это ритуал очищения, необходимый для вывода системы из состояния неустойчивого перенапряжения. Эти крахи являются аналогом архаических войн или революций — ужасающих, но необходимых форм расходования «проклятой доли». Спекуляция же выступает повседневным, растянутым во времени ритуалом, где тысячи участников растрачивают свои ресурсы (капитал, время, эмоциональную энергию) в надежде на прибыль, которая, по законам жанра, достанется лишь немногим. Это добровольное участие в лотерее, где ставкой является растрата, а выигрышем — право продолжить игру. Таким образом, криптоэкономика институционализировала и вывела на новый уровень древние механизмы растраты, облачив их в алгоритмические одежды, но оставив их сущность неизменной: уничтожение избытка остается фундаментальным и неустранимым принципом ее существования.

Криптоэкономика, при всей своей технологической современности, демонстрирует архаичные, почти мифологические черты, которые находят точное объяснение в рамках батаевской оппозиции сакрального и профанного. Ее внутренняя логика и культурный код выстраиваются

вокруг новой формы священного, где алгоритмы заменяют божественный закон, децентрализация становится доктриной, а ключевые фигуры обретают статус сакральных или проклятых суверенов.

Вера в священные алгоритмы и децентрализацию с подчас ужасающей ясностью начинает выглядеть как новая религия. Ядром криптокультуры является глубокая, почти религиозная вера в сакральность кода и децентрализации. Это проявляется в создании своеобразного культового дискурса. Протоколы (биткоин, эфириум) наделяются свойствами божественного откровения — они неизменны (догматичны), не подконтрольны людям (трансцендентны) и являются источником истины и доверия. Децентрализация становится высшей ценностью, объектом стремления и веры, своего рода «спасением» от коррумпированного и несовершенного централизованного мира традиционных финансовых и государств. Децентрализация дает иллюзию выхода за пределы контроля прежних властных дискурсов — государственных суверенитетов и мировых финансовых институтов. Здесь мы снова встречаемся с терминологией Батая, который связывал трансгрессию с нарушением или преодолением пределов и запретов общества, особенно в сферах смерти и сексуальности. Это не просто выход за границы, а фундаментальный аспект человеческого опыта, который ведет к самопреодолению и поиску смысла, часто проявляясь в виде ритуального нарушения табу. Идеи цифрового бессмертия обсуждаются уже не первое десятилетие

Однако выход за пределы контроля есть чистейшей воды иллюзия. Протоколы криптовалют не менее тоталитарны, нежели привычные формы контроля предыдущей, аналоговой эпохи. Карла Л. Рейес утверждает, что «код как закон» — это подсистема правовых норм внутри правовой системы [10, 135].

В свою очередь, Александр Гэллоуэй (Alexander Galloway) в своей книге обосновывает идею о том, что протокол — это форма управления, которая отрицает, что она является формой управления, чем помогает критиковать миф о децентрализации, показывая, что растрата энергии может быть формой поддержания новой, алгоритмической власти [11].

Он однозначно указывает на то, что «основополагающим принципом сети является контроль, а не свобода. Контроль существовал с самого начала. Возможно, это другой тип контроля, чем мы привыкли видеть. Это тип контроля, основанный на открытости, вовлеченности, универсализме и гибкости. Это контроль, основанный на высоком уровне технической организации (протоколе), а не на том или ином ограничении свободы личности или принятии решений (фашизме)» [11, 142].

Дэвид Голумбия также однозначно указывает на то, что криптовалюты далеко политически не нейтральны и, в частности, биткоин — идеологический, фундаментально консервативный проект, направленный на укрепление неолиберальных ценностей через их мистификацию в программном коде [12, 12].

Ритуалы этой религии — «теологии вычислений», как метко назвал этот феномен Бенджамин Браттон [10], — майнинг и транзакции. Майнинг, как было показано, является жертвоприношением, а каждая подписанная транзакция — актом подтверждения веры в непогрешимость сети. Даже экосистема децентрализованных приложений (DeFi, NFT) строится по принципу сакральной иерархии: есть «канонические» протоколы и смарт-контракты, а есть «еретические» форки и скамы. Сообщество адептов объединено общей верой, своим языком (хайп, FOMO, FUD, GM) и эсхатологической надеждой на «гикс» — массовое принятие, которое наступит как мессианское время. Эти термины работают как механизмы создания сакрального пространства в криптоисреде.

Таким образом, криптоисфера формирует полноценный сакральный универсум внутри профанного мира традиционной экономики, предлагая своим последователям не просто финансовые инструменты, а целостное мировоззрение и систему смыслов.

Центральной мифологической фигурой этого универсума является анонимный создатель биткоина — Сатоши Накамото. Его фигура обладает всеми атрибутами сакральной амбивалентности, описанной Батаем: она одновременно вызывает благоговение и ужас, является и святой, и проклятой. Сатоши — это мессия, принесший новое учение (White Paper) и сотворивший мир (Genesis Block), но затем удалившийся от дел, оставив после себя лишь миф. Его анонимность есть форма трансцендентности; он вездесущ (его псевдоним знают все) и нигде не локализован (его истинная личность неизвестна). Это делает его идеальной проекционной поверхностью для любых нарративов сообщества. В то же время он — козел отпущения (pharmakos). В периоды кризисов и падений рынка его фигура может становиться объектом критики и насмешек — именно его творение обвиняют в экологическом вреде, спекулятивности и нестабильности. Он несет на себе бремя вины за все «грехи» системы. Эта двойственность (сакральное/проклятое, творец/отступник) является классическим признаком мифологического основателя, чья сила проистекает именно из его ухода и таинственности, что позволяет системе существовать автономно от своего создателя.

Если Сатоши — это божество-демиург, то крупные держатели активов, «киты» — это новые цифровые суверены, в батаевском понимании.

Их суверенитет определяется не политической властью, а способностью к демонстративной, безвозмездной растрате, которая утверждает их статус и власть над системой.

Они действуют в логике потлача: масштабная покупка или, что еще показательнее, «сжигание» (безвозвратное уничтожение) огромного количества токенов — это жест, призванный продемонстрировать их абсолютную свободу от профанной логики накопления ради выгоды. Они могут манипулировать рынком, порождая своими действиями FOMO (страх упустить выгоду) или FUD (страх, неопределенность, сомнение) среди «плебса» — рядовых участников. Их богатство является не просто денежным, а символическим капиталом, конвертированным во влияние внутри сообщества. Их твиты становятся пророчествами, их действия — ритуалами, подчиняющими себе всю экосистему. Однако их суверенитет, как и в архаических обществах, непрочен. Они вынуждены постоянно подтверждать его новыми актами растраты и демонстрации силы, рискуя в любой момент быть низвергнутыми другими «китами» или коллективным гневом сообщества в момент краха. Таким образом, криптоэкономика не отменяет, а транслирует в цифровой сфере древнейшие социальные механизмы создания сакрального, формирования культа основателя и утверждения суверенной власти через акты чистой, непродуктивной траты.

Критика и возражения

Критический анализ криптоэкономики через призму «проклятой доли» неизбежно сталкивается с контраргументами, основанными на логике утилитаризма и технократического прогрессивизма. Однако их рассмотрение лишь позволяет углубить и усилить основной тезис, выводя его на уровень анализа трансформации самой человеческой деятельности.

Главным возражением против интерпретации криптоэкономики как системы растраты является аргумент о «временных издержках». С этой точки зрения, энергозатратный майнинг, спекулятивные пузыри и прочие «перекосы» воспринимаются как неизбежные, преходящие «costs of adoption» на пути к технологической революции. Сторонники этой позиции утверждают, что Proof-of-Work — это лишь первый, несовершенный шаг, уже сменяемый более экологичными алгоритмами (Proof-of-Stake), а иррациональность мем-коинов — побочный продукт свободного рынка, который в конечном итоге будет вытеснен «полезными» проектами в сфере DeFi, Web3 и цифровой идентичности. В этом нарративе растрата предстает как досадная, но временная аномалия, которая будет преодолена по мере созревания технологии и ее интеграции

в «нормальную» экономику, где возобладает принцип утилитарной полезности.

Данному технооптимизму может быть противопоставлен более радикальный взгляд, синтезирующий Батая и Маркса. С батаевской точки зрения, растрата не является «издержкой»; она конститутивна для системы. Именно гигантские энергозатраты майнинга создают ореол сакральности и неоспоримого доверия вокруг биткоина, подобно тому как затраты на строительство соборов утверждали могущество Церкви. Это не побочный эффект, а фундаментальное условие возникновения ценности в этой системе. Марксистский анализ добавляет к этому понятие отчуждения. «Самоотчуждение человека от себя и от природы проявляется в том, что продукт его труда, его опредмеченная сущностная сила противостоит ему как нечто чуждое, как независимая от производителя сила» [7, 564]. Деятельность майнера или спекулянта отчуждена от своей человеческой сущности: она направлена не на целостное развитие человека и преобразование мира, а на поддержание и приумножение абстрактной, самодовлеющей системы криптовалют, которая подчиняет себе своего создателя. Таким образом, растрата является не внешним изъяном, а внутренним принципом, механизмом, порождающим и поддерживающим эту новую форму отчуждения.

Концепция сущностных сил человека (ССЧ), разработанная К.В. Прозументиком [6] на базе трудов ученых Пермской философской школы [5], позволяет перевести эту критику на онтологический уровень, показав, как криптоэкономика не просто растрачивает ресурсы, но системно искажает цикл человеческой самореализации. Согласно Прозументику, любая сущностная сила реализуется в пяти взаимосвязанных модусах: *в-себе* (потенция), *вовне-себя* (деятельность, интенция), *для-другого* (опредмечивание), *через-другого* (ретениция, влияние среды) и *для-себя* (распредмечивание, присвоение, обогащение субъекта).

В майнинге цикл ССЧ радикально усекается и извращается. *Деятельность* (сила *вовне-себя*) майнера направлена не на создание общественно значимого предмета, а на решение бессмысленной, с человеческой точки зрения, математической задачи. Результат этой деятельности — нахождение хэша — является опредмечиванием (*для-другого*), но не в форме обогащения культуры, а в форме подтверждения работы для алгоритма. Этот предмет не подлежит полноценному *распредмечиванию* и *присвоению* (*для-себя*) как содержательное богатство, он лишь приносит вознаграждение. Цикл замыкается не на развитии человеческих способностей, а на поддержании функционирования машины. Сущностная сила человека не обогащается, а инвестируется в воспроизведение чуждой, нечеловеческой, неживой системы.

Деятельность спекулянта застревает на самых примитивных уровнях мотивационно-побудительного и чувственно-деятельностного регионов ССЧ. *Потребности и интересы* (мотивационный уровень) сводятся к азартному стремлению к прибыли. *Чувственность* (чувственно-деятельностный уровень) не развивается в «человеческую, общественную чувственность», а, напротив, оголяется до животных реакций страха FUD — Fear, Uncertainty and Doubt, «страх, неуверенность, сомнение», и FOMO — Fear of Missing Out, «боязнь упустить выгоду». Цикл ССЧ не проходит полноценного опосредования, не поднимается до уровня созидающего опредмечивания и культурного распредмечивания. Это регрессивная траты человеческой энергии, блокирующая ее восхождение к более сложным и содержательным формам (моральным, эстетическим, интегральным).

NFT как симулякр опредмечивания/распредмечивания: NFT создает иллюзию полноценного цикла. Художник *опредмечивает* свое творчество в токене (*для-другого*), а покупатель, как кажется, *распредмечивает* его, присваивая как «уникальный» цифровой актив (*для-себя*). Однако это симулякр, который, как известно, есть «не то, что скрывает истину, — это истина, которая скрывает, что ее нет. Симулякр и есть истина» [2, 193]. Таким образом, оказывается, что растрата ресурсов через мем-коины и NFT как чистая симуляция и есть конечная «истина» процесса.

Уникальность искусственна и основана на консенсусе, а не на реальном преобразовании материала. Присвоение не обогащает внутренний мир субъекта новыми смыслами и способностями, а лишь наделяет его абстрактным правом собственности на запись в реестре. Цикл ССЧ имитируется, но его суть — диалектическое взаимодействие субъекта и мира через созидание и освоение культуры — выхолащивается, подменяясь чисто экономическим актом купли-продажи статуса.

Растрата как принцип отчуждения

Синтез двух подходов позволяет сделать окончательный вывод. Батай предоставляет макроэкономическое и антропологическое обоснование: криптоэкономика — это исторически обусловленная форма сброса «проклятой доли» избыточного капитала и энергии в цифровую эпоху. Прозументик предлагает микроуровневый, онтологический анализ: эта растрата осуществляется через системное искажение и перехват циркуляции сущностных сил человека.

Криптоэкономика не просто безвоздемедно уничтожает избыток, как это делали архаические празднества. Она создает целый аппарат, который направляет человеческую деятельность (силу *вовне-себя*) в русло,

искусственно прерывающее ее естественный цикл. Этот аппарат предлагает суррогатные формы опредмечивания и распредмечивания, которые не ведут к развитию родовой сущности человека, а, напротив, отчуждают его деятельность, замыкая ее на воспроизведение самой системы растраты.

Таким образом, растрата в криптоэкономике — это не побочный эффект, а имманентный принцип работы и конечная цель данного аппарата. Он функционирует, систематически отклоняя человеческую деятельность от содергательного, преобразующего мир и самого человека диалога и переводя ее в режим непродуктивного, но бесконечно воспроизводимого жертвоприношения, будь то жертва энергии, времени, творческого потенциала или финансовых ресурсов. Криптоэкономика, таким образом, предстает не просто новой индустрией, а машиной по генерации онтологически ущербных форм человеческой деятельности, маскирующей эту ущербность под флером технологического прогресса и финансовой свободы.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, обобщающих социально-философское осмысление феномена криптоэкономики через призму концепции «проклятой доли» Жоржа Батая и теории циркуляции сущностных сил человека К.В. Прозументика.

Основной тезис исследования заключается в том, что криптоэкономика представляет собой не аномалию или временное отклонение, а закономерную и имманентную форму проявления «проклятой доли» в условиях постиндустриального, цифрового общества. Если традиционный индустриальный капитализм порождал избыток материальных товаров, требующий растраты через войны или кризисы перепроизводства, то современность характеризуется избытком вычислительных мощностей, финансового капитала и человеческого внимания. Криптоэкономика, со своим энергоемким майнингом, спекулятивными пузырями и культурой мем-коинов, возникает как функциональный механизм сброса этого нового вида избытка. Она является не просто технологическим новшеством, но современным ритуальным комплексом, выполняющим ту же архаическую функцию, что и жертвоприношение или потлач: безвозмездная растрата излишков конституирует социальный порядок, утверждает новые формы сакрального (децентрализация, алгоритмическое доверие) и создает иерархии цифрового суверенитета.

Более того, как показал анализ через концепцию Прозументика, данная растрата носит не только макроэкономический, но и глубоко ан-

тропологический характер. Крипtosистемы не просто уничтожают избыточную энергию, но и выступают мощным аппаратом по перехвату и системному искажению циркуляции сущностных сил человека. Деятельность майнера, спекулянта или создателя NFT оказывается замкнутой на воспроизведение самой системы растраты, что прерывает естественный цикл человеческой самореализации (опредмечивание — распредмечивание) и ведет к регрессу от сложных, содержательных форм деятельности к примитивным, анимальным реакциям стяжания и азарта. Как писал еще Маршалл Маклюэн, «Средство коммуникации и есть сообщение» [3, 7], что позволяет нам утверждать, что сообщение блокчейна — это не децентрализация, а есть сама растрата, форма и есть содержание. Таким образом, растрата предстает не побочным эффектом, а онтологическим принципом, на котором основано функционирование данного цифрового аппарата.

Перспективы дальнейшей работы видятся в философско-правовом исследовании децентрализованных автономных организаций (DAO), которые могут рассматриваться как попытка институционализации новой, алгоритмической формы коллективного суверенитета, основанной на ритуале совместной растраты ресурсов для принятия решений.

В заключение необходимо отметить что, криптоэкономика подтверждает правоту базовой интуиции Батая: человечество не может существовать в рамках одной лишь логики накопления и утилитарной полезности. Избыток требует выхода, и если общество не находит позитивных, творческих форм его растраты (искусство, празднество, щедрость), то избыток неизбежно находит себе выход в негативных, деструктивных или, как в случае с крипtosистемами, в онтологически ущербных формах, которые, маскируясь под технологический прогресс, на деле являются древними как мир ритуалами жертвоприношения, облечеными в новые, цифровые одежды.

Литература

1. *Батай Ж.* Проклятая часть. Опыт общей экономики // Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология / Пер. с фр., сост. С.И. Зенкин. М.: Ладомир, 2006. 738 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
3. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. В. Николаева. М.: Гиперборея, 2007. 462 с.

4. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 517—642.
5. *Преображенский Г.М.* Пермская университетская школа научной философии / Г.М. Преображенский, К.В. Прозументик // Vox. Философский журнал. 2022. Т. 18. № 38. С. 88—132. DOI 10.37769/2077-6608-2022-38 4. EDN RAOLWD.
6. *Прозументик К.В.* Сущностные силы человека: структура и уровни // Философия социальных коммуникаций. 2012. № 4 (21). С. 35—43. EDN PNOQAL.
7. *Рейес К.Л.* (Не)корпоративное криптоуправление // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 1. С. 135—173.
8. *Рикардо Д.* Начала политической экономии. М., 1955. 360 с.
9. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962. 686 с.
10. *Bratton B.H.* The Stack: On Software and Sovereignty. Cambridge, MA: MIT Press, 2016. 502 p.
11. *Galloway A.R.* Protocol. How Control Exists after Decentralization. London, 2004. 286 p.
12. *Golumbia D.* The Politics of Bitcoin: Software as Right-Wing Extremism. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2016. 216 p.

References

1. *Bataj Zh.* Proklyataya chast'. Opyt obshchej ekonomiki // Bataj Zh. Proklyataya chast': Sakral'naya sociologiya / Per. s fr., sost. S.I. Zenkin. M.: Lademir, 2006. 738 s.
2. *Bodrijyar Zh.* Simvolicheskij obmen i smert' / Per. s fr. S.N. Zenkina. M.: Dobrosvet, 2000. 387 s.
3. *Maklyuen M.* Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka / Per. V. Nikolaeva. M.: Giperboreya, 2007. 462 s.
4. *Marks K.* Ekonomichesko-filosofskie rukopisi 1844 goda // Marks K., Engel's F. Iz rannih proizvedenij. M.: Gospolitizdat, 1956. S. 517—642.
5. *Preobrazhenskij G.M.* Permskaya universitetskaya shkola nauchnoj filosofii / G.M. Preobrazhenskij, K.V. Prozumentik // Vox. Filosofskij zhurnal. 2022. Т. 18. № 38. С. 88—132. DOI 10.37769/2077-6608-2022-38 4. EDN RAOLWD.
6. *Prozumentik K.V.* Sushchnostnye sily cheloveka: struktura i urovni // Filosofiya social'nyh kommunikacij. 2012. № 4 (21). С. 35—43. EDN PNOQAL.
7. *Rejes K.L.* (Не)корпоративное криптоуправление // Russian Journal of Economics and Law. 2021. № 1. С. 135—173.

8. *Rikardo D. Nachala politicheskoy ekonomii.* M., 1955. 360 s.
9. *Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov.* M., 1962. 686 s.

А.А. МИХАЛКИН

Влияние экономической и цифровой трансформации на идеологические процессы современного общества: историко-материалистический подход^{*}

Аннотация. Современное общество — продукт недавних трансформационных процессов, речь о которых пойдет в данной статье. Нам интересно рассмотреть не просто взаимосвязь экономики и идеологии, но и исследовать на примере современности, какое влияние на идеологию оказали обозначенные нами выше изменения. Немаловажную роль играет акцент на цифровизации как многогранном явлении, имеющем отражение в плоскости социального, политического, а также экономического и идеологического. В данной работе идеология рассматривается преимущественно во взаимоотношениях с экономикой и производством, в связи с чем возникает возможность продемонстрировать актуальность историко-материалистического метода в социально-философских исследованиях.

Ключевые слова: идеология, экономика, капитализм платформ, неолиберализм.

Abstract. Modern society is a product of recent transformational processes, which will be discussed in this article. It is interesting for us to consider not only the relationship between economics and ideology, but also to examine, using the example of modernity, the impact of the above-mentioned changes on ideology. An important role is played by the emphasis on digitalization, as a multifaceted phenomenon on the plane of social, political, including economic and ideological. In this work, ideology is considered primarily in its relationship with economics and production, which makes it possible to demonstrate the relevance of the historical-materialistic method in socio-philosophical research.

Keywords: ideology, economics, platform capitalism, neoliberalism.

* Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Михалкин А.А. Влияние экономической и цифровой трансформации на идеологические процессы современного общества: историко-материалистический подход // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 227—239. DOI: 10.5281/zenodo.17781035.

УДК 316.33
ББК 87.66

Исторический материализм является методом, разработанным К. Марксом и Ф. Энгельсом — первой и одной из фундаментальных работ в этой области была «Немецкая идеология». Собственно говоря, в этой работе авторы затрагивают проблемы теории идеологии. Проблема теории идеологии Маркса заключается в том, что сам родоначальник научного коммунизма не давал никаких конкретных определений идеологии. Том Рокмор, американский философ, указывает на то, что теория идеологии, представленная в «Немецкой идеологии», не была должным образом разработана или обоснована, а лишь обозначена, что делает ее незавершенной [13, 165]. В принципе, Рокмор указывает на действительное положение в теории идеологии марксизма, а именно на то, что, в отличие от других разделов и направлений исследований в теории марксизма (например, диалектического материализма, теории прибавочной стоимости, учения о революции и т. д.), исследования идеологии у Маркса представляют собой черновой набросок, который был далее развит его последователями. Мы же, обращаясь в рамках нашего исследования к историко-материалистическому подходу, разделяем мнение отечественного философа Д.А. Давыдова, который в своей работе «Посткапитализм и рождение персоналиата» рассматривает исторический материализм следующим образом: «Под материалистическим пониманием истории здесь понимается не “завершенное” учение К. Маркса и его последователей, а открытая для критики и пересмотра совокупность методологических установок, ставящих во главу угла сферу производства (как в узком, так и в “широком” смысле)...» [2, 20]. Как у сторонников исторического материализма, так и у его противников возникает ошибочное понимание последнего, сводя все к экономическому детерминизму. Так, Энгельс в своем письме Й. Блоху отмечает: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом, в конечном счете, является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственным определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую абстракцию, бессмысленную фразу» [19, 394]. Из этого следует, что Энгельс, и, как понятно из его слов, Маркс были решительными противниками абсолютизации влияния экономических отношений на другие сферы жизни общества.

Исторический материализм, на наш взгляд, заключается не только в определении ведущей роли производственных отношений в жизни социума, но и в диалектическом понимании общественных процессов. Многие исследователи скептически относятся к историческому материализму сегодня из-за, возможно, негативного личного опыта советского прошлого, но современные исследователи в историческом материализме могут найти сильный инструмент исследования. Фундаментальным принципом истмата является признание ведущей силой развития производительных сил. Об этом пишет Энгельс: «Материалистическое понимание истории исходит из того положения, что производство, а вслед за производством обмен его продуктов, составляет основу всякого общественного строя» [18, 771]. Последнее включает в себя людей, средства производства и способ производства. Однако метод исторического материализма заключается в диалектическом понимании общества. А.А. Зиновьев, оригинальный отечественный мыслитель и один из критиков марксизма, писал, что «пренебрежение к диалектике в современных социальных исследованиях не имеет никакого разумного оправдания. В реальной жизни очевидным образом происходит все то, о чем говорили диалектики» [5, 61]. Применение диалектики относительно изучения общества позволяет создавать целостную и системную, а что самое главное — объективную картину исследования. Главное — избавить диалектический метод от механицизма, который является продуктом советской доктрины философии второй половины прошлого века.

Руководствуясь диалектическим методом, мы должны указать на динамический характер отношений между экономикой и идеологией, т. е. между общественным материальным и идеальным, и советский философ Э.В. Ильинков, в частности, рассматривал вопрос между взаимодействием этих категорий. Так, он указывал, что «процесс, в ходе которого материальная жизнедеятельность общественного человека начинает производить уже не только материальный, но и идеальный продукт, начинает производить акт идеализации действительности (процесс превращения “материального” в “идеальное”), а затем, уже возникнув, “идеальное” становится важнейшим компонентом материальной жизнедеятельности общественного человека, и начинает совершаться уже и противоположный первому процессу процесс материализации (определяя, овеществления, “воплощения”) идеального» [6, 18]. Ильинков в этой цитате акцентирует внимание на тесной взаимосвязи материального и идеального, в рамках нашего исследования мы говорим о взаимоотношениях двух сторон общественной жизни, особо выделяя процесс идеализации, который, по его мнению, рождается из материальной дея-

тельности человека. Собственно говоря, советский философ рассматривал процессы «идеализации» и «материализации» в отношении темы изучения идеального, но при применении данного концепта к рассматриваемой нами проблематике раскрывается диалектика взаимоотношений материалистического базиса и идеологической надстройки общества.

Говоря теперь про экономические трансформации, обратим внимание на два аспекта: первый — это неолиберальный поворот, второе — новые формы производства.

Неолиберализм имеет множество значений в зависимости от области научных исследований, мы же для начала под ним будем понимать современный этап развития капиталистической экономики. Предлагаем рассмотреть всю историю становления капитализма, а именно обратим внимание на предысторию. «После 1945 г. капитализм очутился в оборонительно настроенном мире; во всех странах формирующегося западного блока ему пришлось заново определить свою “социальную франшизу”, — пишет В. Штрик, — дополнив и расширив ее в связи с усилением рабочего класса вследствие войны и соперничества между двумя системами. Этого можно было достичь только с помощью значительных уступок, уже предусмотренных и подготовленных кейнсианской теорией» [17, 53]. Штрик, немецкий социолог экономики, в своей работе «Купленное время» помимо рассмотрения становления кризиса современной капиталистической экономики уделяет внимание формированию неолиберальной системы. Активное участие общества в регуляции экономики ограничивало рост капитала и в условиях политических событий 1968-го г., и развивающегося энергетического кризиса 1972-го г. Все это угрозы для капитала, который и без того ограничен выполнением требований общественности, связанных с социальным обеспечением и полной занятостью. Штрик отмечает, что в результате большинство компаний, отраслей и бизнес-ассоциаций объединились вокруг новой общей цели — либерализации капитализма и расширения как внутренних, так и внешних рынков. Это включает в себя стремление освободить капиталистическую экономику от бюрократического, политического и корпоративного контроля, характерного для периода послевоенного восстановления, и вернуть уровень прибыльности через свободные рынки и deregулирования, заменив государственную политику, связанную с рисками социальных обязательств [17, 57]. Неолиберальная логика общественного устройства не останавливается на экономике, а стремительно распространяется и на другие сферы жизни общества. Идеология, которая служит диалектическим отражением экономических процессов, ак-

тивно участвует в распространении неолиберальной логики. Так, например, словенский философ Славой Жижек указывает на то, что «господствующая неолиберальная идеология пытается распространить логику рыночной конкуренции на все сферы общественной жизни, так что, например, здравоохранение и образование — или даже политические решения (голосования) — начинаются считаться инвестициями в индивидуальный капитал частного лица» [4, 64]. Так, неолиберальный капитализм пришел на смену социально ориентированной послевоенной экономике как реакция на все больше вмешательство общества в процессы регуляции капитала.

Теперь обратим внимание на изменение характера занятости и производственных отношений, которые стали более гибкими. Так, Н. Срничек пишет, что «1970-е годы обозначили важный поворот в этой общей рамке: прочь от надежной занятости и неповоротливых промышленных гигантов — навстречу гибкой занятости и бережливым бизнес-моделям» [14, 33]. Последнее объясняется переходом от фордистской модели производства к тойотизму. Последнее «характеризуется значительным повышением качества продукции с использованием минимально возможного количества ресурсов» [11, 250]. И в том числе с минимальными затратами на оплату рабочей силы, что позволило повысить прибыльность. Срничек утверждает, что во всем западном мире профсоюзы подверглись интенсивным атакам и в конечном итоге были ослаблены. Они столкнулись с новыми правовыми препятствиями, а в ряде отраслей произошло ослабление регулирования, что привело к сокращению числа членов профсоюзов. Компании воспользовались этой ситуацией, снизив зарплаты постоянных работников и все чаще прибегая к аутсорсингу [14, 20]. Мы считаем, что повышение прибыльности капитала вместе с уменьшением издержек на оплату труда стало причиной перехода от конкуренции в области цен к конкуренции в области продаж. Этот тезис принадлежит П. Барану и П. Суизи, которые считали, что «при конкурентном капитализме торговцы стремились продать больше товаров, установив цены ниже, чем у конкурента. В случае товарной конкуренции риски практически отсутствуют: можно включить в цену товара стоимость его продвижения и к тому же обеспечить работой рекламную индустрию» [12, 183]. В этих условиях не имеет смысла, как раньше, наращивать армию рабочих и строить большие заводы, для того чтобы производить больше дешевых товаров. Поэтому особое значение на данный момент приобретает маркетинг — анализ рынка и стратегии на этом рынке, а также различного рода манипуляции в товарной рекламе того или иного товара.

Если делать промежуточный вывод по анализу экономических трансформаций, то, во-первых, неолиберальный поворот в 1970-х гг. заложил логику развития капиталистической системы до настоящего момента. Во-вторых, погоня за уменьшением издержек привела к гибкой форме занятости, что отразилось на социальной структуре общества и на ее восприятии идеологического пространства, что мы попытаемся рассмотреть далее. В-третьих, основываясь на историко-материалистическом подходе, мы, безусловно, заявляем об отражении неолиберализма в идеологии, и в этом плане большой интерес вызывает роль рекламы, которая стала очень важной во времена неолиберального поворота и формирования общества потребления.

Однако сегодня умы ученых-обществоведов заняты размышлениеми о процессе цифровизации. Рассмотрим соотношение неолиберального поворота и процессов цифровизации: что именно неолиберализм создал условия для развития цифровых технологий и создания цифрового общества. Если отвечать на вопрос, что было первым, неолиберализм или цифровое общество, то ответ будет таким: неолиберализм как система экономических капиталистических отношений, которая проецирует свою логику и содержание на идеологическую надстройку общества. Цифровое общество, как производное от развития цифровых технологий возникло до появления неолиберального общества. Можем предположить, что как раз бурное развитие неолиберальных экономических отношений повлекло бурный рост и цифровых исследований, и производства цифровых устройств. Наше предположение строится на том, что, во-первых, начало неолиберальной экономической политики в США при Рейгане 1981 г. высвободило большую долю капитала для развития компьютеростроения, во-вторых, минимизация участия государства в регуляции экономики повлекла рост конкуренции на всех рынках и особенно на рынке информационных устройств, который только появился и обладал высокой конкурентной средой. Это привело к тому, что технологии позволили создавать более мощные компьютеры, а конкуренция позволила сделать компьютер доступным среднестатистическому потребителю. В принципе, мы можем найти подтверждение этому в исследованиях ученых ВШЭ: «На рубеже 1970-80-х годов произошли события, которые можно считать точкой отсчета цифровой экономики: людям стали доступны первые персональные компьютеры. Сначала в 1977 году появился персональный компьютер от Apple, а в 1981 году свою систему выпустила IBM» [3, 3]. Мы наблюдаем крайне интересный синтез, а именно: неолиберальный капитализм активно использует цифровые технологии для реструктуризации себя в условиях последствий

кризиса 2008 г., и наиболее актуальным обстоятельством для цифровизации капитализма служат условия недавнего локдауна, связанного с пандемией вируса COVID-19. Результатом совмещения неолиберализма и цифровизации является возникновение платформ. «Это новый тип фирмы, — пишет Н. Срничек, — их особенность в том, что они обеспечивают инфраструктуру, выступающую посредником между различными группами пользователей, тяготеют к монопольным формам за счет сетевых эффектов, используют перекрестное субсидирование ради вовлечения различных групп пользователей и опираются на некоторую базовую архитектуру, определяющую возможности взаимодействия» [14, 46]. Потенциал платформ для системы капитализма огромен, ведь он решает главную проблему, связанную с кризисом перепроизводства. Французский философ Жан Бодрийяр писал, что «основной проблемой современного капитализма больше не является противоречие между “максимизацией прибыли” и “рационализацией производства” (уровень предпринимателя); ею является противоречие между потенциально бесконечной производительностью (уровень техноструктуры) и необходимостью сбыта продуктов» [1, 99]. Поэтому система нуждается в контроле не только производства, но и потребления, потому что прибыль капитал получает, если индивид готов и будет потреблять предлагаемый ему товар или услугу. «Применение стратегии платформы в сочетании с необходимостью высокой ориентации на клиентов и усовершенствования продукции с помощью данных приводит к смещению акцента во многих секторах с продажи продуктов на предоставление услуг, — пишет Клаус Шваб, — возрастающее число потребителей предпочитает больше не приобретать физические объекты в собственность, а платить за предоставление соответствующей услуги, к которой они получают доступ через цифровую платформу» [15, 74]. Сбор информации о предпочтениях потребителей и возможность на долгосрочный промежуток времени предложить им потреблять только свои товары и услуги имеют перспективный характер для максимального сокращения затрат на производство и распределение, а с учетом развития практик гибкой занятости капитал из-за этого в будущем может иметь большую степень прироста. Однако здесь следует выделить тот самый момент, когда экономики современного капитализма и идеология образуют прочную связь.

Традиционные идеологии прошлого имели свой набор ценностей: либерализм — идеи свободы, социализм — равенство, а консерватизм — сохранении традиций. Крах демократического капитализма с его коллективистской демократической идеологией, в основе которой лежали ценности социальной справедливости, привел к переходу к нынешней идеологической системе, в которой отражаются рассмотренные

нами материально-хозяйственные отношения, и центральным элементом современной идеологии неолиберализма становится идея потребления. Идеология неолиберализма в попытке вовлечь широкие слои населения под свой контроль смешила акцент на потребление и сделала главной ценностью неолиберального общества процесс потребления. Ценности капитализма прошлого о равенстве возможностей, о всеобщем успехе также подверглись трансформации, и это отчетливо выражено в концепции личностного капитала. На это указывают многие современные исследователи и мыслители. Например, современный исследователь идеологии Дж. Шварцменталь пишет, что современная неолиберальная идеология «отражает поистине безграничную возможность современного капитализма создавать новые потребности и стимулирует в гражданах настойчивое желание непременно овладеть новыми предметами потребления и осуществить свои желания» [16, 102—103].

Однако в чем заключается успех современной идеологической системы неолиберализма, т. е. почему, несмотря на все кризисы, которые пережил неолиберализм, общество не восстало против такого порядка? А. Зиновьев подчеркивал, что идеология и идеи не просто возникают, а требуют целенаправленного внедрения в сознание людей. Он утверждал, что для успешного проникновения идей необходимо учитывать социальные и культурные контексты, в которых они существуют. Зиновьев отмечал, что в идеологической сфере можно провести аналогию с экономикой, где существует рынок идей, функционирующий под воздействием некой «невидимой руки». На этом рынке есть производители и хранители идеологии, которые предлагают свои идеологические товары и услуги, формируя общественное сознание и поведение [5, 225]. Господствующая идеология не предполагает абсолютной гомогенности, как предлагали традиционные идеологии прошлого. Самое важное — опосредованно индивид подчинен идеям потребления как материальных, так и духовных и интеллектуальных товаров. Конечно, силы, настроенные против неолиберального господства, стараются предложить проекты для установления нового порядка. Например, Давыдов, рассматривая идеи акселерационистов, формулирует их программу так: «...капитализму как системе можно противопоставить только системный проект, т. е. проект, предлагающий всеохватные общемировые изменения» [2, 274]. Однако кризис традиционных идеологий конца прошлого века привел к важной трансформации в сфере идеологических процессов, а именно к возникновению «молекулярных идеологий». И хотя, безусловно, традиционные идеологии, такие как либерализм, марксизм и консерватизм, остались и они организуют оппозицию господствующей неолиберальной идеологии, можно отметить возникновение различных

специфических общественно-политических течений, которые превратились из исключения в обыденность. Здесь идет речь именно о молекулярных идеологиях, когда более популярные идеи, такие как экологизм, феминизм, национализм, объединяют вокруг себя больше людей. И все эти молекулярные идеологии хоть и представляют из себя оппозицию неолиберальной идеологии, но их существование и деятельность сторонников, наоборот, ведут к упрочнению положения господствующей идеологии.

Однако историко-материалистический подход к рассмотрению идеологии состоит в понимании данного феномена с классовых позиций, хотя само отношение в марксистской социально-философской системе не всегда было однозначным. Концептуализация классового подхода к идеологии связана с В.И. Лениным, когда он в известной работе «Что делать?» пишет не менее известные слова: «Вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой “третьей” идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внеклассовой или надклассовой идеологии)» [8, 39—40]. Между тем надо отметить становление ленинского понимания идеологии: так еще в одной из первых и крупных работ «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» (начало 1894) Ленин, отвечая на критику представителей либерального народничества в адрес марксизма, указывает, что идеология является искаженным сознанием. Он пишет, что, пока народники находились в плену идеологии (т. е. такими, которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей), они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала» [9, 137]. Однако, продолжая полемику с народовольцами, Ленин в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (конец 1894 — начало 1895) продолжает развитие своей теории идеологии. Ленин пишет, что учение Маркса в российской интерпретации основано «на фактах русской истории и действительности; он представляет из себя тоже идеологию трудящегося класса, но только он совершенно иначе объясняет общеизвестные факты роста и побед русского капитализма, совсем иначе понимает задачи, которые ставит наша действительность идеологам непосредственных производителей» [10, 411]. Данный тезис найдет свое развитие в следующем периоде работы и творчества Ленина, когда в «Письме “Северному союзу РСДРП”» (1902) он подчеркивает, что существует узкое и ограниченное понимание «классовых интересов пролетариата», что является серьезной проблемой. Он

считает, что применение формулы, которая может быть принята лишь при условии широкого толкования термина «классовый интерес», является недопустимым. Ленин утверждает, что классовый интерес играет ключевую роль в объединении пролетариев, побуждая их бороться с капиталистами и размышлять о путях своего освобождения. Этот интерес также делает пролетариев более восприимчивыми к социалистическим идеям. Однако он отмечает, что социализм как идеология классовой борьбы не может существовать вне контекста более широких условий, связанных с развитием идеологии в целом. Социализм требует опоры на весь объем человеческого знания, высокого уровня научного развития и активной научной работы. Таким образом, Ленин подчеркивает важность комплексного подхода к пониманию классовых интересов и социализма [7, 362—363]. Такой вывод — это следствие применения концепции партийности в теории идеологии. Осознавая, что все общественные явления представляют собой явления классовые, Ленин говорит о существовании идеологии буржуазной и пролетарской.

Возвращаясь к молекулярным идеологиям, мы встречаем амбивалентную теоретическую ситуацию. С одной стороны, молекулярные идеологии действительно размывают фундамент традиционных идеологий, что подтверждает тезис Э. Гидденса, представителя неолейборизма, предлагающего концепцию современной идеологии, которая сложилась вне левых и правых. «Гидденс утверждает, что идеологическую картину современного либерально-демократического общества теперь стало невозможным описать с позиций традиционного противостояния левых и правых идеологий» [16, 42]. Выражено это в самостоятельности представителей молекулярных идеологий. Однако, с другой стороны, названные выше молекулярные идеологии не являются самостоятельными: в них тоже присутствует полярность. Так, например, можно выделить марксистский феминизм и либеральный, правый национализм и в том числе левый. Но если все это сводить к классовому пониманию, можно отметить, что есть молекулярные идеологии, которые стараются отвечать интересам определенного класса — это оставляет нам право говорить об идеологическом дуализме.

Сформулируем наши выводы.

1. Современная господствующая идеология является отражением неолиберальных экономико-производственных отношений.
2. Цифровизация в условиях неолиберализма привела к возникновению платформы.
3. Возникновение молекулярных идеологий, которые в том числе являются оппозицией господствующей неолиберальной идеологии, привели к укреплению ее властивующих позиций.

В заключение отметим, что проведенное исследование подчеркивает важность исторического материализма как метода анализа идеологических процессов в контексте современных экономических и социальных изменений. Мы пришли к выводу, что современная господствующая идеология неолиберализма является прямым отражением экономико-производственных отношений, сложившихся в результате неолиберального поворота, который начался в 1970-х гг. Этот поворот не только изменил характер занятости и производственных отношений, но и способствовал возникновению цифрового общества, где платформенные модели бизнеса становятся доминирующими.

Кроме того, исследование выявило, что возникновение молекулярных идеологий, которые представляют собой разнообразные общественно-политические течения, не только не служит оппозицией неолиберальной идеологии, но и, что парадоксально, укрепляет ее позиции. Это свидетельствует о сложной динамике идеологических процессов, где новые идеи и движения могут как бросать вызов, так и способствовать упрочению существующего порядка.

Использование историко-материалистического подхода позволило рассмотреть идеологию как системное и целостное явление, акцентируя внимание на ее внутреннем развитии и взаимодействии с материальными условиями жизни общества. Таким образом, наше исследование подчеркивает необходимость дальнейшего анализа идеологических процессов с учетом их классовой природы и взаимосвязи с экономическими изменениями, что открывает новые горизонты для понимания современного общества и его трансформаций.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика; Культурная революция, 2006. 269 с.
2. *Давыдов Д.* Посткапитализм и рождение персоналиата. М.: РИПОЛ классик, 2021. 336 с.
3. *Демидкина О.В., Вишневский К.О.* Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека // Научный дайджест. 2022. № 7 (12).
4. *Жижек С.* Неприятности в раю: От конца истории к концу капитализма. Екатеринбург: Гонзо, 2021. 320 с.
5. *Зиновьев А.А.* Логическая социология. М.: Издат. дом «Канон-Плюс» имени Александра Зиновьева, 2024. 424 с.
6. *Ильенков Э.В.* Диалектика идеального // Логос. 2009. № 1 (69). С. 3—62.

7. *Ленин В.И.* Письмо «Северному союзу РСДРП» // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1963. С. 360—370.
8. *Ленин В.И.* Что делать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1959. С. 1—192.
9. *Ленин В.И.* Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1958. 125—346.
10. *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1958. С. 347—534.
11. *Мельников О.Н., Ларионов В.Г., Ганькин Н.А.* Основные этапы инновационного развития организации производства с позиций динамики использования принципов бережливого производства // Вопросы инновационной экономики. 2016. № 6 (3). С. 239—258. DOI: 10.18334/vinec.6.3.36996.
12. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002. 688 с.
13. *Рокмор Т.* Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2011. 400 с.
14. *Срничек Н.* Капитализм платформ. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2021. 128 с.
15. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2023. 208 с.
16. *Шварцменталь Дж.* Идеология и политика. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. 312 с.
17. *Штрик В.* Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма: Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2019. 280 с.
18. *Энгельс Ф.* Анти-Дюоринг // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В. 50 т. Т. 20. М.: Политиздат, 1959. С. 5—338.
19. *Энгельс Ф.* Йозефу Блоху. 21—22 сентября // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч.: В. 50 т. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1955. С. 393—397.

References

1. *Bodrijyar Zh.* Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury. М.: Respublika; Kul'turnaya revolyuciya, 2006. 269 с.
2. *Davydov D.* Postkapitalizm i rozhdenie personaliata. М.: RIPOL klassik, 2021. 336 с.

3. *Demidkina O.V., Vishnevskij K.O.* Cifrovye tekhnologii i obshchestvo: vliyanie na blagopoluchie i kachestvo zhizni cheloveka // Nauchnyj dajdzhest. 2022. № 7 (12).
4. *ZHizhek S.* Nepriyatnosti v rayu: Ot konca istorii k koncu kapitalizma. Ekaterinburg: Gonzo, 2021. 320 s.
5. *Zinov'ev A.A.* Logicheskaya sociologiya. M.: Izdat. dom «Kanon-Plyus» imeni Aleksandra Zinov'eva, 2024. 424 s.
6. *Il'enkov E.V.* Dialektika ideal'nogo // Logos. 2009. № 1 (69). S. 3—62.
7. *Lenin V.I.* Pis'mo «Severnemu soyuzu RSDRP» // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. T. 6. M.: Gospolitizdat, 1963. S. 360—370.
8. *Lenin V.I.* CHto delat'? // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. T. 6. M.: Gospolitizdat, 1959. S. 1—192.
9. *Lenin V.I.* CHto takoe “druz'ya naroda” i kak oni voyuyut protiv social-demokratov // Lenin V.I. Poln. sobr. soch.: V 55 t. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1958. 125—346.
10. *Lenin V.I.* Ekonomicheskoe soderzhanie narodnichestva i kritika ego v knige g. Struve // Lenin V.I. Poln. sobr. Soch.: V 55 t. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1958. S. 347—534.
11. *Mel'nikov O.N., Larionov V.G., Gan'kin N.A.* Osnovnye etapy innovacionnogo razvitiya organizacii proizvodstva s pozicij dinamiki ispol'zovaniya principov berezhlivogo proizvodstva // Voprosy innovacionnoj ekonomiki. 2016. № 6 (3). S. 239—258. DOI: 10.18334/vinec.6.3.36996.
12. *Ritcer Dzh.* Sovremennye sociologicheskie teorii. SPb.: Piter, 2002. 688 s.
13. *Rokmor T.* Marks posle marksizma: Filosofiya Karla Marksa. M.: Kanon+; ROOI «Reabilitaciya», 2011. 400 s.
14. *Srnichek N.* Kapitalizm platform. M.: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2021. 128 s.
15. *SHvab K.* CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. M.: Eksmo, 2023. 208 s.
16. *SHvarcmental' Dzh.* Ideologiya i politika. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2009. 312 s.
17. *SHtrik V.* Kuplennoe vremya. Otsrochennyj krizis demokraticheskogo kapitalizma: Cikl lekcij v ramkah Frankfurtskikh chtenij pamjati Adorno. M.: Izdat. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. 280 s.
18. *Engel's F.* Anti-Dyuring // Marks K., Engel's F. Sobr. soch.: V. 50 t. T. 20. M.: Politizdat, 1959. S. 5—338.
19. *Engel's F.* Jozefu Blohu. 21—22 sentyabrya // Marks K., Engel's F. Sobr. soch.: V. 50 t. T. 37. M.: Gospolitizdat, 1955. S. 393—397.

IV

АКТУАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Н.М. ИВАНОВ, М.Ф. ФРИДМАН, М.Т. ХАСАНОВ

**Стратегическое управление талантами:
философско-экономическая концепция экологического
менеджмента***

Аннотация. В XXI в., в условиях глобализации и формирования многополярного мира с обостряющейся конкуренцией за ресурсы, проблема устойчивого развития выходит на передний план. Интенсивное антропогенное влияние высоких технологий, обусловленных переходом к Шестому технологическому укладу и сопряженных с Четвертой промышленной революцией, приводит к стремительному исчерпанию планеты (полезных ископаемых, пресной воды, биологического многообразия и пр.). Рыночная экономика, основанная на ведении товарного хозяйства, не предусматривает такого самоограничения собственными потребностями, как в натуральном хозяйстве. Более того, она нацелена на наращивание производственных оборотов, связанных с постоянным увеличением объемов товаров и услуг. От количества проданных единиц товара зависит выручка, а следовательно, и прибыль. Однако вместе с этим очевидно, что чем больше человечество производит, тем больше оно расходует ценных ресурсов (электроэнергии, сырья, финансов, здоровья, времени и пр.). Сегодня экономика не может не ориентироваться на природосберегающие технологии, а управление не должно игнорировать экоцентрический подход. Развитие искусственного интеллекта, роботизации, облачных вычислений и прочих приоритетных направлений нынешней индустрии вытесняет большое количество сотрудников стандартной квалификации с рынка труда, так как машины считают быстрее и точнее, лучше проектируют и генерируют шаблонные решения. Только талантливые люди, обладающие выдающимися, неординарными способностями, могут изменить ситуацию коренным образом. Талантливый человек выходит за пределы установленных алгоритмов. Сегодня, как никогда прежде, наиболее актуальным вопросом становится создание новой концепции экологического менеджмента, опирающейся на управление талантами. Целями настоящей статьи являются определение

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Иванов Н.М., Фридман М.Ф., Хасанов М.Т. Стратегическое управление талантами: философско-экономическая концепция экологического менеджмента // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 243—258. DOI: 10.5281/zenodo.17781062.

и обоснование философско-экономических подходов к решению данного вопроса. Объектом исследования является развивающаяся парадигма экологического менеджмента, ориентированная на стратегию инновационного прорыва, технологического суверенитета страны и устойчивого развития планеты. В рамках работы над указанной темой использовались преимущественно теоретические методы исследования: анализ отечественного и зарубежного опыта, синтез — моделирование системы стратегического управления талантами, сравнение экспертных оценок, экстраполяция логических выводов, обобщение и систематизация проявляющихся тенденций. Результаты исследования могут быть полезны специалистам в области экономики, управления персоналом, экологического менеджмента и государственного управления.

Ключевые слова: стратегическое управление, управление талантами, инновационный прорыв, технологический суверенитет, глобализация, устойчивое развитие, экологический менеджмент.

Abstract. In the twenty-first century's multipolar, resource-competitive world, sustainable development has become paramount. The shift to the Sixth Technological Order and Fourth Industrial Revolution drives rapid depletion of minerals, fresh water, biodiversity, and other resources. A market economy focused on commodity production and ever-growing turnover intensifies this strain: revenue and profit rise only with increased units sold, consuming more raw materials, energy, finance, health, and time. To address this, economies must embrace nature-saving technologies and an ecocentric management approach. Meanwhile, advances in AI, robotics, and cloud computing displace many routine workers — only individuals with extraordinary talent can transcend algorithmic limits and drive radical change. Thus, the urgent task is to develop a new environmental-management concept grounded in strategic talent management. This article identifies and justifies the key philosophical and economic approaches to that concept. Using theoretical methods — experience analysis, system modeling, expert comparison, extrapolation, and trend synthesis — it offers insights valuable to specialists in economics, human-resources management, environmental management, and public administration.

Keywords: strategic management, talent management, innovative breakthrough, technological sovereignty, globalization, sustainable development, environmental management.

УДК 502.335
ББК 65.28-21

Введение

В настоящее время во всем мире осуществляется переход к информационному обществу, который отличается кардинальным изменением системы общественных отношений, а информация приобретает, без преувеличения, колоссальное значение. Внедрение искусственного интеллекта, аддитивных технологий, роботизации, облачных вычислений, дополненной реальности, больших данных, интернета вещей, нано-, био- и когнитивных технологий кардинально влияет на содержание и темпы стратегического развития цивилизации [1]. Цифровая трансформация, глобализация, формирование модели многополярного мира с несколькими центрами политической силы и другие прогрессирующие тенденции заставляют Россию коренным образом пересмотреть стратегические ориентиры и приоритетные направления эколого-экономического и социального развития [10]. Интенсивное исчерпание природных ресурсов, обусловленных рыночной экономикой с ее ожесточенной конкуренцией, сегодня ставит под удар дальнейшее существование планеты. Прежде в истории, когда человечество занималось натуральным хозяйством и деятельность людей ограничивалась их потребностями, такой проблемы не было и быть не могло. Сегодня фирма производит не просто значительно больше, но и наращивает обороты производства, исходя из очевидной необходимости удерживать и, при возможности, увеличивать свою долю на рынке, так как именно от этого во многом зависят ее выживание и эффективность [15].

Теоретические основы

В современном обществе сегодня происходят фундаментальные, стратегические изменения, затрагивающие различные сферы жизни людей — от экономики и политики до культуры и социальных отношений. Высокие технологии наглядно усиливают расслоение в социуме. Доступ к информации заметно влияет на классовую трансформацию. Данный процесс, безусловно, можно считать исторически сложившимся. Темы «маленького человека» и «лишнего человека» в русской литературе, идея «массового человека» в концепции Хосе Ортега-и-Гассета, представленная в книге «Восстание масс» [9], отражают тенденцию к стандартизации и утрате индивидуальности, собственных взглядов и некоторых предпочтений человека, превращая его тем самым в «массу». Указанное явление во многом обусловлено глобализацией и массовым распространением технологий, в особенности интернета и социальных сетей, в ходе которых массовое сознание становится все более значимым фактором, определяющим развитие современного общества и поведение

людей. Наряду с этим следует отметить, что и У. Уотсон со своей стратификацией, и Г. Стэндинг, предлагающий новые социальные классы, обращают внимание на то, что род занятий и уровень дохода, прежде всего, являются ключевыми критериями этой дифференциации.

В книге «Восстание масс» Х. Ортега-и-Гассет подробно исследует концепцию массового человека. Автор описывает ее как тип личности, характеризующийся ощущением себя частью толпы, довольствием собственной неотличимостью от других [9]. «Массовый человек» не способен к созиданию, даже если обладает значительными возможностями, он плывет «по течению» своей жизни без четких ориентиров и целей, его можно сравнить в какой-то степени с избалованным ребенком, который воспринимает все блага как должное и не ценит их. Мышление массового человека отличается поверхностностью и банальностью, при этом он нередко осознает ограниченность своего мышления, но уверен, что это единственный верный способ восприятия мира. В результате такой человек зачастую навязывает свое мировоззрение окружающим, что приводит к потере индивидуальности, к ослаблению критического и проектного мышления. Таким образом, массовый человек становится жертвой высоких технологий, ускоряющих движение информации до небывалых величин. Угроза потерять работу для этих людей становится абсолютно очевидной и прогнозируемой. Со стандартными решениями гораздо лучше справляются машина, программа, искусственный интеллект, действующие по определенному, заложенному алгоритму. Пока ИИ не обладает волей, человек остается нужным, но подобные эксперименты могут быть весьма небезопасными. Сегодня можно с уверенностью сказать, что массовый человек не является «героем нашего времени»: уж очень он уязвим, и обозримое будущее его весьма туманно.

Данное обстоятельство указывает на высокую степень актуальности проблемы субъектности в разработке, принятии, оценке, реализации и продвижении стратегических решений [2]. Общество потребления расширило зону комфорта современного человека, успехи медицины, вакеологии, государственной социальной политики и бытового обслуживания населения привели к тому, что люди стали жить значительно дольше, при этом продление жизни сопряжено с пролонгацией их активности, что позволяет возрастным людям продолжать работу на своих должностях с учетом их опыта, авторитета и формального статуса. Несомненно, указанный феномен требует осмыслиения и изучения, однако очевидно, что молодежь, которая исстари была призвана заботиться о стариках, сегодня, напротив, нуждается в опеке и поддержке последних. Так, например, молодой человек, получивший базовое образование и

имеющий устойчивую мотивацию к профессиональному росту и карьерным достижениям, испытывает сложность с тем, что в силу названных выше обстоятельств ротация кадров ощутимо замедляется. Более того, рассматриваемая проблема осложняется еще и тем, что роботы, искусственный интеллект и другие высокие технологии вытесняют работников с их рабочих мест, представляя нередко более рентабельную альтернативу. Именно поэтому на первый план выходит человек с неординарными способностями — талантливый человек [7].

Как известно, о происхождении таланта спорят давно. Кто-то полагает, что это проявление врожденных задатков, кто-то считает это влиянием социокультурной среды, кто-то — результатом тяжелого труда, кто-то — осознанием собственного предназначения. Скорее всего, каждая из указанных позиций по-своему верна. В любом случае данный вопрос требует дальнейших обстоятельств междисциплинарных исследований философов, психологов, педагогов, физиологов и других специалистов.

Вместе с этим возникает закономерный вопрос о том, какую должна быть политика современного государства в части управления талантами с учетом заявленных тенденций. Вопрос непростой. Кто такие таланты, как они формируются, как диагностируются, как существуют, как функционируют, как ими управлять — эти и многие вопросы существенно расширяют проблемное поле и усложняют поиск решений [4].

Х. Ортега-и-Гассет подчеркивает, что массовый человек — это человек, «закупоривший свою душу». Автор описывает человека, который не стремится к развитию и самосовершенствованию [9]. Он живет в эпоху комфорта, когда для обеспечения базовых потребностей не нужно прилагать больших усилий, это потребительство становится смыслом его существования. Человек начинает воспринимать комфорт как свое неотъемлемое право, не задумываясь о том, что за этим стоит труд других людей. Привыкнув к удобствам, он старается избегать всего, что требует умственных усилий, и согласен довольствоваться определенными стереотипами и стандартами, однако это не означает, что он глуп, ситуация складывается наоборот. Умственные способности массового человека возросли, и его возможности стали шире, но стоит заметить, что все равно это не приносит ему «пользы» таковой. Небывалый рост скорости движения информации, с одной стороны, и необходимость свободно ориентироваться в интенсивных изменениях — с другой, способствуют формированию так называемого клипового мышления, точнее — клипового сознания. Сегодня и в образовании наблюдается аналогичная тенденция, когда узкий компетентностный подход вытесняет исторически оправданную, традиционную фундаментальную основу подготовки

гражданина и профессионала. Сегодня мы видим, что одаренность человека открывается во многом не благодаря системе образования, а, скорее, вопреки ей. Именно поэтому на передний план выходят вопросы стратегического управления талантами, особенно это актуально для решения глобальных проблем современности, задач устойчивого развития, ядром которых является экологическая повестка.

Стратегическое управление, будучи целенаправленным процессом организации возникновения желаемого образа будущего на практике, предполагает особенное широкоформатное, масштабное, системное мышление и, более того, наличие редкой способности у руководителя — генерировать или обладать стратегическим видением, проектным воображением, созидающей интуицией. Лидер должен быть убедительным, чтобы вести за собой, а для этого ему требуется видеть то, чего не видят другие, — конечный пункт реализации проекта, довольно подробный результат, для получения которого стратег запускает своим решением соответствующий поток событий. Это чрезвычайно сложно, потому что таким образом происходит не организация какого-то процесса, состоящего из более или менее внятных этапов и участников, а трансформация среды, условия и принципы которой далеко не всегда очевидны [6].

Названные редкие качества предполагают наличие у руководителя управленческого таланта. Безусловно, практически любого адекватного человека можно научить основам логики, риторики, менеджмента и пр., но научить человека стратегическому видению, видимо, крайне непросто. Уникальное сочетание логики и интуиции, объективного мировосприятия и творческого воображения, созидающей целестремленности и ответственного отношения, по всей вероятности, представляет собой совокупный результат образования, опыта и ощущения собственного предназначения [3].

Искусственный интеллект, программируемый человеком, наверняка сможет составить ощутимую конкуренцию работникам со средними и минимальными интеллектуальными способностями, чье мышление большей частью носит репродуктивный характер, оно ориентируется на копирование, подражание, имитацию существующих образцов рефлексии, отношения, деятельности [17].

По-настоящему креативный человек мыслит иначе. Здесь, пожалуй, было бы уместно вспомнить знаменитое и весьма неожиданное определение личности отечественного ученого В.В. Налимова: «Личность — это спонтанность. Спонтанность — это открытость вселенской

потенциальности. Способность попадать в резонанс с ней». Как известно, еще великий древнегреческий философ Платон говорил, что все идеи уже существуют в этом мире, их просто надо припомнить.

И, действительно, в настоящее время очень важно озабочиться государственной кадровой политике вопросами, от которых напрямую зависит национальный, в том числе и технологический, суверенитет страны, без которых инновационный прорыв ни в экономике, ни в международных отношениях невозможен [11; 16].

Практические аспекты

Сегодня в нашей стране довольно успешно реализуется широкий ряд национальных проектов: «Продолжительная и активная жизнь» (расширение проекта «Здравоохранение»); «Семья» (расширение проекта «Демография»); «Молодежь и дети»; «Кадры»; «Инфраструктура для жизни»; «Эффективная транспортная система»; «Экологическое благополучие»; «Эффективная и конкурентная экономика»; «Туризм и гостеприимство»; «Международная кооперация и экспорт»; «Экономика данных и цифровая трансформация государства»; «Промышленное обеспечение транспортной мобильности»; «Средства производства и автоматизации»; «Новые материалы и химия»; «Транспортная мобильность»; «Новые технологии сбережения здоровья»; «Беспилотные авиационные системы», а в апреле 2025 г. начинается реализация нацпроекта «Биоэкономика». Каждый из перечисленных нацпроектов в полной мере отражает позицию действующей власти, указывает на важность и значимость любого из названных направлений, однако, как говорят военнослужащие: «Каждая победа достигается ногами солдата».

Исходя из этого, следуют вопросы: кто способен быть лидером каждого из заявленных нацпроектов, не требуется ли пересмотреть наши подходы к отбору разработчиков, оценщиков, администраторов и промоутеров этих ключевых направлений государственной политики? Кто, где и как должен заниматься подготовкой талантливых стратегов? Сегодня, к сожалению, надо констатировать, что высшее и последипломное образование сильно просело. Поступление по результатам единого экзамена, обучение по стандарту, аттестация по тестам, усеченные практики и выщербленные теоретические курсы, отсутствие профотбора и многие другие препятствия не дают возможности ни для полноценного фундаментального системного образования, ни для формирования устойчивой гражданской позиции, ни для укрепления профессионального сознания. А между тем, если всерьез задуматься о содержании этих нацпроектов, так или иначе они связаны с экологической повесткой — с организацией среды обитания человека в частности и общества в целом. Что, если не

экологический менеджмент, должно стать основой государственной стратегии сегодня? Естественно, понятие «экологический менеджмент» мы не сужаем до реализации стандартов ISO 14000, мы говорим принципиально о том, что без решения экологического вопроса, имеющего стратегический характер, решение экономических и прочих проблем не обеспечит ни устойчивого развития планете, ни национального суверенитета стране.

Именно поэтому в XXI в. роль интеллектуального лидерства стремительно возрастает [12]. Несомненно, своевременные обобщение и систематизация больших данных — это довольно важные факторы в принятии тактических решений, стратегические же решения нацелены на то, чего еще в реальности нет, поэтому указанный подход далеко не всегда применим и тем более эффективен для реализации долгосрочных масштабных проектов, и требуется уделять вопросам стратегического управления талантами первостепенное значение: нужны ранний отбор по интеллектуальным способностям, а также организация специального обучения, опирающегося на развитие логики, интуиции, воображения и глубокое освоение фундаментальных научных дисциплин. Особое внимание следует уделить изучению обстоятельств, при которых массовый человек перестает быть таковым, обретает собственные индивидуальность и значимость, которые могут раскрыться как раз при уходе от мелкотемья тактических стандартизованных решений.

Наверное, не вызывает сомнения мысль о том, что сложившаяся в мире ситуация с эскалацией глобальных проблем требует креативного подхода, а следовательно, возникает острая необходимость в допуске талантливых людей к разработке и принятию таких судьбоносных решений [5; 13]. При этом надо отметить, что речь идет не только о талантливых управленцах, но и о талантливых ученых, инженерах, педагогах, политиках, юристах и т. п. Система образования должна уйти от реализации стандартов в обучении нестандартно мыслящих школьников и студентов. Диагностика, развитие, поддержка и сопровождение одаренности должны стать приоритетной государственной задачей.

Отдельно следует обратить внимание на государственную и корпоративную кадровую политику. Это тоже вопрос не из простых. Очень важно, чтобы талантливые люди могли самореализовываться в своей стране, в своем регионе, в своей отрасли, в своей организации. Если этого не будет, результат очевиден — они уйдут, уедут, перейдут на сторону конкурента, а то и врага, как бы это высокопарно ни звучало. Талант — это скалярная величина, а служба — векторная. Решение этой проблемы требуетнятной артикуляции указанного тезиса и в политическом, и в юридическом смыслах.

Чтобы работать с талантливыми людьми, вероятно, надо быть самому талантливым человеком, иначе очень сложно. Причем сложно все: и их поведение, и их взгляды, и их язык — все кажется странным, непонятным, а иногда даже неприемлемым. С ними трудно. Они очень разные. Разные таланты по-разному проявляются у разных людей. Проблема диагностики, отбора и привлечения талантливых работников довольно плохо изучена. Как их удерживать, как способствовать их развитию, как мотивировать — не всегда понятно. По всей видимости, действительно, наряду с природными задатками есть и осознание собственной миссии, предназначения, смысла, долга, преодолевающих существующие ограничения и возникающие стереотипы для достижения каких-то глубинных установок, о которых мы пока можем только догадываться.

В управлении персоналом или, как сейчас принято, в управлении человеческими ресурсами работу с талантами доверяют далеко не любому специалисту. Несмотря на то, что службы персонала сегодня становятся одним из ключевых инструментов развития компаний, они уже давно не ограничиваются одним только кадровым учетом, их деятельность широко интегрирована в управление компанией. Так, например, сейчас HR-службы активно участвуют в разработке бизнес-стратегии, формируют корпоративную культуру, находят и способствуют удержанию талантливых сотрудников.

Сегодня работодатели сталкиваются с новыми вызовами, обусловленными обострением международного противоборства, внедрением инновационных технологий и трансформацией системы общественных отношений, что, безусловно, влияет на изменение запросов сотрудников, рост конкуренции за таланты и внедрение современных методов хэдхантинга.

Службы управления персоналом занимаются очень важной работой в любой компании, так как они отвечают за сотрудников, которые являются главным ресурсом организации. Их цель — обеспечить, чтобы люди эффективно выполняли свои задачи, росли профессионально и приносили пользу компании. Социальная ответственность бизнеса, будучи модным трендом, наглядно иллюстрирует возникающее осознание предпринимательским сообществом необходимости участвовать в организации и гармонизации среды. Отрадно отметить, что бизнес ощущает себя субъектом не только в рыночных отношениях, но и в процессах государственного строительства, в решении глобальных проблем устойчивого развития.

Большой популярностью сейчас пользуется так нахываемая ESG-стратегия (environmental, social, governance), представляющая собой совокупность принципов и подходов к ведению бизнеса, обеспечивающих «внимательное отношение к окружающей среде» (environment), «социальная ответственность по отношению к работникам и клиентам» (social) и «ответственное корпоративное управление» (governance). Реализация указанной концепции призвана способствовать рациональному использованию природных ресурсов; снижению риска уничтожения биологического многообразия; укреплению гендерного равенства; борьбе с изменениями климата, с бедностью и голодом [7].

Наряду со своей текущей работой (кадровый учет, набор, оценка и развитие персонала и др.) сейчас HR-службы активно используют новые подходы и технологии, чтобы сделать управление персоналом более эффективным и современным. Одной из главных тенденций является цифровизация. Многие компании внедряют автоматизированные системы управления персоналом (HRIS), например такие, как SAP или 1С, которые помогают автоматизировать рутинные процессы, например: расчет заработной платы, учет рабочего времени или ведение личных дел сотрудников. Это позволяет кадровикам сосредоточиваться на стратегических задачах. Еще одной очень важной технологией стало использование искусственного интеллекта и больших данных. Например, ИИ помогает в подборе персонала: программы анализируют резюме, определяют, насколько кандидат соответствует требованиям, и даже проводят первичные собеседования в формате чат-ботов [18]. Все это позволяет службе персонала собирать и анализировать информацию о сотрудниках, прогнозировать движение кадров и оценивать эффективность различных программ. Гибкие форматы работы тоже стали невероятно значимой частью современных HR-подходов. После пандемии многие компании внедрили удаленную или гибридную занятость. Для управления такими командами кадровики используют платформы для совместной работы, такие как Яндекс Телемост, Zoom или Microsoft Teams. Эти инструменты помогают сотрудникам оставаться на связи и эффективно работать, независимо от того, где они находятся. Важным направлением стало внедрение электронного обучения. Онлайн-курсы, вебинары и образовательные платформы, такие как Нетология или Skillbox, позволяют сотрудникам учиться в удобное время и в своем темпе. Компании также создают собственные корпоративные университеты с внутренними программами обучения (например, в СБЕРе). Вместе с этим становится заметно, что персонализированный подход в управлении человеческими ресурсами набирает популярность. С помощью технологий анализируется, что именно мотивирует каждого сотрудника, какие навыки ему

нужно развивать, и на основе этого составляются индивидуальные планы развития. Вместе с этим широко распространены программы, направленные на развитие мягких навыков («softskills»), таких как управление временем, коммуникация и стрессоустойчивость. Это связано с тем, что многие компании поняли, что успех зависит не только от профессиональных навыков, но и от способности сотрудников эффективно взаимодействовать друг с другом. Надо отметить, что современные HR-технологии развиваются в контексте цифровизации, гибкости и персонализации, что помогает компаниям адаптироваться к новым условиям и создавать комфортные условия для своих сотрудников. Несомненно, проводится большая работа, но тут же возникает вопрос о том, как перечисленные меры способствуют привлечению и закреплению талантов на производстве, что из этих подходов можно взять на вооружение для стратегического управления талантами.

Известно, что в зарубежных компаниях названные подходы внедряются давно и довольно системно. Например, в Google и Microsoft активно используют искусственный интеллект для отбора кандидатов и прогнозирования их успеха на работе. Там также развиты платформы для онлайн-обучения, такие как Coursera, например. Сотрудники могут учиться в удобное время, а работодатели видят, как это обучение влияет на их навыки. Еще одна важная часть — гибкие графики работы. В США и Европе это уже привычное дело: люди сами решают, когда и где им работать, а главное — результат. Любопытно, что либеральный стиль управления зачастую оправдан и даже эффективен именно в работе с талантами, занятыми деятельностью, к которой они расположены. В русском языке прилагательное «талантливый» часто используется в качестве похвалы, поэтому подспудно многие люди хотят иметь к этому отношение, ощущают в себе и даже открыто демонстрируют окружающим свои таланты, нередко путая их с по-настоящему выдающимися способностями.

В европейских странах, таких как Германия, HR-службы тесно работают с университетами и колледжами (например, дуальная система). Например, студент может одновременно учиться и работать в компании. Такой подход помогает готовить специалистов, которые сразу знают, что делать на практике. А в таких компаниях, как IKEA, HR-специалисты еще и занимаются актуальными сейчас вопросами экологии, равенства и здоровья сотрудников — это часть их общей стратегии и корпоративной культуры.

В России современные HR-тенденции тоже начинают развиваться, но не так быстро. В крупных компаниях, например в СБЕРе или Яндексе, уже используют искусственный интеллект, автоматизацию и

онлайн-обучение. У них есть собственные платформы, где сотрудники учатся новому, повышают квалификацию и даже планируют свою карьеру. Такие технологии особенно помогают в регионах, где трудно организовать очные тренинги. Несомненно, данные меры — это первый шаг навстречу экологическому благополучию, это необходимость экономики оставаться конкурентоспособной, но можно ли «алгеброй» проверить гармонию, математически вычислить талант, этот вопрос пока остается открытым.

Говоря о международной серии стандартов ISO 14000 как о действенном инструменте контроля за снижением антропогенного воздействия бизнеса и производства на окружающую среду, следует отметить, что рассматриваемый подход носит добровольный характер, а это значит, что сначала нужно сформировать экологическое сознание, причем и индивидуальное, и общественное. Современный человек должен понимать важность и необходимость осознанного посильного активного участия в решении указанных проблем [8].

Заключение

Стандарты ISO 14000, нацеленные на эффективное управление экологическими рисками на производстве, сохранение биологического многообразия планеты, создание безопасной окружающей природной среды для потомков, требуют пристального внимания к пересмотру стратегических ориентиров и приоритетных направлений в области модернизации экологического образования в России и мире, а для этого необходимо значительно переработать принципы государственной экологической политики, вслед за которыми изменятся и корпоративные подходы в этой части. Вопросы экологического менеджмента — стратегические, они связаны с выбором направления и логикой преобразования системы общественных отношений, поэтому очень важно к разработке корпоративной экологической политики, программы экологического менеджмента, экологическим мониторингу, экспертизе и аудиту допускать наиболее талантливых сотрудников, выдающиеся способности которых будут очевидны и объективно оценены [14]. При этом способности должны охватывать очень широкое предметное поле, затрагивающее одновременно несколько научно-практических сфер: экономику, экологию, культуру, менеджмент, психологию, химию, физику, биологию, юриспруденцию, технологию и др. Это объясняется тем, что экология приобретает в нынешнее время очень важное значение и, по сути, в какой-то мере становится философией XXI в., так как определяет смысл существования цивилизации в целом и каждого индивида в отдельности. Политики и управленцы сегодня не могут не быть экологами,

т. е. не учитывать экологические ценности и приоритеты в принятии управленческих и политических, особенно стратегических, решений.

Литература

1. *Бехманн Г.* Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний: Монография / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского [и др.]. М.: Логос, 2020. 248 с.
2. Бизнес-модели компаний и устойчивое развитие: Монография / Е.М. Каз, И.В. Краковецкая, Е.В. Нехода, Н.А. Редчикова. Томск: ТГУ, 2020. 214 с.
3. *Богданова О.Н., Фридман М.Ф.* Образовательные ресурсы экологического менеджмента в контексте управления талантами // Экономика и экологический менеджмент. 2022. № 1 (48). С. 112—119.
4. *Богданова О.Н., Фридман М.Ф.* Особенности управления талантами в условиях реализации принципов экологического менеджмента // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления: Монография / Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. М.: Пере, 2025. С. 246—264.
5. *Брче М.А., Омельченко И.Н., Шааб А.* Устойчивое развитие: механизмы реализации: Монография. М.: МГТУ им. Баумана, 2020. 172 с.
6. Глобализация. Общество. Личность: Монография / Г. Цитен, С.Р. Дворецкая, М.В. Дружинина, И.В. Ершова. Архангельск: САФУ, 2014. 194 с.
7. *Измайлов М.К., Пупенцова С.В.* Формирование интеллектуальной среды взаимодействия бизнеса и государственных органов управления в реализации концепции ESG // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2022. № 3. С. 147—155.
8. *Морозова Е.Н.* Экологический менеджмент как основа для обновления компаний: Монография / Е.Н. Морозова, В.А. Антропов, М.А. Журавская; под ред. В.А. Антропова, Е.Н. Морозовой. Екатеринбург, 2019. 125 с.
9. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс: Сборник / Пер. с исп. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 509 с.
10. *Тузиков А.Р., Зинурова Р.И.* Социология таланта. Казань: КНИТУ, 2022. 96 с.
11. Управление талантами: дайджест: Сборник научных трудов / В.С. Катькало, С.В. Киселев, М.В. Иванющенкова [и др.]; под ред.

В.С. Катькало, М.В. Иванющенковой. М.: Высшая школа экономики, 2023. 112 с.

12. Управление талантами и трансформация корпоративной культуры: Материалы Международной конференции «HR-тренд 2015: управление талантами и трансформация корпоративной культуры» (13—14 ноября 2015 г., г. Томск) / Под ред. О.Б. Алексеева [и др.]. Томск: ТГУ, 2016. 244 с.

13. Устойчивое развитие России в условиях глобальных изменений: Монография / М.Ю. Евсин, И.В. Измалкова, Т.Ю. Исмайлова [и др.]; под общ. ред. Н.Н. Нестеровой, О.Ю. Смысловой. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2023. 106 с.

14. *Филипченко А.Д., Фридман М.Ф.* Философско-экономический контекст формирования экологического сознания // Бизнес, власть и общество: философско-экономические основания стратегического управления: Монография / Под ред. М.Ф. Фридмана. Электронное издание. М.: Перо, 2025. С. 229—246.

15. *Фридман М.Ф.* Глобальная эколого-экономическая политика: стратегическое управление в условиях трансформации экономической среды // Социальные и гуманитарные знания. 2022. Т. 8. № 1. С. 44—55.

16. *Фридман М.Ф.* Экологический подход к стратегическому управлению кадровым обеспечением инновационного прорыва в условиях трансформации экономической среды // Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 2 (45). С. 55—61.

17. *Фридман М.Ф.* Эколого-экономическая концепция инновационного прорыва: теоретико-методологические основы государственной кадровой политики // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. № 3. Т. 10. С. 5—13.

18. Цифровые технологии и устойчивое развитие региона: Монография / Под ред. О.Л. Некрасовой. Донецк: ДонГУ, 2024. 311 с.

References

1. *Bekhmann G.* Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informacionnoe obshchestvo, obshchestvo znanij: Monografiya / Per. s nem. A.YU. Antonovskogo [i dr.]. M.: Logos, 2020. 248 s.

2. *Biznes-modeli kompanij i ustojchivoe razvitiye:* Monografiya / E.M. Kaz, I.V. Krakoveckaya, E.V. Nekhoda, N.A. Redchikova. Tomsk: TGU, 2020. 214 s.

3. *Bogdanova O.N., Fridman M.F.* Obrazovatel'nye resursy ekologicheskogo menedzhmenta v kontekste upravleniya talantami // Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2022. № 1 (48). S. 112—119.

4. *Bogdanova O.N., Fridman M.F.* Osobennosti upravleniya talantami v usloviyah realizacii principov ekologicheskogo menedzhmenta // *Biznes, vlast' i obshchestvo: filosofsko-ekonomicheskie osnovaniya strategicheskogo upravleniya: Monografiya* / Pod red. M.F. Fridmana. Elektronnoe izdanie. M.: Pero, 2025. S. 246—264.
5. *Brche M.A., Omel'chenko I.N., Shaab A.* Ustojchivoe razvitiye: mekhanizmy realizacii: Monografiya. M.: MGTU im. Baumana, 2020. 172 s.
6. Globalizaciya. Obshchestvo. Lichnost': Monografiya / G. Citen, S.R. Dvoreckaya, M.V. Druzhinina, I.V. Ershova. Arhangel'sk: SAFU, 2014. 194 s.
7. *Izmajlov M.K., Pupencova S.V.* Formirovaniye intellektual'noj sredy vzaimodejstviya biznesa i gosudarstvennyh organov upravleniya v realizacii koncepcii ESG // *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskij menedzhment*. 2022. № 3. S. 147—155.
8. *Morozova E.N.* Ekologicheskij menedzhment kak osnova dlya obnovleniya kompanii: Monografiya / E.N. Morozova, V.A. Antropov, M.A. ZHurvavskaya; pod red. V.A. Antropova, E.N. Morozovoj. Ekaterinburg, 2019. 125 s.
9. *Ortega-i-Gasset H.* Vosstanie mass: Sbornik / Per. s isp. M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. 509 s.
10. *Tuzikov A.R., Zinurova R.I.* Sociologiya talanta. Kazan': KNITU, 2022. 96 s.
11. Upravlenie talantami: dajdzhest: Sbornik nauchnyh trudov / V.S. Kat'kalo, S.V. Kiselev, M.V. Ivanyushchenkova [i dr.]; pod red. V.S. Kat'kalo, M.V. Ivanyushchenkovo. M.: Vysshaya shkola ekonomiki, 2023. 112 s.
12. Upravlenie talantami i transformaciya korporativnoj kul'tury: Materialy Mezhdunarodnoj konferencii «HR-trend 2015: upravlenie talantami i transformaciya korporativnoj kul'tury» (13—14 noyabrya 2015 g., g. Tomsk) / Pod red. O.B. Alekseeva [i dr.]. Tomsk: TGU, 2016. 244 s.
13. Ustojchivoe razvitiye Rossii v usloviyah global'nyh izmenenij: Monografiya / M.YU. Evsin, I.V. Izmalkova, T.YU. Ismajlova [i dr.]; pod obshch. red. N.N. Nesterovo, O.YU. Smyslovoj. Tambov: TGU im. G.R. Derzhavina, 2023. 106 s.
14. *Filipchenko A.D., Fridman M.F.* Filosofsko-ekonomicheskij kontekst formirovaniya ekologicheskogo soznaniya // *Biznes, vlast' i obshchestvo: filosofsko-ekonomicheskie osnovaniya strategicheskogo upravleniya: Monografiya* / Pod red. M.F. Fridmana. Elektronnoe izdanie. M.: Pero, 2025. S. 229—246.
15. *Fridman M.F.* Global'naya ekologo-ekonomiceskaya politika: strategicheskoe upravlenie v usloviyah transformacii ekonomiceskoy sredy // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2022. T. 8. № 1. S. 44—55.

16. *Fridman M.F. Ekologicheskij podhod k strategicheskому upravleniyu kadrovym obespecheniem innovacionnogo proryva v usloviyah transformacii ekonomicheskoy sredy // Ekonomika i ekologicheskij menedzhment. 2021. № 2 (45). S. 55—61.*
17. *Fridman M.F. Ekologo-ekonomiceskaya koncepciya innovacionnogo proryva: teoretiko-metodologicheskie osnovy gosudarstvennoj kadrovoj politiki // Upravlenie personalom i intellektual'nyimi resursami v Rossii. 2021. № 3. T. 10. S. 5—13.*
18. *Cifrovye tekhnologii i ustojchivoe razvitiye regiona: Monografiya / Pod red. O.L. Nekrasovoj. Doneck: DonGU, 2024. 311 s.*

И.Б. КОНЮХОВ, Н.А. ЧЕРНЫХ, С.В. КРЫЛОВ

О моделях зрелости раздельного учета*

Аннотация. Авторы предлагают рассмотреть раздельный учет по контрактам государственного оборонного заказа (ГОЗ) в качестве объекта оценки зрелости. Цель анализа зрелости — помочь предприятию определить, как улучшить бизнес-процессы, провести мероприятия по усовершенствованию и повышению их эффективности. Чем более зрелый раздельный учет, тем более результативно и эффективно он функционирует. Раздельный учет выполняет дескриптивную, предиктивную, диагностическую и прескриптивную функции. Чем больше функций выполняет раздельный учет, тем выше уровень его зрелости. Авторы предлагают модель зрелости раздельного учета в зависимости от уровня развития методологии учета, степени его автоматизации, места раздельного учета во внутренней среде предприятия и системе управления. Также предложены схема влияния уровня зрелости процессов, поставляющих информацию для процесса раздельного учета, на результат обработки информации в зависимости от уровня зрелости раздельного учета; а также схема влияния уровня зрелости процессов, поставляющих информацию раздельного учета, на использование информации в зависимости от уровня зрелости раздельного учета. Кроме того, авторами предлагается использовать известную в психологии модель изменений Вирджинии Сатир применительно к раздельному учету.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Конюхов И.Б., Черных Н.А., Крылов С.В. О моделях зрелости раздельного учета // Философия хозяйства. 2025. № 4. С. 258—269. DOI: 10.5281/zenodo.17781111.

Ключевые слова: раздельный учет, государственный оборонный заказ (ГОЗ), функции раздельного учета, зрелость раздельного учета, эффективность бизнес-процессов, модель Вирджинии Сатир.

Abstract. The authors propose to consider separate accounting under the state defense contracts as the subject of maturity assessment. The goal of maturity analysis is to help the enterprise determine the way of improvement business processes, carry out improvement activities and increase their efficiency. The more mature of separate accounting, the more efficient and effective it is. Separate accounting performs descriptive, predictive, diagnostic and prescriptive functions. The more functions separate accounting performs, the higher its maturity level is. The authors propose the model of maturity of separate accounting depending on the level of development of the accounting methodology, the level of its automation, the place of separate accounting in the internal environment of the enterprise and its management system. The authors also propose a diagram of the influence of the maturity of processes, providing information for the separate accounting process, on the result of information processing depending on the maturity of the separate accounting; also diagram of the influence of the maturity of processes, consuming separate accounting information, on the application of information depending on the maturity of separate accounting. In addition, it is proposed by the authors to use the Virginia Satyr model of changes, known in psychology, for separate accounting.

Keywords: separate accounting, state defense order, separate accounting functions, maturity of separate accounting, business process efficiency, model of Virginia Satir.

УДК 338
ББК 65

В соответствии с требованиями действующего законодательства головные исполнители государственного оборонного заказа (ГОЗ), который обеспечивает безопасность и суверенитет Российской Федерации, а потому характеризуется повышенной моральной и материальной ответственностью за исполнение по сравнению с другими поставками, а также исполнители, участвующие в поставках такой продукции, обязаны вести раздельный учет результатов финансово-хозяйственной деятельности (далее — раздельный учет).

Раздельный учет подразумевает «учет производственных и коммерческих расходов, обязательств, денежных средств, имущественных

прав, материальных запасов, основных средств, нематериальных активов и других ресурсов отдельно по каждому обособленному контракту» [4] на поставку продукции ГОЗ. Раздельный учет возможен не только по требованию законодательства, но и на добровольных началах. В этом случае доходы и расходы предприятия распределяют по определенным критериям, которые обеспечивают информацию, необходимую для принятия управленческих решений. Авторами выделены следующие функции раздельного учета (рис. 1), описание которых приведено в табл. 1.

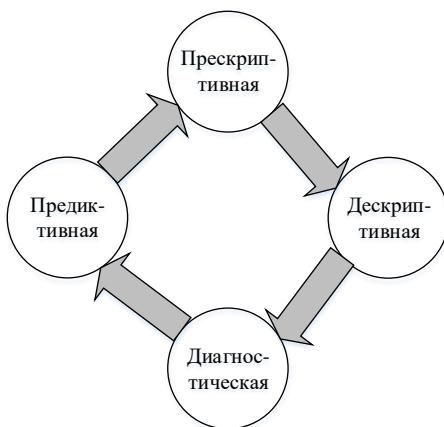

Рис. 1. Функции раздельного учета

Таблица 1

Содержание функций раздельного учета

Функция	Описание
Прескрип- тивная	Выявление наилучших практик деятельности предприятия, определение способов развития
Дескрип- тивная	Сбор данных о хозяйственных операциях в регистрах управленческого учета на основе первичных документов, формирование отчетов
Диагности- ческая	Определение причинно-следственных связей между принимаемыми решениями (а также воздействием внешней среды) и показателями финансово-хозяйственной деятельности
Предиктив- ная	Определение возможных результатов принимаемых решений и воздействия внешней среды на финансово-хозяйственную деятельность, выбор наилучшего решения из возможных альтернатив

Раздельный учет, как и любой аналитический инструмент, может выполнять дескриптивную, предиктивную, диагностическую и прескриптивную функции. Чем больше функций выполняет раздельный учет, тем выше уровень его зрелости. Развернутый во времени цикл функций раздельного учета можно представить в виде восходящей спирали (рис. 2): на начальном уровне зрелости (прескриптивный) организация получает информацию о способах ведения раздельного учета в соответствии с действующим законодательством, формирует отчетность (дескриптивный), обучается устанавливать причинно-следственные связи между показателями (диагностический), предсказывать последствия принимаемых решений и выбирать наилучшее решение из возможных (предиктивный), а затем, собрав лучшие практики, формирует на базе действующего законодательства собственные методы ведения раздельного учета, обеспечивающие достижение стратегических целей организации путем совершенствования всех бизнес-процессов, затрагиваемых раздельным учетом. Таким образом, раздельный учет может рассматриваться катализатором изменения бизнес-процессов предприятия. Далее цикл повторяется на качественно ином уровне.

Рис. 2. Цикл функций раздельного учета

Авторами предлагается рассмотреть раздельный учет по контрактам ГОЗ в качестве объекта оценки зрелости. Зрелость — один из важнейших показателей эффективности процессов. Это своеобразная ступень жизненного цикла изменяющихся процессов, показывающая, на какой стадии он находится [5]. Для чего оценивать и анализировать зре-

лость? Основная цель анализа зрелости — помочь предприятию определить, как улучшить бизнес-процессы, провести мероприятия по усовершенствованию и повышению их эффективности.

Понятие «модель зрелости» используется в российских государственных стандартах, принятых на основе международных стандартов в сфере менеджмента качества (ГОСТ Р ИСО 9004-2010 «Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества» и ГОСТ Р ИСО 9004-2019 «Менеджмент качества. Качество организации. Руководство по достижению устойчивого успеха организации» [2; 3]). В данных стандартах содержится указание о применении модели зрелости в качестве инструмента самооценки организации, представляющего основу для улучшений и помогающего организации добиваться устойчивого успеха. При этом организациям рекомендуется анализировать свою деятельность по рекомендуемым стандартом критериям или иным критериям, адаптированным к требованиям организации и удовлетворяющим ее индивидуальные потребности, определять достигнутый уровень зрелости, выявлять сильные и слабые стороны. При этом критерии, необходимые для достижения более высокого уровня зрелости, обеспечивают организации возможность определить актуальные проблемы и запустить изменения, необходимые для устранения выявленных проблем и достижения более высокого уровня зрелости.

Поскольку раздельный учет способен к изменению, то он может проходить через разные этапы — уровни зрелости, которые также можно назвать моделями зрелости.

Результаты оценки зрелости раздельного учета позволяют выявить «узкие места», уточнить требования и определить наилучшие технические и организационные решения, которые потребуются для увеличения шансов на успешную разработку ИТ-системы для автоматизации раздельного учета и получения желаемого бизнес-результата. Анализ моделей зрелости раздельного учета подразумевает оценку корректности, логики, измеримости, контролируемости, гибкости и способности к развитию раздельного учета на предприятии [5]. Чем более зрелый раздельный учет, тем более результативно и эффективно он функционирует.

С 1987 г. Институтом программной инженерии, исследовательским центром на базе Университета Карнеги—Меллон ведется разработка методологии CMMI (Capability Maturity Model Integration), представляющей собой комплексную модель производительности и зрелости: совокупность моделей (методологий) совершенствования процессов в организации.

В CMMI описываются пять уровней зрелости процессов в 22 процессных областях, и она ставит себе целью порождение рекомендаций по их оптимизации. Но данная модель лишь указывает, в каких именно процессных областях возможна оптимизация. Она не дает рекомендаций относительно конкретных ее способов [1].

Таким образом, сотрудники российских промышленных предприятий, взяв за основу при оценке зрелости раздельного учета модель CMMI, смогут с определенной уверенностью оценить готовность предприятия к изменению бизнес-процессов и внедрению новых методов управленческого учета, составить модель текущего состояния («как есть») и составить план перехода к перспективному состоянию («как должно быть»), что впоследствии должно стать залогом повышения конкурентоспособности организации.

Однако на своем пути они столкнутся с такими сложностями, как отсутствие гибкости модели при определении уровня зрелости, чрезмерно широким выбором возможностей для развития при отсутствии четких методик, позволяющих выбрать направление изменений, проблемой воплощения рекомендаций в конкретные методики и регламенты. Российские организации также могут столкнуться с дополнительными сложностями, связанными с тем, что ввиду отсутствия общепринятых подходов для оценки зрелости в российских компаниях приходится опираться на зарубежные методики и разработки, которые не всегда подкреплены достаточной эмпирической базой, подтверждающей эффективность их использования, в результате чего, применяя те или иные модели, можно получить оценки и рекомендации, которые приведут к результатам, не соответствующим ожидаемым.

Суммируя вышесказанное, можно отметить, что использование методик оценки зрелости без их адаптации в большинстве случаев приведет к рекомендациям, связанным с перепроектированием всех бизнес-процессов предприятия и тотальным изменением организационной культуры, что, в свою очередь, в свете отсутствия ощутимых результатов, может обернуться кризисом доверия к используемым методам управления и совершенствования, что приведет к закономерному откату к прежнему состоянию.

Авторы предлагают следующую модель зрелости раздельного учета (рис. 3) в зависимости от уровня развития методологии учета, степени его автоматизации, места раздельного учета во внутренней среде предприятия и системе управления.

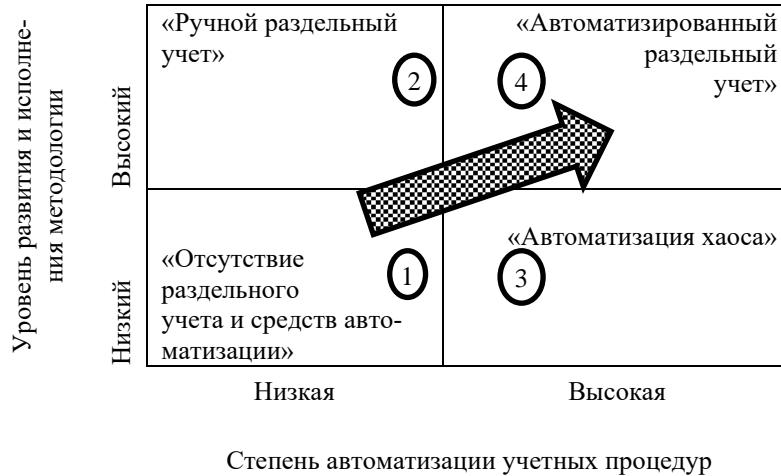

Рис. 3. Модель зрелости раздельного учета

1. «Отсутствие раздельного учета и средств автоматизации».

Характеризуется спонтанными информационными связями. Бизнес-процессы, связанные с раздельным учетом, носят хаотичный, непоследовательный характер. Отсутствует интеграция информации, а сами информационные потоки не formalизованы (не описаны или не закреплены в локальных нормативных актах (ЛНА), или их исполнение не контролируется). Раздельный учет отсутствует или находится в зачаточном состоянии.

2. «Ручной раздельный учет». Бизнес-процессы настолько повторямы, что становится возможным задокументировать их описание. Между подразделениями и функциональными областями выстроены связи. Процессы стандартизованы, документированы. При этом автоматизированы лишь отдельные составляющие, по сути — зачаточная «лоскутная автоматизация». Высокая доля ручного труда в осуществлении раздельного учета. Имеются перспективы для автоматизации.

3. «Автоматизация хаоса». Высокий уровень автоматизации, однако автоматизированные бизнес-процессы и информация, циркулирующая в них, не используются в технологии раздельного учета. Раздельный учет не регламентирован и осуществляется лишь формально (или вообще отсутствует). Потребность в эффективной организации раздельного учета полностью не реализована.

4. «Автоматизированный раздельный учет» характеризуется высоким уровнем стандартизации процессов и ролей. Четкая регламентация методологии раздельного учета. Наложены оперативные связи между входами и выходами бизнес-процессов. Эффективное использование всех программных средств, входящих в корпоративную информационную систему, которая представляет собой «электронную нервную систему» предприятия. Она обеспечивает эффективную обработку информации и управление на всех этапах работы. Важность раздельного учета встроена в корпоративную культуру, донесена до каждого участника процесса, все работники вносят осознанный вклад в соблюдение методологии раздельного учета, их участие и вовлеченность носят активный характер. Обязанности работников в части выполнения требований раздельного учета установлены в должностных инструкциях и КПЭ (ключевых показателях эффективности) — для высшего звена менеджмента.

Таким образом, уровень зрелости раздельного учета определяется зрелостью бизнес-процессов организации и заданием соответствующего «тона сверху».

Авторами предложены схема влияния уровня зрелости процессов, поставляющих информацию для процесса раздельного учета, на результат обработки информации в зависимости от уровня зрелости раздельного учета (рис. 4), а также схема влияния уровня зрелости процессов, потребляющих информацию раздельного учета, на использование информации в зависимости от уровня зрелости раздельного учета (рис. 5).

Чтобы получить корректные результаты в раздельном учете, требуется поставлять информацию высокого качества, которую обеспечивают поставляющие процессы с высоким уровнем зрелости, и поддерживать высокий уровень зрелости системы раздельного учета. Аналогично, качественная информация раздельного учета может быть использована внешними и внутренними пользователями для принятия управленческих решений при условии обеспечения высокого уровня зрелости раздельного учета и процессов, потребляющих информацию раздельного учета.

Предложенная авторами модель зрелости раздельного учета касается не только оценки применяемого программного обеспечения, но и характеризует достигнутый уровень развития раздельного учета как элемента внутренней среды предприятия, его системы управления. Данная модель позволяет оценить реальное состояние функционирующей учетной системы, а также определить вектор ее дальнейшего развития для более полного раскрытия потенциала раздельного учета и достижения большей системной зрелости.

Уровень зрелости раздельного учета	Высокий	Раздельный учет не сможет получить информацию необходимого качества	Раздельный учет будет получать необходимую высококачественную информацию и корректно обрабатывать ее
		Раздельный учет будет неправильно обрабатывать некачественную информацию	Раздельный учет не сможет качественно обработать информацию, получаемую из других процессов

Рис. 4. Уровень зрелости процессов, поставляющих информацию в процесс раздельного учета

Уровень зрелости раздельного учета	Высокий	Результаты раздельного учета не будут использоваться для принятия управленческих решений	Качественная информация раздельного учета будет использоваться внешними и внутренними пользователями для принятия управленческих решений
		Некачественная информация раздельного учета не будет использоваться	Раздельный учет не сможет предоставить процессам-потребителям необходимую информацию

Рис. 5. Уровень зрелости процессов, потребляющих информацию раздельного учета

Переход от состояния 1 к 4 на рис. 1 возможен с помощью внедрения определенных изменений: путем преобразований бизнес-процессов, способов ведения учета и применяемых средств автоматизации. Авторами предлагается использовать известную в психологии модель изменений Вирджинии Сатир применительно к раздельному учету (рис. 6).

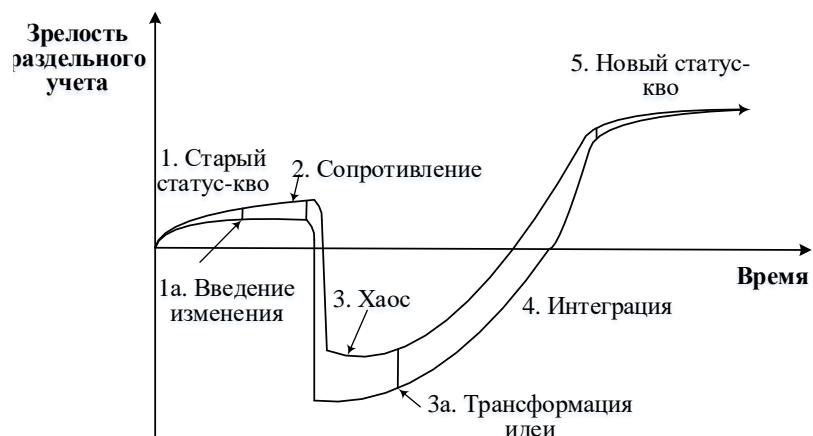

Рис. 6. Модель Вирджинии Сатир применительно к процессу повышения зрелости раздельного учета

Модель Вирджинии Сатир, представленная на рис. 6 и применяемая авторами настоящей статьи к раздельному учету, демонстрирует динамику уровня зрелости раздельного учета во времени. Авторами выделены следующие особенности стадий, через которые проходит раздельный учет в зависимости от принятия изменений по его внедрению/совершенствованию. В модели принято допущение о том, что внедряемые изменения не являются ошибочными и в действительности способны повысить зрелость раздельного учета.

Стадия 1. «Старый статус-кво». Определяет начальную точку до изменения, текущее состояние раздельного учета. Обстановка привычна для работников. При этом существует понимание необходимости перемен, но склонность к привычному сдерживает систему в целом. Появление элемента изменений, проникающего в систему извне, нарушает ранее сложившееся равновесие.

Стадия 2. «Сопротивление». Элемент изменений, необходимый для внедрения/совершенствования раздельного учета, воспринимается негативно и рассматривается как угроза работе сотрудников. Когда сотрудники отрицательно реагируют на изменения, возникает сопротивление. Чтобы разработать адекватные меры нивелирования сопротивления, важно понять, каким именно нововведениям и по какой причине сотрудники

Стадия 3. «Хаос». Система находится в состоянии дистресса и выходит из-под контроля. Эта стадия характерная для самой низкой точки морального состояния и мотивации из-за сопротивления изменениям. Сотрудники ищут возможность возвращения к старым методам работы. Качество раздельного учета характеризуется нестабильностью.

Стадия 4. «Интеграция». Система обнаруживает преобразующую идею, которая свидетельствует о том, как элемент изменений может быть ей полезен. Появляются новые возможности, когда система видит новые способы решения проблемы, практика, когда применяются и закрепляются новые стили мышления и способы решения проблем, связанных с раздельным учетом. Здесь качество раздельного учета повышается, заметно повышение мотивации и энтузиазма работников.

Стадия 5. «Новый статус-кво». Если должным образом организовано внедрение изменения, то качество раздельного учета стабилизируется на более высоком уровне, тем самым повышая его зрелость. Процесс интеграции и принятия изменения заканчивается и становится неотъемлемой частью в работе предприятия. Измененный порядок становится привычным и принимает новый статус-кво. Менеджмент занят отработкой новых возможностей и совершенствованием работы в новых условиях — условиях раздельного учета.

Таким образом, зрелость раздельного учета — динамический показатель, который может меняться во времени. Он включает в себя качество раздельного учета, его масштабируемость, повторяемость и устойчивость. Изменения — последовательный итерационный процесс, требующий времени. Может потребоваться время, чтобы сотрудники предприятия приняли изменения, которые, в свою очередь, войдут в новый статус-кво. Понимание организационных и технических аспектов, связанных с изменениями, направленными на увеличение зрелости раздельного учета, обеспечивает возможность лучше управлять ими. При этом расширяются аналитические возможности раздельного учета, он интегрируется с контролем и управлением.

Выводы. Взгляд на модели зрелости раздельного учета, предложенный авторами, является адекватным современным условиям, способным поднимать актуальные вопросы и задавать верные ориентиры для менеджмента предприятия.

Оценка зрелости раздельного учета — инструмент, позволяющий определить готовность предприятия к автоматизации раздельного учета и направленный на выявление «узких мест» в бизнес-процессах, связанных с раздельным учетом, с целью их дальнейшего усовершенствования. Совокупное и сбалансированное развитие методологии и способов

автоматизации раздельного учета, активная работа по приобщению работников к целям раздельного учета, а также постоянное совершенствование бизнес-процессов, связанных с раздельным учетом, являются основными факторами повышения зрелости раздельного учета в организации.

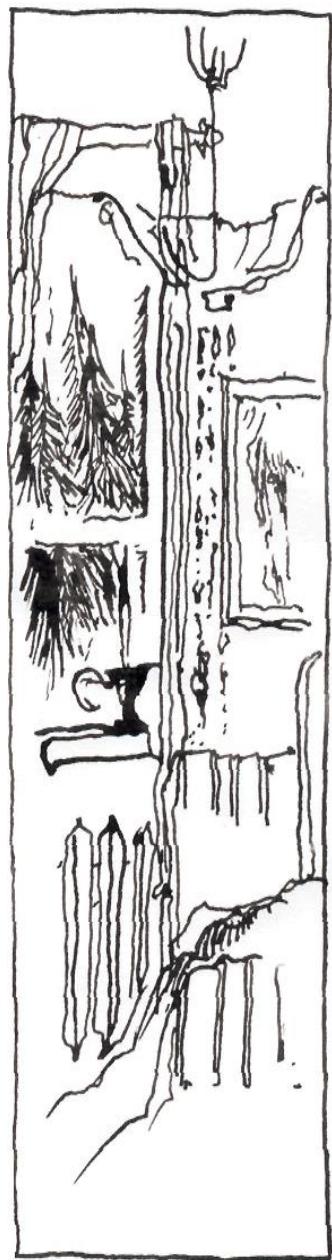
Литература

1. *Appelo YO.* Agile-менеджмент: Лидерство и управление командами / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2018.
2. ГОСТ Р ИСО 9004-2010 «Менеджмент для достижения устойчивого успеха организации. Подход на основе менеджмента качества». М.: Стандартинформ, 2010. 46 с.
3. ГОСТ Р ИСО 9004-2019 «Менеджмент качества. Качество организации. Руководство по достижению устойчивого успеха организации». М.: Стандартинформ, 2019. 62 с.
4. *Сбитнев С.Н., Черных Н.А.* Актуальные (современные) методы повышения операционной эффективности промышленного предприятия // Наукосфера. 2022. № 9 (2): URL: <http://nauko-sfera.ru>.
5. *Черных Н.А.* Роль раздельного учета в операционной эффективности промышленного предприятия // Философия хозяйства. 2025. № 2. С. 224—237. DOI: 10.5281/zenodo.15148648.

References

1. *Appelo YU.* Agile-menedzhment: Liderstvo i upravlenie komandami / Per. s angl. M.: Al'pina Publisher, 2018.
2. GOST R ISO 9004-2010 «Menedzhment dlya dostizheniya ustojchivogo uspekha organizacii. Podhod na osnove menedzhmenta kachestva». M.: Standartinform, 2010. 46 s.
3. GOST R ISO 9004-2019 «Menedzhment kachestva. Kachestvo organizacii. Rukovodstvo po dostizheniyu ustojchivogo uspekha organizacii». M.: Standartinform, 2019. 62 s.
4. *Sbitnev S.N., Chernykh N.A.* Aktual'nye (sovremennye) metody povysheniya operacionnoj effektivnosti promyshlennogo predpriyatiya // Naukosfera. 2022. № 9 (2): URL: <http://nauko sfera.ru>.
5. *Chernykh N.A.* Rol' razdel'nogo ucheta v operacionnoj ef-fektivnosti promyshlennogo predpriyatiya // Filosofiya hozyaj-stva. № 2. S. 224—237. DOI: 10.5281/zenodo.15148648.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Медаль С.Н. Булгакова У.Ж. Алиеву

За выдающийся вклад в гуманитарную науку и высшее образование, в дружбу народов медалью С.Н. Булгакова «Свет Невечерний» награждается *Алиев Урак Жолмурзаевич*.

9 октября 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся всероссийский научный симпозиум «Отцы и дети: кто куда?» (Орленковские чтения — 2025), на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, М.Ю. Павлов; кандидаты наук В.Е. Гаврилова, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, В.В. Чапля (Краснодар); научный сотрудник Т.С. Сухина; ведущий инженер И.Г. Морозов; инженер И.З. Гелисханов.

Т.С. СУХИНА

Отцы и дети: кто куда? (дискуссия на Орленковских чтениях — 2025)*

Аннотация. Представлен обзор научной дискуссии на Всероссийском научном симпозиуме на тему «Отцы и дети: кто куда?» (Орленковские чтения — 2025), состоявшемся на экономическом факультете МГУ 9 октября 2025 г. в смешанном формате по инициативе лаборатории философии хозяйства и научного совета «Центр общественных наук» МГУ.

*Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Сухина Т.С. Отцы и дети: кто куда? (дискуссия на Орленковских чтениях — 2025) // Философия хозяйства. 2025. № 6. С. 273—283. DOI: 10.5281/zenodo.17781143.

Ключевые слова: философия хозяйства, отцы и дети, поколения, преемственность, перемены, мировоззрение, смыслы.

Abstract. This review presents the discussion on the topic «Fathers and Sons: Who's Going Where?», held at the Faculty of Economics of the Moscow State University within the All-Russian scientific symposium on October 9, 2025, ran by The Philosophy of Economics Lab and the Scientific Council «Center for Social Sciences» of the Moscow State University and held in a mixed format.

Keywords: philosophy of economy, fathers and sons, generations, continuity, change, worldview, meanings.

УДК 316

ББК 65в

Всероссийский научный симпозиум на тему «Отцы и дети: кто куда?» в рамках «Орленковских чтений — 2025» состоялся 9 октября 2025 г. на экономическом факультете МГУ в смешанном формате под руководством заведующего лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председателя научного совета «Центр общественных наук» МГУ д.э.н., профессора Ю.М. Осипова.

Открыв заседание и поприветствовав участников симпозиума, Ю.М. Осипов во вступительном слове заметил: «В преддверии нашего научного мероприятия, размышляя над темой симпозиума, которая год назад казалась мне вполне понятной в аспекте нынешнего взаимоотношения поколений, когда возник межпоколенческий разрыв, я задумался о правомерности самой этой постановки — “отцы и дети”, то бишь допустимо ли сейчас вообще говорить об “отцах” и “детях”, не в физиологическом, конечно, смысле, а в метафизическом, и главный смысловой удар тут приходится на “отцов”: есть ли они сегодня — отцы — как ведущие по жизни детей, служащие им примером, пусть и не стопроцентным, но в основе, в основном, в жизненном ориентире.

Такой сакральный вопрос возник у меня, конечно, неслучайно, ибо, размышляя, я, безусловно, не мог не обратиться за сравнительным примером к собственной жизни, начатой в Великую Отечественную войну и вполне сознательно прошедшую сначала в послевоенное время, затем в период, с одной стороны, торжества построенного отцами и дедами советско-социалистического строя, а с другой — сначала подспудного, окаемного, “кускового” его, этого строя, отрицания, растянувшегося на четверть века, однако, несмотря на его — этого строя —

постепенное разъедание, все-таки существовавшего и нашим поколением — детей — в основе не отвергавшегося, хотя и сознававшего необходимость перемен, к ним и стремившегося.

Что же касается проблемы “отцов и детей”, несмотря, конечно, на известную разность, но не розность межпоколенческих экзистенциально-хозяйственных установок, “отцы” оставались для “детей” отцами, а “дети” относились к “отцам” как именно к отцам.

Будучи студентом в 1960-е гг., я и мои соратники, что я говорю совершенно искренне, относились к отцам-преподавателям, многие из которых были фронтовиками, с искренним же уважением, причем не просто как к старшим и более опытным, но и как к своим, в полном смысле этого слова, наставникам, не чувствуя между нами и ими никакого существенного разрыва.

Далее, я сам, будучи с начала 1970-х гг. уже отцом-преподавателем, тоже не чувствовал никакого поколенческого разрыва между собой и студентами. Все мы: “деды” — профессора, “отцы” — доценты и профессора, наконец, студенты и аспиранты — были в основе и в главном все-таки экзистенциально заедино, и сама постановка проблемы “отцы и дети” никому тогда попросту и не могла прийти в голову.

Так и продолжалось до середины вихревых 1990-х, когда я почувствовал, что передо мной уже сначала несколько, а затем весьма, а потом — к концу 1990-х — совсем (ну пусть почти совсем) уже другие студенты-аспиранты, короче, иные “дети”, а я уже им, этим иным “детям”, вовсе и не “отец”».

Поделившись с участниками симпозиума своими «сомневательными» соображениями, Ю.М. Осипов поставил перед всеми вопрос об «отцах и детях» в иной, возможно, неожиданной плоскости: «А есть ли вообще эта проблема как реальная проблема самой реальности, может, ее уже и нет, как нет ни “отцов”, ни “детей”?». И другой вопрос для обсуждения: «А что тогда есть?».

Д.и.н., профессор Г.Р. Наумова (исторический факультет МГУ) в выступлении «Университетские научные школы в зоне риска» согласилась с Ю.М. Осиповым, что «тема отцов и детей многогранна и обеспечивает возможность выстраивать целый ряд направлений исследования социальных и семейных отношений. Нам представляется важной возможность рассмотреть проблему взаимодействия отдельных поколений в пространстве гуманитарных наук.

Во второй половине XX — первой четверти XXI в. в исторической науке взаимодействовали три поколения историков. Первое поколение — те, кто родился сразу после 1917 г., второе поколение — те, кто

родился после 1945 г., после войны, и третье поколение — поколение детей и внуков.

Вопрос, который требует пристального научного рассмотрения, — это неоднородность первого из рассматриваемых поколений. Историки этого поколения на удивление четко распадаются на тех, кто пришел в историческую науку сразу после 1934 г., когда были созданы советские исторические факультеты, и на фронтовиков, пришедших учиться на факультет после 1945 г.

Предвоенное десятилетие стало важным этапом подготовки советских историков. Характеристика этих первых истфаковцев — изучение этой значительной социальной группы — только начинается. Разделение первого советского поколения историков сказывалось и на неоднородности послевоенного поколения, и зачастую влияет и на поколение детей и внуков.

Перед историками, изучающими историю исторического знания, стоит очень непростая задача — исследовать институциональное взаимодействие трех поколений историков и выявить природу тех проблем, которые проявились в изучении отечественной истории».

В выступлении на тему: «Поколенческая преемственность: мифология или реальность в воспроизведстве общества» д.э.н., профессор СПбГЭУ **С.Г. Ковалев** сформулировал три тезиса.

1. Важность обеспечения репродукции общества во времени, в природно-социальном пространстве, в субъекте (в этносоциогенезе), в суверенности (независимость общества и государства), в обеспечении основных социальных прав, а также в физической и мировоззренческой преемственности поколений. Поколение — это: 1) социологически духовно-культурная общность людей по критерию времени рождения, по крупному историческому событию; 2) генетически — общность по предкам, принадлежность к определенной родственной группе. А это означает наличие и требование сохранения поколенческого подобия и по физическому масштабу (не допустить вырождения), и по преобладающей ментальности (преемственность системы ценностей) в обществе. Воспроизведение общества — это непрерывный процесс воспроизведения его поколений как в целостности, так и в отдельных системных частях. Испанский философ Ортега-и-Гассет считал поколение единицей мировых исторических перемен. В обществе существуют одновременно несколько поколений, традиционно их рассматривают в разрезе возрастных категорий: старые, зрелые, молодые — и в разрезе социального поведения. В РФ наблюдается усиливающийся поколенческий разрыв (раскол).

2. Можно выделить две линии поколенческого разрыва и преемственности. Первая, внешняя — замещение традиционных российских ценностей экспортируемыми ценностями новейшего мирового порядка — сдвиг преобладающих культурных ценностей в пользу универсальных мировых, преимущественно у молодежи. Вторая, внутренняя — раскол в отдельных группах населения, причем не по критерию «молодежь» или «не молодежь», а по примату базовых ценностей — традиционные либо иные, в том числе и по линии технологического прогресса, социально-экономического устройства страны, места ее в мире — сдвиг, раскол по важности исторических базовых ценностей страны, обусловленный трансформацией российского общества, по своей сути преимущественно поколенческий, но не только.

3. Мировоззренческий разрыв — вещь, исторически не новая. Закономерен для эволюции любого общества. Молодое поколение вырабатывает свой взгляд и свой путь. Отличие современного разрыва (у него иная, более сложная природа) одновременно проистекает и из-за усложнения технологического развития, и из-за социального конструирования. Сложности в цепи поколенческой ментальности — прадеды (прабабушки) — деды (бабушки) — отцы (матери) — дети — всегда возрастают, когда ведущую роль начинают играть внешние силы, а также тогда, когда активны внутренние силы, действующие в собственных интересах для реализации своих целей. Причем это может быть не только воздействие на молодежь, например, через систему образования, но и путьнейтрализации прошлого поколения, сохраняющего собственный взгляд восприятия будущего».

С точки зрения С.Г. Ковалева, «для самосохранения страны требуется обеспечение поколенческой солидарности, а значит, усилия всего общества и людей всех возрастов».

В выступлении на тему «Начало новой эпохи: дети “умнее” родителей. Что дальше?» д.э.н., профессор **М.М. Гузев** (Волжский филиал Волгоградского государственного университета) обратил внимание, что «мы живем в условиях глобальной турбулентности и перехода в новую эпоху. Формируется совершенно новое общество, в котором совершенно новые коллизии во взаимоотношении отцов и детей. Главное в них — дети “умнее” родителей. Такого не было никогда. Впереди — Неизвестность». Но уже очевидно, что управлять этой социоприродной эволюцией, по мнению М.М. Гузева, «необходимо и возможно только в обществе демократического тоталитаризма. Не надо пугаться, это не наше завтра, это уже наступающее сегодня».

К.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) в докладе «Взаимосвязь социума и прогресса в контексте дилеммы отцов и детей» коснулся трех моментов в раскрытии заявленной темы.

1. В широком, эволюционном, смысле, где процесс взаимосвязи социума и прогресса, несмотря на свой волнообразный и порой экстремальный характер, в конце концов остается в рамках ценностей, культуры, науки, образования и адекватного эволюционного взаимодействия поколений, общий язык и смыслы не только сохраняются, но и развиваются! Поэтому у половины докладчиков в программе противоречия отцов и детей сами собой преодолеваются в более долговременных ретроспективах и перспективах! Предки-потомки! Деды-внуки и т. д.

2. В узком же смысле (у И.С. Тургенева) и у нас сегодня, экстремальность проблемы отцов и детей иррационализируется нежеланием вникать и брать на себя ответственность по поводу разрыва с корнями, без которых эволюция и прогресс в принципе невозможны! В контексте этого разрыва имеет место желание соисканий власти, доходов и богатства в целом.

3. В этом смысле небезынтересна постановка проблемы у профессора Ф.И. Гиренка «О философии двух типов русских реформ»: а) через развитие социума и вместе с ним и б) вне социума, без него, вопреки его интересам, через его энтропию и подавление — как это происходило в пореформенный период XIX в. и особенно в последние десятилетия, сегодня!

«Поэтому, — с точки зрения В.В. Кашицына, — результативность реформ зависит от того, по какому типу они реализуются!»

В начале своего выступления на тему «Научно-технический прогресс: отцы и дети или деды и внуки?» д.ф.н., к.э.н., к.соц.н. **К.В. Молчанов** (экономический факультет МГУ) обратил внимание присутствующих на то, что «при рассмотрении общечеловеческой темы “Отцы и дети” не может не затрагиваться еще одна поколенческая парадигма — “внуки”». При этом проблему, акцентированную Тургеневым, докладчик выделил в отдельный фактор при рассмотрении темы симпозиума, который «в начале XXI в. можно рассматривать в контексте бурного развития компьютеринга, в первую очередь artificial intelligence, который обусловил усиление цифрового разрыва (digital divide) и возможность выявленных докладчиком логических интерсубъектных операций (например, людей и AI), которые предложено рассматривать в качестве логических операций (возможно, даже логики), условного третьего уровня логики после логических операций условного первого уровня — аналитических

операций (условно — общая логика по Канту, акцентированная операция — отрицание) и логических операций условного второго уровня — синтетических операций (условно — наука логики Гегеля, акцентированная операция — противоречие)». Черты и регламент теории логических операций (логики) условного третьего уровня уже отчетливо проявляются в эволюции логик отрицания и противоречия, заметил рассказчик, а также в проблеме алогичности, рассмотренной им ранее в статьях и докладах, в понятии обозначенных логических интерсубъектных операций, в созданном им «диалектическом промптинге» и др.

В выступлении д.ф.н., профессора **Ф.И. Гиренка** было сказано, что «разрыв между отцами и детьми носит метафизический характер. Дело в том, что дети живут в режиме непрерывно длящегося настоящего. Они не знают ни прошлого, ни будущего. Они не понимают, почему есть завтра и вчера. Дети расплавлены, как самоаффектирующая самость.

Отцы смотрят на них сверху вниз. Все отцы составляют одно говорящее “я”. У отцов нет настоящего. Они живут либо в прошлом, либо в будущем. Из будущего они говорят о прошлом. Из прошлого о будущем. Все это можно перенести в политику, науку, историю».

К.т.н., доцент, профессор **П.П. Жуликов** (Московский финансово-промышленный университет «Синергия») в выступлении на тему «Быть или не быть ИИ в образовании России?» подчеркнул, «что “проблема” использования искусственного интеллекта раздувается искусственно и непонятно зачем. ИИ — ожидаемый продукт технологической цивилизации. Он есть, и это уже неоспоримая данность. Запрещать или ограничивать его использование в системе образования весьма недальновидно. Наши дети погружены в цифру чуть ли не с пеленок и, конечно, быстрее взрослых хватают верхушки полезных новаций и не вникают в их сущность. И тут как раз и нужен опыт возрастной профессуры, но не в соревновании в скорости тыкать пальцами по клавишам, а в организации постановки задач для решения современных проблем, которые и выращены старшим поколением. ИИ — это золотой ключик, который может открыть новый мир знаний, и использовать его необходимо в образовании максимально».

В докладе «Монетарные привычки экономически активных поколений в РФ» к.э.н., доцент **В.Е. Гаврилова** (экономический факультет МГУ) представила сравнительный анализ поколений с устоявшимися названиями «бэби-бумеры» (1946—1964), «поколение X» (1965—1980), «поколение Y» или «миллениаль» (1981—1996) и «поколение Z» (1997—2020) по таким линиям сравнения, как базовые мировоззренческие ценности и отношение к цифровизации, финансовое поведение в

рамках долговых обязательств, накопительное, в том числе пенсионное поведение. «В результате было выявлено много сходных черт в монетарном поведении у поколения X и бэби-бумеров. Поколение Y отличается от всех остальных возрастных когорт стойким нежеланием взрослеть, что выражается в финансовом инфантилизме, а поколение Z отличает готовность много работать, но исключительно за быстрое достойное вознаграждение, нежелание становиться частью какого бы то ни было финансового сообщества, предпочтение зарабатывать в режиме online. Все поколения в РФ не склонны к большому финансовому риску на фоне регулярных финансовых трудностей».

Д.Э.Н. **М.Ю. Павлов** (экономический факультет МГУ) в выступлении на тему «Судьбы наших детей: между искусственным и естественным интеллектом» отметил: «Профessor Ю.М. Осипов поднял очень важную тему: старшее поколение как пример. Дети не слышат того, что мы говорим, дети видят то, что мы делаем. Когда росло мое поколение, для нас образцом и примером были старшие поколения — совсем старое, которое построило новый мир, преобразило страну, наши дедушки и бабушки, которые выстояли в Великую Отечественную войну, дали отпор фашизму, сильнейшей военной машине мира, а затем заново отстроили половину страны, превращенную в щебень. Затем — покорители космоса, талантливые ученые и инженеры, овладевшие атомной энергией. Авторитет этих поколений был непререкаем. Это были поколения титанов, людей, с которыми можно было спорить по бытовым вопросам, по стилю жизни, но в главных вопросах они были как на сияющих вершинах.

Иное дело — наше поколение (1970—1980-е гг.). Родившиеся в 1990-е и позже уже не признают нашего авторитета, напротив, высказывают нам претензии, что мы позволили разрушить СССР, даже особо не протестуя, что мы не создали им среду, благоприятную для быстрого роста бизнеса, а главное — сами не стали миллиардерами. Ни то, ни се. Поэтому мы должны сами быть очень сильными, совершить прорыв, создать что-то масштабное, новое, значимое, чтобы молодежь, дети смотрели на нас с обожанием, потому что мы много сделали для них».

В выступлении на тему «Хозяйственные метаморфозы поколений: что исчезает, что появляется и что остается?» к.э.н. **В.В. Чапля** (НИИ анализа хозяйственных альтернатив, г. Краснодар) раскрыв свое отношение к изменению содержания наследия, передаваемого от поколения к поколению, отметил, что «это содержание менялось со временем: так, к наследству относили имущество, богатства, титул или знание,

опыт, образование. У старшего поколения исчезает жадность, появляется страх перед новым виртуальным миром. У молодого поколения, напротив, нет страха перед цифровым миром, но появляется жадность. И страх, и жадность не позволяют спастись человечеству». По мнению В.В. Чапли, «его спасет Любовь».

В своем выступлении на тему «Человек и ИИ: точки соприкоснения и методы приспособления» к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) обратила внимание слушателей «на возрастание роли семьи и ответственности родителей за воспитание подрастающего поколения, которое в цифровую эпоху в результате обладания и использования современных средств связи захлестывает шквал информационных потоков, верных и ложных, и ребенок сам не замечает, как оказывается плененным социальными интернет-сетями. Сегодня многие обеспокоены влиянием распространяющихся технологий ИИ на образование детей и подростков. Все родители и учителя жалуются, что их чада “сидят в телефонах” с утра и ночью тоже». Поэтому, по мнению докладчика, «следует ограничить или запретить пользование телефонами на занятиях в учебных заведениях и создать соответствующие условия для переключения внимания растущего поколения на “классическое” внеурочное времяпрепровождение: творческие студии, музыкальные школы, спортивные секции и т. д., которые, в свою очередь, благодаря соответствующей государственной политике, должны быть доступны всем социальным слоям населения. Серьезные инвестиции в совершенствование естественного интеллекта человеческого потенциала гарантируют в будущем высокий уровень научно-технического и экономического развития страны».

В выступлении на тему «Информационные технологии как инструмент перекодирования исторического кода» д.соц.н., профессор **Г.С. Широкалова** (Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Нижний Новгород) обратила внимание, что «единого информационного поля нет и создать его в условиях новых технологий невозможно. Это актуализирует вопрос об информационно-аналитическом фоне страны, из которого “дети” получают информацию, не соответствующую знаниям “отцов”. Большинство источников анонимны, и фейки воспринимаются как достоверные факты. Приведу конкретные примеры. “Алиса” месяц назад сообщила мне, что г. Горький был оккупирован во время Отечественной войны... О А.Н. Сабурове можно прочесть, что он, будучи командиром партизанского отряда на оккупированной территории в Йошкар-Оле и Саранске, проводил акции против нацистских войск и организовывал восстания в

концлагерях¹. Но оба города были тыловыми. Информация выставлена в октябре 2023 г., прочитало ее к осени 2025 г. 1640 чел., поставлено 24 положительных лайка, ни одного отрицательного и 8 критических отзывов. Фактически А.Н. Сабуров сформировал партизанское соединение на Украине, вошедшее в историю под его именем². Это частный пример, не “делающий погоды” в общественном мнении. Более опасны оценки отношения к истории страны в целом. Из московских студентов, опрошенных в 2025 г., 9% согласны, что во Второй мировой войне виновны и Германия, и СССР, 34% выбрали ответ “спорно, но обсуждаемо”, несогласных 50%. Остальные безразличны. Каскадирование резкой критики советской эпохи, объяснение неудач РФ наследием прошлого дали свои результаты. В своем большинстве население не проверяет объективность утверждений о прошлом и не верифицирует представления об обещаемом завтра. Поэтому идеологический “памятникопад” и “памятникострой” — неотвратимое будущее».

К.т.н. **О.В. Доброчеев** (Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») в выступлении на тему «Наше будущее не в детях, а во внуках» заметил, что «если посмотреть на волну нашей советской и постсоветской истории 1917—1999 гг. и 25-летний этап нынешней, то в их совокупности можно выделить четыре сменивших друг друга приблизительно 26-летних поколения. Первые три условно можно назвать поколениями отцов, детей и внуков, а в каждом из них выделить как людей предшествующего поколения, так и последующего».

Далее О.В. Доброчеев показал, как, по его мнению, на последующих этапах можно сопоставить эти поколения с 13-летними фазами трансформации российского общества.

К.и.н., доцент **С.А. Ермишина** (исторический факультет МГУ) представила сообщение «Русская классическая литература о проблеме отцов и детей через призму внутрипоколенческого раскола»: «В русской классике — в произведениях А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и других известных писателей, а также в философском наследии В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева и других мыслителей содержится ответ на вопрос о причинах конфликтов между поколениями отцов и детей, нараставших в течение XIX — начала XX в. Они вызваны, с одной стороны, формированием и усилением господства

¹ 20 знаменитых партизанов Великой. (В названии сайта именно «партизанов»! — Г.Ш.)

² Александр Николаевич Сабуров: URL: <https://18.mvd.ru/document/3099801> (дата обращения: 21.08.2025).

в поколениях детей “отрицательного типа” русской интеллигенции, по-правившей с традициями и “родной нивой” (Ф.М. Достоевский), проповедавшей “идейный морализм” (сборник “Вехи”), в основе которого хотя и закладывалась идея “освобождения народа”, но теоретические “руководства к действию” мало имели общего с реальной жизнью народа. С другой стороны, на углубление конфликтов влияли внутренние разломы поколений отцов, их ошибки. “Богаты мы, едва из колыбели,/ Ошибками отцов и поздним их умом...” (М.Ю. Лермонтов). И самое трагическое заключалось в том, что на определенном этапе радикальная интеллигенция, отрицавшая почву и возглавившая борьбу против существовавшего строя власти, общества, объединила поколения отцов и детей, что и раскрыто в романах Ф.М. Достоевского, показан, по словам самого писателя, настоящий “хищный тип”. Тогда как мощная созидающая сила, которая включила бы все поколения, “объединила всех противу общего зла” (А.С. Пушкин) не сложилась». С точки зрения С.А. Ермишиной, «этую универсальную формулу, обнаруживающую глубинные корни подобных драматических расколов российского общества, можно приложить к изучению и его последующей истории, включая и современный этап».

В заключение симпозиума **Ю.М. Осипов** поблагодарил всех участников и отметил, что «мы хорошо поговорили, дискуссия прошла заинтересованно, живо, содержательно. Разумеется, на проблему есть разные мнения, ибо сама проблема оказалась не такой уж простой, да дело не только в самой этой проблеме как таковой и вообще в идущей вокруг то ли экзистенции, то ли уже постэкзистенции, то ли в бытующем ныне социуме, то ли уже постсоциуме, то ли в существующей цивилизации, то ли уже в постцивилизации, наконец, то ли в человеческом мире, то ли уже в неумолимо разворачивающемся постчеловеческом постмире».

Вот вам и простенькая на первый взгляд постановочка, а роет-то она глубоко и широко, да что роет — взрывает!

Есть, есть, над чем думать все-еще-гуманитариям, есть, хоть гуманитариев-то все меньше, и они все тише, вольно или невольно уступая место оцифрованно-математизированным, уж извините, технарям, среди которых хватает и “отцов”, и “детей”, правда, пожалуй-что псевдоотцов и псевдодетей, а так межпоколенчески перемешанной между собой технонейроцифромассы».

* * *

30 октября 2025 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся Международный научный симпозиум-презентация «Актуальная гуманитарная мысль», на котором выступили доктора наук Ю.М. Осипов, У.Ж. Алиев (Астана, Казахстан), М.Л. Альпидовская, Л.А. Асланов, С.В. Бирюков (Новосибирск), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, М.М. Гузев (Волжский), С.Г. Ковалев (СПб.), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, А.А. Олейников, М.Ю. Павлов, Л.И. Ростовцева (Тула), В.В. Смагина (Тамбов), И.Г. Шевченко, Г.С. Широкалова (Нижний Новгород), Н.Б. Шулевский; кандидаты наук О.В. Доброчеев, П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), А.А. Курдин, Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), В.В. Чапля (Краснодар), Е.В. Шелкопляс (Иваново); научный сотрудник Т.С. Сухина.

АНОНСЫ — 2026

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной,
обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

*«Воспроизводственная целостность российского народного
хозяйства как залог его жизнеспособности и суверенности:
состояние, проблемы, перспективы»*

19 февраля 2026 г. (четверг)

(МГУ, экономический факультет)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы философско-хозяйственной,
обществоведческой и экономической мысли»

на тему:

*«Феномен управляемого экзистенциально-хозяйственного
(экономического) хаоса: бред и реалии, проекты и результаты»*

19 марта 2026 г. (четверг)

(МГУ, экономический факультет)

ЛОМОНОСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2026

Научная конференция экономического факультета МГУ

Секция лаборатории философии хозяйства

*«Помалыняя техногенерализация: новая для экономики
перспектива или смертный ей приговор?»*

Апрель 2026 г.

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ
из цикла
«Средняя Россия: земля и люди»
«Регион под прессом усиливающейся конкуренции и натиском непредсказуемых социально-хозяйственных нововведений»

Июнь 2026 г.

(МГУ, экономический факультет совместно с Тамбовским государственным университетом имени Г.Р. Державина)

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2026

на тему:

«Мировая экономика как управляемое из глобального финансового центра казино»

Сентябрь — октябрь 2026 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

на тему:

«Планетарный мир на трансгрессивном переломе»

Пленарное заседание

Секции:

1. Хозяйство и экономика на путях глобально-кризисных перемен.
2. Homo sapiens contra at pro homo sapiens.
3. История конца истории.

Пленарная дискуссия

От глобального диктата финансократии к глобальной диктатуре техноНейроцифрократизма?

Декабрь 2026 г.

(МГУ, экономический факультет)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

БИЗЕНГИН БАЗЫНАН МАГОМЕДОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (*rkhadis@yandex.ru*).

КУЧУКОВА ЖАННЕТА МАГОМЕДОВНА,

доктор философских наук, доцент, кафедра истории, политологии и философии, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (*kuchukova.1976@mail.ru*).

РАХАЕВА ДАРИНА АЛИКОВНА,

стажер-исследователь, лаборатория маркетинговых исследований, кафедра управления, Кабардино-Балкарский государственный аграрный университет имени В.М. Кокова, Нальчик, Россия (*darinaraхаева09@mail.ru*).

ГУЗЕВ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, Волжский, Россия (*guzev@vgi.volsu.ru*).

ПАВЛОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*1tm@mail.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра мировой экономики и мировых финанс, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

БРИЖАК ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА,

доктор экономических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*brizhak71@mail.ru*).

ЕРМОЛЕНКО АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, независимый исследователь, Краснодар, Россия (*ermolenko_alex@inbox.ru*).

ТОЛСТОБОКОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат технических наук, доцент, специалист, департамент дополнительного образования, Институт повышения квалификации, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия (*tolstobokov@yandex.ru*).

КАПКАНЩИКОВ СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики, филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в Севастополе, Севастополь, Россия (*kapkanshchikovsg@mail.ru*).

АРАКЕЛЯН СЕРГЕЙ МАРТИРОСОВИЧ,

доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики и прикладной математики, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия (*lab.phil.ec@mail.ru*).

АЛЬПИДОВСКАЯ МАРИНА ЛЕОНИДОВНА,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*morskaya67@bk.ru*).

БУХАРОВ ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат физико-математических наук, старший преподаватель, кафедра физики и прикладной математики, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия (*prkom@vlsu.ru*).

СОКОЛОВ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра экономической теории, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*frei-falke@mail.ru*).

ОРЛОВ АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ,

аспирант, Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия (*a.orlovhealthcare@gmail.com*).

ЧЕПЬЮК ОЛЬГА РОСТИСЛАВОВНА,

доктор философских наук, доцент, Приволжский исследовательский медицинский университет Министерства здравоохранения РФ, Нижний Новгород, Россия (*cheruyko@yandex.ru*).

БЕЛКИН ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

преподаватель, кафедра философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия (*consigliori2003@mail.ru*).

МИХАЛКИН АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

студент 2 курса магистратуры, философский факультет, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия (*mihalkin58@gmail.com*).

ИВАНОВ НИКИТА МАКСИМОВИЧ,

аспирант, Институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*zoomzoob@gmail.com*).

ФРИДМАН МИХАИЛ ФЕЛИКСОВИЧ,

доктор философских наук, кандидат педагогических наук, профессор, кафедра экономической теории и политики, факультет финансов, Институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*mffree79@mail.ru*).

ХАСАНОВ МАГОМЕД ТУРКОЕВИЧ,

аспирант, Институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия (*mkhasanov-01@mail.ru*).

КОНЮХОВ ИЛЬЯ БОРИСОВИЧ,

заместитель управляющего директора — директор по экономике и финансам, ПАО «ОДК Сатурн», Рыбинск, Россия (*nadyamih@yandex.ru*).

ЧЕРНЫХ НАДЕЖДА АЛЕКСАНДРОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий специалист, ПАО «ОДК-Сатурн», Рыбинск, Россия (*nadyamih@yandex.ru*).

КРЫЛОВ СТЕПАН ВЛАДИМИРОВИЧ,

ведущий специалист, отдел методики управленческого учета, ПАО «ОДК Сатурн», Рыбинск, Россия (*nadyamih@yandex.ru*).

СУХИНА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА,

научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*tssmsu@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

BIZENGIN BAZYNAN MAGOMEDOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Management, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*rkhadiis@yandex.ru*).

KUCHUKOVA ZHANNETA MAGOMEDOVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of History, Political Science and Philosophy, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*kuchukova.1976@mail.ru*).

RAKHAEVA DARINA ALIKOVNA,

Intern Researcher, Marketing Research Laboratory, Department of Management, V.M. Kokov Kabardino-Balkarian State Agrarian University, Nalchik, Russia (*darinarahaeva09@mail.ru*).

GUZEV MIKHAIL MIKHAYLOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Volga Branch of Volgograd State University, Volzhsky, Russia (*guzev@vgi.volsu.ru*).

PAVLOV MIKHAIL YUR'EVICH,

Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*1tm@mail.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIYA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economics, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

ALEKSEY VLADIMIROVICH KUZNETSOV,

Doctor of Economics, Professor, Department of World Economy and Global Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

BRIZHAK ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА,

Doctor of Economics, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*brizhak71@mail.ru*).

ERMOLENKO ALEKSANDR ALEKSANDROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Independent Researcher, Krasnodar, Russia (*ermolenko_alex@inbox.ru*).

TOLSTOBOKOV OLEG NIKOLAEVICH,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Specialist, Department of Continuing Education, Institute for Advanced Studies, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia (*tolstobokov@yandex.ru*).

KAPKANSHCHIKOV SERGEY GENNAD'EVICH,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economics, Lomonosov Moscow State University Branch in Sevastopol, Sevastopol, Russia (*kapkanshchikovsg@mail.ru*).

ARAKELYAN SERGEY MARTIROSOVICH,

Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor, Head of the Department of Physics and Applied Mathematics, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Vladimir, Russia (*lab.phil.ec@mail.ru*).

AL'PIDOVSKAYA MARINA LEONIDOVNA,

Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*morskaya67@bk.ru*).

BUKHAROV DMITRIY NIKOLAEVICH,

Candidate of Physico-Mathematical Sciences, Senior Lecturer, Department of Physics and Applied Mathematics, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov, Vladimir, Russia (*prkom@vlsu.ru*).

SOKOLOV DMITRIY PAVLOVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*frei-falke@mail.ru*).

ORLOV ALEKSANDR VLADIMIROVICH,

Postgraduate Student, Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russia (*a.orlovhealthcare@gmail.com*).

CHEPYUK OLGA ROSTISLAVOVNA,

Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Management and Entrepreneurship, Volga Region Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia (*chepyuko@yandex.ru*)

BELKIN VASILIY VLADIMIROVICH,

Lecturer, Department of Philosophy, Perm State National Research University, Perm, Russia (*consigliori2003@mail.ru*).

MIKHALKIN ALEKSEY ALEKSEEVICH,

Master's Student, 2-nd year, Faculty of Philosophy, N.G. Chernyshevsky SSU, Saratov, Russia (*mihalkin58@gmail.com*).

IVANOV NIKITA MAKSIMOVICH,

Postgraduate Student, Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*zoomzoob@gmail.com*).

FRIDMAN MIKHAIL FELIKSOVICH,

Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Economic Theory and Politics, Faculty of Finance, Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*mffree79@mail.ru*).

KHASANOV MAGOMED TURKOEVICH,

Postgraduate Student, Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia (*mkhasanov-01@mail.ru*).

KONYUKHOV ILIA BORISOVICH,

Deputy Managing Director — Director of Economics and Finance, PJSC «UEC-Saturn», Rybinsk, Russia (*nadyamih@yandex.ru*).

CHERNYKH NADEZHDA ALEKSANDROVNA,

Candidate of Economics, Leading Specialist, PJSC «UEC-Saturn», Rybinsk, Russia (*nadyamih@yandex.ru*).

KRYLOV STEPAN VLADIMIROVICH,

Leading Specialist, Management Accounting Methodology Department, PJSC «UEC-Saturn», Rybinsk. Russia (*nadyamih@yandex.ru*).

SUKHINA TAT'YANA SERGEEVNA,

Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*tssmsu@mail.ru*).

Содержание за 2025 г.

Непогодь — 2025 (Главный редактор)	№ 1
Иное (Главный редактор)	№ 2
Растревоженный постмодернизм (Главный редактор)	№ 3
Трампизм как знамение времени (Главный редактор)	№ 4
Университеты и гуманитарность (Главный редактор)	№ 5
Цифровизм и гуманитарность (Главный редактор)	№ 6

Раздел I. Философия хозяйства

Р.К. Асманов, М.М. Кучуков

Эмоции и страсти как фактор и ресурс экономической динамики.....	№ 5
---	-----

Б.М. Бизенгин, Ж.М. Кучукова, Д.А. Рахаева

О соразмерности политики, морали, науки и красоты в экономике	№ 6
--	-----

М.М. Гузев

Вирус неосоциализма бродит по миру: воспоминания о будущем России.....	№ 2
---	-----

М.М. Гузев

Проблемы устойчивого развития в условиях глобальной неустойчивости и их ноосферное решение	№ 6
---	-----

С.Г. Ковалев

Власть цифровой нейросети: понимание, воздействие на РФ	№ 1
--	-----

С.Г. Ковалев

Метафизика доминирования: США от Арктики до Антарктики. Пространственная геоэкономика будущего	№ 3
---	-----

С.Г. Ковалев

Философско-хозяйственное осмысление дуализма новейшего миропорядка сквозь призму интересов РФ	№ 6
--	-----

Л.И. Коростелева

Феноменология труда и творчества: опыт реконструкции полного цикла работы со льном в небольшом деревенском хозяйстве	№ 2
--	-----

А.В. Марков, О.А. Штайн

«Поэтическое хозяйство Пушкина» Владислава Ходасевича и теории хозяйства	№ 4
---	-----

А.В. Марков, О.А. Штайн

Лед, реки и ритмы: непереводимость хозяйства в свете тайдалектики.....	№ 5
---	-----

<i>Д.А. Михалев</i>	
Философские и экономические подходы к концепции	
технологического суверенитета.....	№ 3
<i>К.В. Молчанов</i>	
Изучение и развитие философии хозяйства:	
первая стадия (развернутые концептуальные тезисы)	№ 2
<i>А.Н.Ш. Мохаммад</i>	
Эволюция подходов к изучению производительности труда	№ 4
<i>Л.А. Мурзанова</i>	
Принцип целостности в философии хозяйства	№ 3
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Современные аспекты комплементарности человека и ИИ.....	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Текст первый. Я — ДОСТОЯНИЕ, однако ИНОЕ!	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Текст второй. Философия хозяйства как достояние ИНОГО	№ 2
<i>Ю.М. Осипов</i>	
«Экономика» как иллюзия и экономика	
как реальность (невразумительное эссе).....	№ 5
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Философия хозяйства как достояние отечественной	
и мировой гуманитарной мысли.....	№ 6
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Что есть в реальности экономика и что есть	
в ирреальности экономическая наука?	№ 1
<i>М.Ю. Павлов</i>	
Проблема супервыравнивания и ограниченность	
искусственного интеллекта: «живая» математика	
и «черные лебеди»	№ 6
<i>М.Ю. Павлов</i>	
Эссе о перспективах искусственного интеллекта,	
математического моделирования и «живой» математики	№ 3
<i>И.В. Пшеницын</i>	
Хозяйство как жизнедеятельность	№ 1
<i>Н.С. Севастьянов</i>	
Современное философско-методологическое обеспечение	
инновационного и технологического развития	
российской экономики	№ 3
<i>И.П. Смирнов</i>	
Каких перемен требует отечественная гуманитарная сфера	№ 1

Д.К. Стояко, К.П. Стояко

«Парадокс ценности»: теоретико-методологические аспекты № 3

Раздел II. Экономическая теория

М.Л. Альпидовская, А.М. Корнилов

Асимметрия информации в условиях финансализации
и цифровизации экономического роста № 5

М.Л. Альпидовская, С.М. Аракелян, Д.П. Соколов

Цивилизационный аспект стратегии прорывного
социально-экономического развития России:

противоречия и тенденции № 2

Ф.С. Амирханова

К вопросу о роботизации российской экономики № 2

С.М. Аракелян, М.Л. Альпидовская,

Д.Н. Бухаров, Д.П. Соколов

Предсказательное моделирование и прогнозирование

социально-экономического развития современной России № 6

М.А. Арзуманян

Теоретические предпосылки развития системы
образовательных кредитов: в поиске баланса частных

и общественных интересов № 3

Р.К. Асманов, М.М. Кучуков

Эффект компактификации: механизм, оценка,
интерпретация (к 100-летию публикации 3-го издания

«Тектологии» А.А. Богданова) № 4

В.В. Бирюков

Общественная собственность и ее центральная роль

в построении хозяйственной системы № 3

В.В. Бирюков

Собственность как исходная основа понимания

логики эволюции экономических систем № 5

О.В. Брижак, А.А. Ермоленко, О.Н. Толстобоков

Искусственный интеллект в зеркале политической

экономии: новые перспективы технологической основы № 6

В.Е. Гаврилова

Концепция здоровьесбережения в условиях

дорогих денег в РФ № 1

П.Ю. Гордок

«Nothing personal, just business»: заметки

о политической теологии неолиберализма № 4

<i>Д.Ю. Жданов</i>	
Особенности использования и регулирования	
криптовалюты в России.....	№ 1
<i>А.В. Заздравных</i>	
Проблематика роста фирм в различных теоретических	
концепциях	№ 2
<i>В.П. Золотарева</i>	
Типологизация национальных моделей	
«догоняющей модернизации».....	№ 4
<i>М. Камара</i>	
Нейромаркетинг как новая технология воздействия	
на потребительское поведение	№ 4
<i>С.Г. Капканников</i>	
К дискуссии о результативности антироссийских санкций	№ 3
<i>С.Г. Капканников</i>	
Санкционный кризис российской экономики	
и перспективы его преодоления	№ 6
<i>С.Г. Капканников</i>	
Формирование в постсоветской России благоприятной	
среды для санкционных ограничений	№ 4
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Изоморфическая парадигма восприятия и искажения	
постэкономической действительности как механизм	
осуществления и удержания глобальной власти	
над планетарной жизнью.....	№ 2
<i>А.Ю. Козловский</i>	
Древневосточные и античные представления	
о социально-экономической типологии стран мира	№ 3
<i>А.В. Кузнецов</i>	
О кризисе англосаксонской модели	
глобального управления	№ 6
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Россия и справедливое общество: от виртуальной	
финансомики к созидательному хозяйству	№ 1
<i>О.Б. Лемешонок</i>	
Развитие концепции человеческого капитала	
в процессе трансформации хозяйственных отношений	№ 5
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Особенности развития цифрового социума посредством	
распространения социальных сетей	№ 4

<i>A.B. Орлов</i>	
Комплексный анализ состояния отрасли промышленности	
и рынка реагентов для диагностики <i>in vitro</i>	
Российской Федерации.....	№ 6
<i>A.B. Орлов</i>	
Основные подходы и механизм повышения	
эффективности промышленной политики в отрасли	
промышленности реагентов для диагностики <i>in vitro</i>	№ 5
<i>A.B. Орлов</i>	
Теоретические и нормативно-правовые основы	
промышленной политики в приоритетных направлениях	
технологического суверенитета Российской Федерации	№ 2
<i>Д.Н. Платонов</i>	
Европеизация России и смена стратегии	
экономического развития	№ 1
<i>Н.А. Розинская</i>	
Влияние экспорта зерна на развитие аграрного сектора	
Российской империи во второй половине XIX —	
начале XX в.	№ 3
<i>В.И. Смагина, И.О. Юдин</i>	
Интеллектуальные агенты в экономике: модели	
и вызовы цифровой трансформации	№ 4
<i>В.П. Суйц, С.Н. Сапронов</i>	
Пролегомены к природе учета данных	№ 5
<i>С.Е. Трофимов</i>	
Практическая реализация методологии государственного	
регулирования нефтегазового комплекса на основе	
встраивания в контур Шестого технологического уклада	№ 4
<i>К.А. Хубиев</i>	
Системная оценка экономической политики Трампа —	
трампономики	№ 3
<i>Л.Г. Чередниченко, А.В. Матыцын,</i>	
<i>А.М. Джабраилов, М.К. Лапидус</i>	
Анализ проблем и перспектив развития гибридных	
моделей прогнозирования спроса на нефть.....	№ 3
<i>Л.К. Чулков</i>	
Коллективная и индивидуальная формы хозяйственной	
деятельности.....	№ 3
<i>Я.Д. Яковлев</i>	
М.И. Туган-Барановский: взгляд на кооперацию	
и ее роль в социальной борьбе.....	№ 5

Раздел III. Актуальная философия

С.С. Безматерных, К.В. Патырбаева

Проблема смысла жизни в мистической средневековой философии: идейные истоки и опыт мысли

Мейстера Экхарта № 4

В.В. Белкин

Криптовалюты — «проклятая доля» цифровой эпохи:

экономика растраты в социальной философии Жоржа Батая № 6

А.И. Бобков

Социально-феноменологический конструктивизм

и философия археоавангарда в исследовании

этнорелигиозной идентичности человека № 5

А.Р. Геворкян

Преодоление материализма. Попытка переосмысления

социализма на идеалистических основаниях

в русской философии первой половины XX века № 5

Ф.И. Гиренок

О человеке коллективных представлений № 4

Ф.И. Гиренок

Русский гений кривых линий и плоских онтологий № 1

Д.Г. Егоров

Модель человека как определяющий фактор

желательного образа будущего № 1

А.В. Марков, О.А. Штайн

Зеркало городского хозяйства: Бердяев и Уорхол № 2

Э. Мартин

К вопросу о кризисе идентичности.

Критика интерпретации идеи идентичности

в постмодернизме и постструктурализме № 4

С.С. Мерзляков

О правиле существования субъекта в вечности № 4

А.А. Михалкин

Влияние экономической и цифровой трансформации

на идеологические процессы современного общества:

историко-материалистический подход № 6

И.Г. Морозов

Философские основания доктрины Карла Барта.

Бог как имманентная трансценденция № 3

П.В. Нестеров, Ю.Н. Симанис

Олимпизм на исходе семисотой Олимпиады № 1

И.Е. Петроченко

Образ человека в русской новокрестьянской поэзии	
первой половины XX века.....	№ 1
<i>В.Н. Прончатов, А.М. Горбачев</i>	
Метод Декарта как инструмент научного познания	№ 5
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Метафизические основания рациональности	№ 2
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Русские смыслы в сказке П. Ершова «Конек-Горбунок»	№ 3
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Синтез искусств: Кандинский, Шенберг и Скрябин.....	№ 5
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Философия живописи Ильи Репина	№ 1
<i>О.Р. Чеплюк</i>	
Техномика против Канта: вызовы «капитализма	
наблюдения» XXI века	№ 6
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Информация в поисках отчего мира	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Философия как фатальная перспектива бытия.....	№ 2
<i>М.Н. Шульга</i>	
Кризис «человека творящего» и критика пустоты	
в современном искусстве	№ 1

Раздел IV. Актуальная политология

<i>С.В. Бирюков</i>	
Россия: мобилизационный тренд в истории	
и в практической политике	№ 1
<i>В.Я. Иохин</i>	
От евроцентричной многополярности к глобальной	№ 1
<i>И.Г. Шевченко</i>	
Вязкость и гравитация geopolитических систем	№ 1

Раздел IV. Актуальная социология

<i>Е.Н. Братищева, В.Н. Иванова</i>	
Инновационный менеджмент и социальные	
отношения в сфере массовой культуры	№ 5
<i>Г.Р. Наумова</i>	
Гуманитарные науки на переломе	№ 5
<i>С.Б. Павлов</i>	
Социальный формат информационных технологий	№ 4

P.Ю. Скоков

- Система информационной безопасности
и цифровой грамотности в России и регионах:
истоки, состояние, перспективы № 5
Г.С. Широкалова
Российские студенты: секс — потребность или мода? № 4

Раздел V. Актуальный менеджмент

- А.И. Афонин, И.М. Жураховская, А.А. Чекан*
Научно-методическое сопровождение развития
лидерских качеств сотрудников государственных
организаций № 1
М.В. Базаева
Показатели эффективности деятельности сферы
здравоохранения в условиях системных
(пандемических) рисков № 2
Н.М. Иванов, М.Ф. Фридман, М.Т. Хасанов
Стратегическое управление талантами:
философско-экономическая концепция
экологического менеджмента № 6
А.Ю. Истратий, Е.Г. Козлова, И.В. Кузнецова
Современные особенности организации труда
в агропромышленном комплексе России № 1
И.Б. Конюхов, Н.А. Черных, С.В. Крылов
О моделях зрелости раздельного учета № 6
Н.А. Черных
Роль раздельного учета в операционной эффективности
промышленного предприятия № 2

Раздел VI. Рецензии и отклики

- Ю.М. Осипов, Н.П. Недзвецкая*
Иное видение, иное ведение и иная реальность № 1
Ю.М. Осипов
МИР и ПЕРЕМЕНА: кто кого? № 3
Ю.М. Осипов
Наши пишут! (о новых книгах от наших) № 4
Ю.М. Осипов, И.П. Смирнов
«Тернистый путь к знанию» У.Ж. Алиева № 4
И.Г. Шевченко
Историческая память № 3

<i>Г.С. Широкалова</i>	
Совместные думы: какой быть семье (в) России.....	№ 3
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Метафизический, исторический, событийный образ	
России в творчестве Ю.М. Осипова.....	№ 1
<i>Я.Д. Яковлев</i>	
О планетарном эволюционизме Н.Б. Шулевского.....	№ 4

Научная жизнь

<i>Е.С. Зотова</i>	
О постэкономике как фантастическом достоянии	
современности (дискуссия на экономическом факультете).....	№ 4
<i>Е.С. Зотова</i>	
Человек в человеке: что это, если не оксюморон?.....	№ 2
<i>Е.С. Зотова</i>	
«Что и где она, воспетая наукой экономика?»	
(обзор дискуссии).....	№ 1
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Знаменательный юбилей в Париже	№ 3
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Трансформация мирового хозяйства:	
от прошлого к будущему.....	№ 2
<i>Т.С. Сухина</i>	
Отцы и дети: кто куда?	
(дискуссия на Орленковских чтениях — 2025).....	273
<i>Т.С. Сухина</i>	
ТехноНЕЙРОреволюция и судьба человека	
(Ломоносовские чтения — 2025).....	№ 4
<i>Т.С. Сухина</i>	
Человечество под натиском техноНЕЙРОсети	№ 1
<i>Ю.В. Яковец, А.И. Агеев, С.Н. Фарах</i>	
Мировое лидерство Международного института	
Питирима Сорокина — Николая Кондратьева	
в формировании интегральной парадигмы обществознания	№ 2

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритеキстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация

формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы сгруппированы внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. **Подписку** на журнал (6 номеров в год) можно оформить в Агентстве «Урал-Пресс». Индекс — 83115. **ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА (ural-press.ru)**. Со всеми вышедшими с 1999 г. номерами журнала можно ознакомиться в редакции.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. +7(495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редакколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые корректизы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.